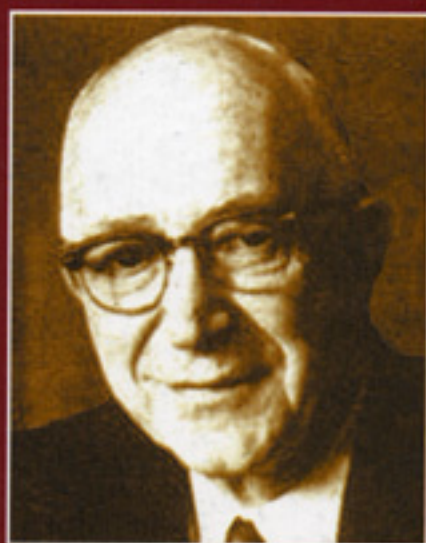

ГОРДОН ОЛПОРТ

СТАНОВЛЕНИЕ
ЛИЧНОСТИ

Живая классика

Гордон Олпорт

**Становление личности.
Избранные труды**

НПФ «Смысл»

Олпорт Г. В.

Становление личности. Избранные труды / Г. В. Олпорт — НПФ «Смысл», — (Живая классика)

Впервые на русском языке представлено во всем богатстве и разнообразии психологическое наследие Гордона Олпорта – одного из крупнейших психологов XX века, фактически создавшего психологию личности как особую предметную область психологической науки. Психологам, представителям смежных наук, студентам психологических специальностей.

Содержание

ГОРДОН ОЛПОРТ – архитектор психологии личности	5
АВТОБИОГРАФИЯ[22]	16
СТАТЬИ РАЗНЫХ ЛЕТ	34
Личность нормальная и аномальная[33]	34
Какие единицы нам использовать?[41]	44
Открытая система в теории личности[69]	58
Эго в современной психологии[101]	70
Тенденция в мотивационной теории[165]	86
Воображение в психологии: некоторые необходимые шаги[182]	96
Базовая психология любви и ненависти[195]	106
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Гордон Олпорт

Становление личности. Избранные труды

ГОРДОН ОЛПОРТ – архитектор психологии личности

В любой науке среди выдающихся ученых можно встретить представителей двух основных типов – «открывателей» и «систематизаторов». Первые открывают новый объяснительный принцип и перестраивают в соответствии с ним свою область знания. Они видят реальность через призму своей идеи, им грозит опасность предвзятости, однобокости, но именно они обеспечивают прорывы в науке и создают научные школы, развивающие дальше основанное ими учение. Вторые, как правило, обладают энциклопедическими познаниями, которые позволяют им, не вводя новых объяснительных принципов, систематизировать и обобщать имеющиеся знания, строить общетеоретические системы и «сводить концы с концами». Они, конечно, тоже делают открытия, хотя и более частные. У них есть ученики, но нет школ, – ведь школа формируется вокруг яркой идеи, а не вокруг системы. Однако они пользуются огромным авторитетом, потому что способность интегрировать разные идеи в систему встречается еще реже, чем способность открыть что-то принципиально новое. Примеров масса: открыватель Платон и систематизатор Аристотель, открыватель Кант и систематизатор Гегель, открыватель А. Н. Леонтьев и систематизатор С. Л. Рубинштейн. Эти два типа ученых дополняют друг друга; если бы тех или других не было, наука вряд ли могла бы развиваться.

Ученые того и другого типа различаются по своим личностным особенностям. Чтобы стать «открывателем», нужен талант, страсть, убежденность, труд, смелость. «Систематизаторами» становятся люди, одаренные по-иному: для этого необходим, прежде всего, интеллект, широкий кругозор, эрудиция, более спокойный научный темперамент, помогающий скорее не отстаивать свое, а соединять разные точки зрения. Здесь требуются искренний интерес и уважение к чужой позиции, редкая даже для людей науки объективность, позволяющая предпочесть своей точке зрения чужую, более правильную, высокая степень научного смирения. Наконец, должен быть профессиональный вкус – чутье, позволяющее разглядеть сквозь завалы традиций и завесу моды ростки идей и подходов, которым принадлежит будущее науки. И благородство, проявляющееся в бескорыстной поддержке этих идей и подходов всей мощью своего научного авторитета.

Все эти достоинства соединились в Гордоне Уилларде Олпорте (1897–1967), влияние которого на мировую психологию при его жизни было трудно переоценить. Олпорт относился к редкому типу систематизаторов. Он был, может быть, самым умным человеком из тех, кто занимался психологией личности. В одной из статей он писал, как психологу необходимо воображение. Однако наиболее яркая отличительная черта самого Олпорта – логическое мышление. Никогда не принадлежа к господствующей парадигме, он постоянно ненавязчиво «подправлял» психологию личности на нужный путь. Характерный для него стиль – сглаживать крайности и преодолевать дихотомии; его по праву можно назвать одним из самых диалектически мыслящих психологов. Его часто называли эклектиком, и он соглашался с этим, уточняя, что Гёте различал два вида эклектизма: эклектизм по типу галки, которая тащит в свое гнездо все, что ей попадется, и систематический эклектизм, основанный на стремлении построить единое целое из того, что можно найти в разных местах. Эклектизм второго типа – не порок, а весьма продуктивный метод научной работы¹.

¹ Цит. по: *Evans R.I. Gordon Allport: The man and his ideas*. N.Y.: E.P.Dutton & Co., Inc., 1970. P.19.

Пожалуй, мало кого (если вообще кого-нибудь) можно сравнить с Олпортом по количеству идей, вошедших не в учебники по теориям личности, а в основной корпус знаний психологии личности – часто эти идеи кажутся сейчас уже настолько очевидными, что упоминаются анонимно, без специального указания авторства. Олпорт стоял у истоков теории черт, гуманистической психологии, написал первый обобщающий учебник по психологии личности² и переписал его четверть века спустя³, узаконил введение в академическую науку качественных методов, таких исследовательских проблем как личностная зрелость, мировоззрение, самореализация, религиозность. Он не сделал открытий, не обеспечил прорывов, не создал школу, не заложил новую парадигму, однако во многом именно ему принадлежит заслуга создания психологии личности как особой предметной области – его без преувеличения можно назвать архитектором психологии личности. За свою жизнь он был удостоен всевозможных почестей – избирался президентом Американской психологической Ассоциации (1939), президентом Общества Изучения социальных проблем, получил награду «За выдающийся вклад в науку» (1964) и т. п., но в автобиографии признавался, что среди множества научных отличий самым дорогим для него призом был подаренный ему в 1963 году двухтомный сборник трудов 55 его бывших аспирантов с надписью «от Ваших учеников – с признательностью за Ваше уважение к нашей индивидуальности». Его ученикам присущи такие отличительные черты как наличие собственной позиции, целостный подход к человеку и научная неконформность – в остальном они очень разные. В их числе такие замечательные психологи как Лео Постман, Филипп Вернон, Роберт Уайт, Брюстер Смит, Гарднер Линдсей, Джером Брунер и другие.

Но Олпорт велик не только тем, что вырастил плеяду своих учеников, но и тем, что был в состоянии оценить многие передовые идеи других, в частности, зарубежных ученых и оказать им весомую поддержку в продвижении на американский «научный рынок», который вообще крайне предвзято относится ко всему неамериканскому. В списке его публикаций огромное место занимают рецензии и предисловия к чужим книгам. Эта просветительская деятельность была присуща Олпорту всю его жизнь – начиная с молодых лет, когда, вернувшись домой после двухлетнего пребывания в Европе, он стал активно обогащать американскую науку идеями персонологии В. Штерна, психологии духа Э. Шпрангера и гештальтпсихологии К. Коффки, В. Кёлера и М. Вертгеймера. В зрелые годы он активно поддерживал новаторские исследования иммигрировавшего в Америку Курта Левина. В пожилом возрасте он смог оценить значение для психологии идей экзистенциализма, представил американской публике еще никому не известного Виктора Франкла и поддержал создание Ассоциации гуманистической психологии, хотя сам ни в какие ее структуры не вошел. Опрос клинических психологов в США в 1950-е годы обнаружил, что по своему идейно-теоретическому влиянию Олпорт уступал лишь Фрейду.

И при этом он отнюдь не был чисто кабинетным мыслителем. Еще одна отличительная особенность научного стиля Олпорта – быть всегда на острие социальных проблем современности. Он стремился к изучению прежде всего того, что важнее, а не того, что проще. Им созданы статьи и книги, этапные для многих конкретных областей и направлений исследований – психологии выразительных движений, психологии радио, психологии слухов, психологии войны, психологии религии. Его 600-страничный труд, посвященный природе предубеждений⁴, уже почти полвека остается главным и непревзойденным источником по этой проблеме, и актуальность его возрастает, к сожалению, с каждым годом. Совокупный тираж этой книги уже к 1970 году достиг полумиллиона экземпляров.

² Allport G. W. *Personality: A psychological interpretation*. N.Y.: Holt, 1937.

³ Allport G. W. *Pattern and growth in personality*. N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1961.

⁴ Allport G. W. *The nature of prejudice*. Cambridge (Mass.): Addison-Wesley, 1954.

* * *

Автобиография Гордона Олпорта включена в данный том. Поэтому нет необходимости подробно пересказывать его жизненный путь, который, впрочем, довольно прост и прямолинеен – это путь отличника в хорошем смысле слова, последовательно прикладывающего свой незаурядный интеллект и трудолюбие к достижению целей и закономерным образом достигающего их.

Гордон Олпорт родился в 1897-м году в семье американских провинциальных интеллигентов. Он на год моложе Пиаже и Выготского, на семь лет – Левина, на три года старше Фромма, на пять – А. Р. Лурия и П. Я. Гальперина, на шесть – А. Н. Леонтьева. Школу он окончил вторым по успеваемости из 100 выпускников и поступил в знаменитый Гарвардский университет – по стопам старшего брата Флойда, который впоследствии оставил весьма заметный след в социальной психологии и психологии восприятия.

В Гарварде интеллектуальные способности Гордона Олпорта развернулись в полную силу и обрели направленность. Параллельно с психологией он занимается социальной этикой – с юных лет его интерес распределялся между психологией и более широким социальным контекстом, и не случайно в 1930-е годы он создал в Гарварде междисциплинарный по своей сути департамент социальных отношений, синтезировавший подходы психологии, социологии и антропологии.

Отличительной особенностью научного мировоззрения Олпорта стало довольно большое влияние на него европейской психологии, особенно Вильяма Штерна, Эдуарда Шпрангера и гештальтпсихологии. Во многом этому способствовало пребывание молодого ученого в Европе в начале 1920-х годов; хотя в большинстве учебников обращают внимание только на встречу Олпорта с Фрейдом – разговора между ними не получилось. Олпорт был открыт самым разным влияниям, однако мощный интеллект позволял ему перерабатывать их и идти своим путем.

Под влиянием европейских идей Олпорт, занявшись в 1920-е годы изучением вопросов психологии личности, прежде всего личностных черт и выразительных движений, быстро пришел к необходимости рассматривать целостную личность, а не ее фрагменты. В университете его обучали в бихевиористских традициях, в духе схемы $S - O - R$, где O – это организм, опосредующий связь между стимулом S и реакцией R . На самом деле, говорит Олпорт, мы обнаруживаем маленькое S и маленькое R , но очень, очень большое O ⁵.

Однако подойти к целостной личности с научных позиций, констатирует Олпорт, нелегко: «как заметил один человек, единственное, что можно сделать с целостной личностью – это подарить ей цветы»⁶. Тем не менее Олпорту удалось первому в мировой психологии выстроить целостное теоретическое здание научной психологии личности. С его книги «Личность: психологическая интерпретация», вышедшей в 1937 году, во многом началась академическая психология личности. Личность, по Олпорту, это «динамическая организация психофизических систем индивида, которая определяет уникальное приспособление индивида к его окружению»⁷. Интересно, что почти то же определение он воспроизводит 24 года спустя, лишь исключив из него (что, впрочем, весьма знаменательно) понятие приспособления: «Личность – это динамическая организация психофизических систем индивида, которая обуславливает характерное для него поведение и мышление»⁸. Личность и характер – это, по сути, одно и то

⁵ Цит. по: *Evans R. I. Gordon Allport: The man and his ideas*. N. Y.: E. P. Dutton & Co., Inc., 1970. P. 14.

⁶ Ibidem. P. 9.

⁷ *Allport G. W. Personality: A psychological interpretation*. N. Y.: Holt, 1937. P. 48.

⁸ *Allport G. W. Pattern and growth in personality*. N. Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1961.

же, только характер – это понятие, оценочно нагруженное, а личность – то же самое, лишенное оценки⁹.

Индивидуальность. Проблема индивидуальности и ее изучения в психологии – вопрос, который оставался для Олпорта главным в течение всей жизни. Множество страниц он посвящает обсуждению проблемы уникальности, проблемы индивидуального и общего применительно к психологии личности. Именно он сделал центром рассмотрения в психологии дилемму номотетического и идиографического. Номотетический подход – это попытка подвести любые психологические проявления под общие закономерности. Идиографический подход – стремление описать индивидуальное своеобразие данного случая не как частное проявление каких-то общих закономерностей, а как нечто уникальное. «Каждый человек сам по себе есть по сути особый закон природы»¹⁰. Вся психология, и прежде всего практическая, до сих пор продолжает в той или иной степени метаться между этими двумя полюсами. С одной стороны, уникальность каждого человека отрицать трудно, с другой стороны, общие закономерности являются предпосылкой к применению каких-то методов, техник, принципов. Особенно остро эта проблема стоит в консультировании и психотерапии, в частности, в виде дилеммы: опираться на методики и техники, либо работать без опоры на них, личностью психотерапевта как главным его «инструментом».

Олпорт был первым, кто подверг подробной методологической рефлексии проблему общего и индивидуального в личности. В духе позиции «систематического эклектизма» он находит дилемму «номотетическое – идиографическое» излишне заостренной; истина в их сочетании и синтезе. Олпорт подчеркивал: мы не должны забывать о том, что каждая личность уникальна, но это не означает, что нельзя в людях найти что-то общее. «Общий закон может быть законом, говорящим о том, как осуществляется уникальность»¹¹. Закон уникальности и есть основной закон психологии личности.

Наиболее полноценным выражением индивидуальной уникальности отдельного человека выступает сфера его экспрессивных, или выразительных, проявлений, по отношению к которой Олпорт использует понятие стиля. «Только по стилю мы узнаем музыку Шопена, картины Дали и макароны тетушки Салли» (наст. изд., с. 440). Олпорт уделял большое внимание этой области исследований начиная с конца 1920-х годов. Приводимые им экспериментальные данные свидетельствуют о том, что испытуемым удается на удивление успешно идентифицировать разные формы экспрессивных проявлений – почерк, походку, лицо и др., принадлежащие одним и тем же людям, хотя механизмы этого стилевого единства индивидуальности остаются малопонятными. Человек более всего проявляет себя как индивидуальность не в том, что он делает, а в том, как.

Активность и функциональная автономия мотивов. Принципиальная особенность личности – и здесь Олпорт тоже был практически первым, кто поставил это во главу угла, – ее активность, проактивность, как он ее называет в противовес постулату реактивности, на котором строится весь бихевиоризм. Олпорт категорически не согласен с мнением большинства психологов, приписывающих человеку стремление к гомеостазу, редукции напряжения. Для него человек – существо, стремящееся к установлению и сохранению определенного уровня напряжения, а стремление к сокращению напряжения – признак нездоровья. Его теория личности как открытой системы (см. наст. изд., с. 62–74) – новый виток развития этих представлений.

Пожалуй, наиболее ярким выражением понимания Олпортом личности как активной служит введенный им принцип функциональной автономии мотивов.

⁹ Allport G. W. Personality: A psychological interpretation. N.Y.: Holt, 1937. P. 52.

¹⁰ Ibidem. P. 21.

¹¹ Ibidem. P. 194.

В период, когда Олпорт выдвинул эту идею, монополия на объяснение мотивации фактически принадлежала психоанализу, который исходил из того, что все в прошлом – в том числе и будущее. Для понимания мотивации надо «копать» историю личности: чем глубже раскопать то, что было с человеком в прошлом, тем легче понять, что у него впереди.

В статье «Тенденция в мотивационной теории» (см. наст. изд., с. 93–104) Олпорт говорит о возникшем перекосе в сторону косвенных методов диагностики мотивации, исходящих из базового недоверия к тому, что человек сам знает о своей мотивации. Почему бы, прежде чем «копать» вглубь, не спросить человека прямо о его мотивах? Это выглядит на первый взгляд немножко наивно. Олпорт начинает анализировать ситуацию более подробно, опираясь на данные экспериментов, и формулирует на основе этого анализа требования к тому, какой должна быть теория психодинамики, то есть мотивации. Он констатирует, что, по данным ряда исследований, проективные методы, во-первых, не отражают некоторые мотивы, явно, достоверно присутствующие у человека. Во-вторых, у людей здоровых, без тяжелых проблем, обнаруживается хорошая согласованность между данными, полученными на основе прямых и косвенных методов анализа мотивации. Проективные методы мало что добавляют у них к прямому самоотчету. У людей же с личностными конфликтами налицо расхождение между прямой и проективной картинами. У них проективные методы действительно позволяют выявить те мотивы, которые напрямую не улавливаются. Но если мы не будем использовать методы прямого самоотчета, говорит Олпорт, мы не сможем определить, имеем ли мы дело с мотивами, принятыми, осознанными и интегрированными в структуру личности или же с вытесненными инфантильными фиксациями, которые оказывают свое влияние подспудным образом, порождая конфликты в личностной структуре. В этих двух случаях перед нами мотивы, совершенно разные по происхождению и особенностям влияния на личность, однако различить эти случаи невозможно без обращения к рефлексивному сознанию. Необходимо сочетать оба источника информации – только тогда мы будем иметь полную картину.

Олпорт не спорит с психоаналитическим взглядом на корни человеческой мотивации, но вводит принципиальное дополнение. В процессе развития происходит трансформация исходных либидозных энергий, формируются разные мотивы, пусть из одних и тех же корней. Одни мотивы возникают из других, отпочковываются, отделяются от них (это происходит путем их дифференциации и интеграции, которые суть два основных вектора развития личности) и становятся функционально автономными, то есть независимыми от исходных базовых побуждений.

Идея функциональной автономии мотивов сама по себе очень проста. Она объясняет, почему у взрослых людей достаточно широкий и разнообразный спектр мотивов, при том, что базовые изначальные биологические потребности одинаковы; она снимает это противоречие и позволяет избежать редукции всей мотивации взрослого человека, зрелой личности, к одним и тем же ограниченным наборам нужд. Мотивация всегда локализована в настоящем и направлена не в прошлое, а в будущее, потому что от прошлого она уже функционально независима. Поэтому мало пользы «копать» прошлое, говорит Олпорт с присущей ему язвительностью, а то получается, что психологи и люди, которых они изучают, смотрят в противоположных направлениях: люди вперед, а психологи назад. Не пора ли психологам развернуться?¹²

Структура личности. Понятие черт. Подчеркивание индивидуальной уникальности отдельной личности не мешает Олпорту серьезно ставить вопрос о ее структурной организации: «успех психологической науки, как и успех любой науки, в значительной мере зависит от ее способности выявить существенные единицы, из которых состоит этот конкретный сгусток космоса» (наст. изд., с. 354). Анализируя различные подходы к выделению таких единиц (см.

¹² См.: Allport G. W. *Becoming: basic considerations for the psychology of personality*. New Haven: Yale University Press, 1955. Наст. изд. С. 166–216.

наст. изд., с. 46–61, 354–369), Олпорт останавливается на понятии черт, или диспозиций. Не он придумал или ввел в психологию понятие черт, но он – первым – построил обобщающую теорию и методологию их изучения, дал объяснение, что это такое, и на его теорию до сих пор ссылаются в учебниках как на диспозиционную теорию личности. Хотя Олпорт был широко мыслящим автором, далеким от жестких механических и упрощенных конструкций, тем не менее понятие личностных черт связывается в современной психологии прежде всего с его именем. В 1920-е годы бытовало полужутливое определение: черты – это то, что измеряют опросники личностных черт. Действительно, понятие черт возникло из процедуры измерения, но именно Олпорт смог наполнить его реальным теоретическим содержанием и превратить художочное определение черты как чего-то, извлекаемого из опросников, в полнокровное научно-психологическое понятие. При этом сам Олпорт недвусмысленно заявлял: «Измерение разных черт было связано с содержанием моей докторской диссертации, так что я весьма рано оказался вовлечен в это. Но лепить ярлык “психология черт” на мою последующую научную работу – значит не понимать ее»¹³.

Для Олпорта черта – не просто статистически фиксируемая закономерность, констатация наблюдаемого поведения, а определенная нейropsychологическая система, специфическая для данного индивида. Черта, в самом поверхностном представлении, – предрасположенность вести себя сходным образом в разных (но не в любых) ситуациях. Два аспекта этой стабильности поведения – стабильность во времени и стабильность по отношению к разным ситуациям. Конечно, бывают ситуации, когда мы ведем себя не так, как обычно, но и те ситуации, в которых поведение оказывается сходным, могут быть не совсем однотипными. Если человек проявляет одинаковые особенности (например, тревожность) каждый раз на экзамене, но вне ситуации экзамена эти особенности поведения отсутствуют, его тревожность нельзя, строго говоря, считать чертой личности. Последние проявляются в широком спектре ситуаций, а не только в одной области. Вот пример, который приводит Олпорт: если человек робок по своей сути, то он будет оставаться спокойным и сдержанным и на улице, и в магазине, и в такси, и в аудитории, и где угодно. Если он в основном дружелюбен, то он будет дружелюбен всегда и со всеми. То, что поступки, или даже привычки, не согласуются с теми или иными чертами, не значит, что этих черт нет. Так, весьма педантичный, пунктуальный и собранный человек может стать нервным и небрежным, когда он опаздывает на поезд. Далее, черты не независимы друг от друга. Есть корреляция между отчетливо разными чертами, не совпадающими между собой. В качестве примера Олпорт приводит устойчиво наблюдаемые корреляции между интеллектом и чувством юмора – понятно, что это не одно и то же, но корреляции теоретически вполне объяснимы.

Черты преобразуют множество разных стимулов в некоторое множество ответных реакций. Разные наборы черт трансформируют одни и те же стимулы в разные реакции и наоборот: черты все упрощают, позволяют одинаково реагировать на разные стимулы. Олпорт иллюстрирует этот эффект на примере такой черты личности как страх перед коммунизмом. В Америке 1950-х годов царил страх перед коммунистической агрессией, и отношение к коммунизму переносилось на очень многое. В одну категорию стимулов, на которые прежде всего реагируют люди, отличающиеся этой чертой, попадают коммунисты, книги Маркса, соседи – чернокожие и евреи, эмигранты, интеллектуалы и либералы, организации левого крыла... От собственно коммунистов происходит постепенная генерализация всего, что связано с ними или как-то их напоминает. На выходе этого механизма обнаруживаются такие формы поведения как поддержка ядерной войны против стран коммунистического лагеря, голосование за экстремистских политических кандидатов правого крыла, критика ООН, выступления против инакомыслящих, обращения с протестными письмами в газеты, доносы на левых в Комиссию

¹³ Цит. по: *Evans R. I. Gordon Allport: The man and his ideas*. N. Y.: E. P. Dutton & Co., Inc., 1970. P. 24.

по расследованию антиамериканской деятельности и так далее¹⁴. В результате трансформации происходит генерализация стимула: можно предсказать, что человек, обладающий указанной чертой, будет одинаковым образом реагировать на разные стимулы, относящиеся к этому множеству. И, соответственно, если он склонен к одним реакциям, то можно прогнозировать его склонность и к другим реакциям из этого списка.

В отличие от большинства представителей психологии черт, Олпорт вводит методологически принципиальное различие общих черт и черт личностных, или личностных диспозиций. Общие черты – это универсальные признаки, по которым можно сравнивать всех или многих людей. На основании нормального распределения этих черт в популяции строятся опросники, позволяющие сравнить большинство людей в данной культуре. Но есть еще *индивидуальные*, или *идиосинкратические* черты, как их называет Олпорт, – индивидуально своеобразные особенности поведения, устойчиво характеризующие данного человека, но не имеющие аналогов у подавляющего большинства других людей. Личность, – считает Олпорт, – можно адекватно описать лишь в том случае, если учитывать не только общие черты, определяемые с помощью стандартной психометрической батареи, но и индивидуальные. Правда, с методической стороны индивидуальные черты определять и измерять гораздо труднее.

В последние годы жизни Олпорт постепенно стал заменять понятие личностной или индивидуальной черты понятием *диспозиции* как более содержательно нагруженным. Понятие черты относится к обыденному языку и слишком связано с упрощенными значениями, смыслами, которые вкладываются в это слово в контексте обыденной речи. Кроме того, оно стало настолько расхожим в профессиональном употреблении у самих психологов, и тоже в столь разных значениях, что было трудно в него вложить желательное содержание. Поэтому Олпорт оставил понятие черт только за *общими чертами* личности, которые измеряются опросниками, а то, что он раньше называл «индивидуальные черты личности», стал называть «*личностные диспозиции*»¹⁵. Понятие диспозиции выступает по сути как объяснительное по отношению к описательному понятию черты. Черта констатирует некоторую последовательность в осуществлении определенного поведения, но ничего не говорит о механизме и устойчивости этой последовательности. В поздних работах Олпорт указывал на такую особенность личностных черт как возможность их эмпирического установления, доказательства их наличия и устойчивости. Понятие же диспозиции обозначает определенную психофизиологическую систему, которая позволяет говорить о причинах наблюдаемой устойчивости. Это – ненаблюдаемая сущность, постулируемая для объяснения наблюдаемых феноменов.

Очень многое зависит от того, как мы обозначаем черты. Олпорту принадлежит одно из первых лексикографических исследований черт личности через анализ слов английского языка, обозначающих те или иные особенности поведения¹⁶. Он подчеркивает, что одни и те же особенности поведения можно называть по-разному. Надо отличать сами черты от их наименования. Один человек назовет некоторое поведение мужественным, другой – агрессивным, третий – злобным. Самое главное, чтобы обозначения черт не несли в себе какие-то моральные или социальные оценки, хотя иногда этого не избежать.

По Олпорту, можно сказать, что человек имеет ту или иную черту, но нельзя сказать, что он имеет тот или иной тип, – он *подходит под тип* или *относится к типу*¹⁷. Позиция Олпорта по отношению к типологиям в целом довольно критическая. Типологий может быть сколько угодно, ведь любая типология основана на абстракции из целостной личности одного сегмента и проводит границы по одному отдельно взятому критерию. «Любая типология проводит гра-

¹⁴ См.: Allport G. W. Pattern and growth in personality. N. Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1961. Наст. изд. С. 217–461.

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ Allport G. W., Odbert H.S. Trait-names: a psycho-lexical study // Psychological Monographs. 1936. Vol. 47. № 211. P. 1–171.

¹⁷ Allport G. W. Personality: A psychological interpretation. N. Y.: Holt, 1937. P. 295.

ницы там, где на самом деле их нет»¹⁸. В зависимости от того, какой критерий мы возьмем, мы получим разные типы и разное распределение людей по этим типам. Поэтому типологии важны и полезны для решения практических задач, где мы классифицируем людей в соответствии с тем критерием, который нам практически нужен. При решении же познавательных, исследовательских задач сама задача не определяет необходимость выбора какого-то одного критерия и игнорирования всех остальных. Мы не можем произвольно выбрать, что взять за основу, а что игнорировать, поэтому здесь любая типология оказывается очень искусственной процедурой.

«Я» и «проприум». Сами по себе черты не могут полностью характеризовать личность. В 1942 году появляется обобщающая статья Олпорта «Эго в современной психологии» (см. наст. изд., с. 75–92). Если в XIX веке было модно говорить об эго, о душе, то потом эти философски нагруженные понятия вышли из моды, а в пришедшем им на смену лексиконе бихевиоризма, ассоцианизма и психоанализа не осталось места для понятий, выражающих связность личности, активность и целеустремленность. Настало время вернуть эти понятия в психологию.

Описав целый ряд экспериментальных исследований, Олпорт обнаружил в них одну интересную закономерность: когда человек занимается чем-то, что вовлекает его Я и ему безразлично, обнаруживаются последовательность, устойчивость, корреляции черт. А когда эго не вовлечено, человеку не очень интересно то, что он делает, – нарушается устойчивость, распадается единство и черты в одних заданиях проявляются, а в других – нет.

В 1950-е годы Олпорт вводит новое понятие на смену традиционному Я – понятие проприума¹⁹. Он сделал это исключительно потому, что понятия «эго», «стиль жизни», «самость» были перегружены другими значениями. Проприум, по Олпорту, близок к тому, что У. Джеймс в свое время обозначал как сферу Я, подразумевая под этим то, что можно обозначить словом «мое» – то, что я отношу к самому себе. Главное, что разработал Олпорт в связи с введенным им понятием проприума, а также проприативных структур личности, – это периодизация личностного развития, основанная на выделении семи аспектов проприума. Эта периодизация незаслуженно мало известна, хотя она оригинальна и по своим достоинствам вряд ли уступает намного более популярной периодизации Э. Эриксона. Особенно важно, что в этой периодизации речь идет о развитии собственно личностных структур в полном смысле этого слова, в отличие от большинства периодизаций возрастного развития, которые говорят не совсем о личности, или совсем не о личности.

Первый аспект развития проприума, – это ощущение своего тела, телесная самость. Она возникает в первый год жизни, когда младенцы начинают осознавать и интегрировать многие ощущения, которые исходят от мышц, сухожилий, связок, внутренних органов и так далее, и приходят к ощущению своего тела. В результате младенцы начинают отделять, отличать себя от других объектов, прежде всего телесных. Это чувство остается опорой для самосознания на протяжении большей части жизни. Взрослые ее не осознают до тех пор, пока все в порядке, пока они не почувствуют какую-то боль или болезнь. Второй аспект – это ощущение своего Я, чувство самоидентичности. Оно возникает, когда ребенок начинает говорить о себе «Я». Посредством языка он ощущает себя в качестве точки отсчета, появляется осознание и отношение к себе собственного имени. Через это ребенок начинает постигать, что он остается одним и тем же человеком, несмотря на все изменения его взаимодействий с внешним миром. Это, в основном, второй год жизни, хотя развитие не прекращается – все аспекты идентичности не устанавливаются одномоментно, они продолжают развиваться дальше, но на данном возрастном этапе они становятся ведущими. Олпорт локализует это чувство на втором году жизни, а

¹⁸ Ibidem. P. 296.

¹⁹ См.: Allport G. W. Becoming: basic considerations for the psychology of personality. New Haven: Yale University Press, 1955. Наст. изд. С. 166–216.

к третьему году жизни он относит третий аспект проприума – чувство самоуважения, которое связано с ощущением гордости вследствие успешного выполнения ребенком каких-то заданий. Взрослые иногда считают это негативизмом, потому что ребенок противится почти всем предложениям взрослого, воспринимая их как посягательство на свою целостность и автономность. Четвертый этап приходится на возраст 4–6 лет. Проприум в этом возрасте развивается через расширение границ самости: дети начинают осознавать, что им принадлежит не только их физическое тело, но и какие-то элементы окружающего мира, включая людей; это расширение происходит через значение слова «мой». Для этого периода характерны рецидивы ревностного собственничества: мой мяч, мой кукольный домик, моя мама, моя сестра и так далее. Пятый аспект проприума начинает развиваться в возрасте 5–6 лет. Это образ себя, возникающий, когда ребенок начинает осознавать, как его видят другие, чего от него ожидают, как к нему относятся, каким хотят его видеть. И именно в этот период ребенок постигает различие между «Я-хороший» и «Я-плохой». Я, оказывается, могу быть разным. Шестая стадия охватывает период между 6 и 12 годами, когда ребенок начинает понимать, что он способен находить рациональные решения жизненных проблем и эффективно справляться с требованиями реальности. Появляется собственно мышление – рефлексивное, формально-логическое, ребенок начинает думать о самом процессе мышления. Но это не независимое мышление в том смысле, в каком оно может быть у взрослого, потому что на этом этапе еще нет независимой морали. Эта стадия развития проприума отражает сильный конформизм по отношению к групповым ценностям, нормам, моральным устоям. Ребенок на этом этапе догматично предполагает, что его семья, религия, группа всегда правы. Седьмой аспект проприума, становление которого в основном связано с подростковым возрастом, – то, что Олпорт называет проприативными стремлениями. Центральная для подростка проблема – выбор карьеры или других жизненных целей. Подросток уже знает, что будущее надо планировать, и в этом смысле он приобретает перспективное чувство самости. Возникает направленность в будущее, постановка перспективных целей, настойчивость в поиске путей разрешения намеченных задач, ощущение того, что жизнь имеет смысл, – в этом заключается суть проприативного стремления. Этот период не исчерпывается подростковым возрастом; все упомянутые аспекты продолжают развиваться на протяжении жизни. Кроме этих семи аспектов есть еще один, обладающий особым статусом. Олпорт его обозначает как самопознание, которое синтезирует все остальные семь аспектов.

Зрелая личность. Олпорт был первым, кто ввел в психологию представление о зрелой личности, заметив, что психоанализ никогда не рассматривает взрослого человека как действительно взрослого²⁰. В своей книге 1937 года он посвятил зрелой личности отдельную главу, сформулировав в ней три критерия личностной зрелости. Первый критерий – разнообразие автономных интересов, расширение «Я». Зрелая личность не может быть узкой и эгоистичной, она рассматривает интересы других близких и значимых людей как свои собственные. Второй – самосознание, самообъективация. Сюда же он относит такую характеристику как чувство юмора, которая, по экспериментальным данным, лучше всего коррелирует со знанием себя. Третий критерий – философия жизни. Зрелая личность обладает своим мировоззрением в отличие от личности незрелой.

В более поздних работах он расширяет и дополняет перечень этих критериев, описывая уже 6 основных параметров зрелой личности (см. наст. изд., с. 35–45, 330–354), которые вбирают в себя первые три. Во-первых, психологически зрелый человек имеет широкие границы Я. Зрелые люди заняты не только сами собой, но и чем-то за пределами себя, активно участвуют во многом, имеют хобби, интересуются политическими или религиозными вопросами, тем, что они считают значимым. Во-вторых, им присуща способность к близким межличностным отношениям. В частности, в этой связи Олпорт упоминает дружескую интимность

²⁰ Allport G. W. Personality: A psychological interpretation. N. Y.: Holt, 1937. P. 216.

и сочувствие. Дружеский интимный аспект отношений – это способность человека высказывать к семье, близким друзьям глубокую любовь, не окрашенную собственническими чувствами или ревностью. Сочувствие отражается в способности быть терпимым к различиям в ценностях и установках между собой и другими людьми. Третий критерий – отсутствие больших эмоциональных барьеров и проблем, хорошее самопринятие. Зрелые люди способны спокойно относиться к собственным недостаткам и к внешним трудностям, не реагируя на них эмоциональными срывами; они умеют справляться с собственными состояниями и, выражая свои эмоции и чувства, они считаются с тем, как это повлияет на других. Четвертый критерий – зрелый человек демонстрирует реалистичное восприятие, а также реалистичные притязания. Он видит вещи такими, какие они есть, а не такими, какими он хотел бы их видеть. В-пятых, зрелый человек демонстрирует способность к самопознанию и философскому чувству юмора – юмора, направленного на самого себя. В-шестых, зрелый человек обладает цельной жизненной философией. Каково содержание этой философии, принципиальной роли не играет – наилучшей философии не существует.

Причиной этих изменений в наборе критериев зрелой личности, как отметил на симпозиуме памяти Олпорта его ученик Т. Петтигрю, во многом стала их совместная поездка в ЮАР для изучения расовых проблем. Там они видели людей, соответствовавших исходному определению зрелой личности по Олпорту, но при этом регулярно и рутинно делавших зло. Олпорт открыто признавался потом, что роль социокультурных факторов в формировании личности была им недооценена²¹.

* * *

В данном издании мы решили сконцентрировать внимание на главных общетеоретических воззрениях Олпорта, оставив в стороне его классические прикладные исследования социальных проблем: слухов, предрассудков, религии и других, которые, как и все, к чему он прикасался, несут на себе легко узнаваемый отпечаток его блестящего интеллекта и равнодушия. Многие из них сохранили свое значение и по сегодняшний день, и работа над русскими изданиями монографий Олпорта по проблемам религиозности и психологии предрассудков уже началась. Но именно его общетеоретические позиции дают представление о масштабе его личности и именно они позволяют заполнить зияющие пробелы в нашем понимании путей развития психологии личности в XX веке.

Основу данного издания составили две книги: небольшая монография «Становление», написанная на основе курса лекций, прочитанных Олпортом по специальному приглашению Фонда Терри, и содержащая концентрированное выражение того нового, что внес Олпорт в психологическое понимание личности, и объемистый учебник «Структура и развитие личности», публикуемый здесь не полностью. Не включены были главы преимущественно обзорного характера, посвященные тем аспектам личности, в разработку которых авторский вклад самого Олпорта сравнительно невелик. Следует, правда, отметить, что уникальный стиль Олпорта как творческой индивидуальности пронизывает весь этот учебник: о чем бы он ни писал, его почерк невозможно спутать ни с чьим другим; более того, по тексту не всегда можно определить, пишет ли он учебник для студентов младших курсов, или статьи для искушенных профессионалов.

Кроме этих двух книг и «Автобиографии» мы включили в издание ряд ключевых теоретических статей Г. Олпорта, вошедших в золотой фонд психологии XX столетия. По содержанию эти статьи отчасти пересекаются с обеими книгами, как и книги между собой, но это нас не смутило. Чтобы избежать повторов, пришлось бы нарушить цельность текстов, а это

²¹ См.: *Evans R. I. Gordon Allport: The man and his ideas*. N. Y.: E. P. Dutton & Co., Inc., 1970. P. 122–123.

было бы несовместимо прежде всего со всем духом теории Олпорта, ставящим целостность на первое место. Поэтому мы сознательно сохранили некоторые повторы; Олпорт – это такой автор, которого не может быть слишком много, тем более что мы долгое время практически его не знали.

Каждый психолог личности, хочет он того или нет, говорит о себе отнюдь не только в автобиографии. Гордон Олпорт был уникальной, активной, интегрированной, зрелой, направленной в будущее личностью. Он оставил нам психологию уникальной, активной, интегрированной, зрелой, направленной в будущее личности.

Д.А.Леонтьев
доктор психологических наук

АВТОБИОГРАФИЯ²²

Бергсон считал, что философия каждой жизни опирается на некую «личную идею», даже если попытка выразить эту идею никогда полностью не удастся. Это изречение, имеющее оттенок идеализма и романтизма, чуждо локковскому образу человека, доминирующему в англо-американской психологии. И все же, признаюсь, эта мысль меня привлекает. Возможно, в широком смысле она выражает гипотезу, которую можно проверить.

Можно сказать, что моя собственная личная идея состоит в том, чтобы раскрыть, являются ли подобные общие гипотезы, касающиеся природы человека, эмпирически жизнеспособными, по крайней мере в такой же степени, как ассоцианистическая или реактивная гипотезы, которые сегодня правят американским психологическим мировоззрением. Считая, что Бергсон преувеличивает потенциальное единство человеческой личности, я думаю, что он (как и другие лейбницианцы, неокантианцы и экзистенциалисты) бросает вызов эмпирической психологии, и что эти взгляды требуют проверки. Философия человека и психология человека должны быть соотнесены друг с другом.

Сформулирую некоторые релевантные этой проблеме эмпирические вопросы. Как следует писать психологическую историю жизни? Какие процессы и структуры должны быть включены в полное описание личности? Как можно обнаружить (если они существуют) нити, связующие различные аспекты жизни? Значительная часть моей профессиональной деятельности можно рассматривать как попытку ответить на эти вопросы путем последовательных исследований и статей. Вследствие моего убеждения в том, что прежде чем погрузиться в пучину исследований, ученый должен поставить перед собой значительные, нетривиальные вопросы, объем моих теоретических публикаций превышает объем «продукции» эмпирических исследований.

В 1940 году я посвятил свой семинар в Гарварде проблеме: «Как должна писаться психологическая история жизни?». В семинаре участвовали Джером Брунер, Дорвин Картрайт, Норман Полански, Джон Р. П. Френч, Альфред Болдуин, Джон Хардинг, Дуайт Фиске, Дональд Мак-Грэнахан, Генри Рикен, Роберт Уайт и Фрид Бейлз. Я упомянул имена этих ученых, так как мне кажется, что, хотя научная деятельность их весьма разнообразна, значительная часть творческой работы этих психологов в широком смысле отвечает теме моего семинара.

Нам не удалось решить поставленную перед собой задачу. Правда, мы создали ряд правил и описали случаи в соответствии с этими правилами, но в конечном счете нас расстроила незначительность результатов. Наши неудавшиеся правила никогда не были опубликованы, тем не менее из семинара выросли несколько важных, опубликованных впоследствии, исследований, часть которых суммирована в моей монографии «Исследование личных документов в психологической науке» (*The Use of Personal Documents in Psychological Science*, 1942).

Я до сих пор не знаю, как надо писать психологическую историю жизни. И сейчас по иронии судьбы я столкнулся с задачей написания своей собственной психологической биографии. Не располагая методом, я буду вынужден «барахтаться», надеясь, что психологи будущего найдут способ выполнения подобной задачи.

1897–1915

Любой пишущий автобиографию находит захватывающе интересной собственную генеалогию и знает, что его семейные взаимоотношения имеют величайшее объяснительное зна-

²² Впервые опубликована в 1967 г. Печатается по изданию: *Allport G. The Person in psychology*. Boston: Beacon, 1968. P. 376–409.

чение. Но читателю обычно те же самые материи кажутся чем-то скучным, чем-то, что надо вытерпеть потому, что это *должно* относиться к делу. Писателю очень трудно показать читателю, *что* именно уместно, *где* и *почему*. Он сам не знает, как отделить первостепенные формирующие влияния от фактов, имевших второстепенное значение или минимальное влияние. Мое собственное описание будет как можно более кратким.

Мой отец был сельским врачом, выучившимся своей профессии после карьеры в бизнесе и уже имевшим семью с тремя сыновьями. Я, четвертый и последний в семье, родился 11 ноября 1897 года в Монтесуме, штат Индиана, где отец начал свою врачебную практику. Думаю, что моя мама и я были его первыми пациентами. Вскоре он перенес свою практику в Стритсборо и в Хадсон, штат Огайо. Прежде, чем я пошел в школу, мы переехали еще раз, в Гленвилл (Кливленд), где я двенадцать лет нормально, без перерывов проучился в школе.

Мои братья были намного старше (Гарольд на 9 лет, Флойд на 7, Фэйетт на 5 лет), и мне пришлось создать свою собственную компанию по интересам. Это был довольно узкий круг, ибо я никогда не «вписывался» в общую мальчишескую компанию. Я был «остёр на язык» и слаб в играх. Когда мне было 10 лет, одноклассник сказал обо мне: «О, этот парень – ходячая энциклопедия». Но даже будучи «обособленным», я ухитрялся быть «звездой» для небольшой группы друзей.

Наша семья в течение нескольких поколений жила в сельской части штата Нью-Йорк. Дед по отцовской линии был фермером, дед по материнской линии – столяром-краснодеревщиком и ветераном Гражданской войны. Мой отец, Джон Эдвард Олпорт (род. в 1863 г.), был чисто английского происхождения, мать, Нелли Эдит Уайз (род. в 1862 г.) имела немецко-шотландское происхождение.

Наша домашняя жизнь была отмечена простой протестантской набожностью и тяжелой работой. Моя мать была школьной учительницей и передавала своим сыновьям страстное чувство философских исканий и важности поиска ответов на основные религиозные вопросы. Так как отец не обладал отдельным подходящим для больницы помещением, наш дом в течение нескольких лет служил таковым, вмещая в себя и пациентов и медсестер. Уборка врачебного кабинета, мытье пузырьков и взаимодействие с пациентами были важными аспектами моего воспитания в детстве. Помимо общей врачебной практики, мой отец занимался множеством предприятий: основанием кооперативной фармацевтической компании, строительством и сдачей в аренду квартир и, наконец, разработал новую специальность – строительство больниц и надзор за ними. Я упомянул его многосторонность, только чтобы подчеркнуть тот факт, что четыре его сына получили подготовку в практических вопросах жизни, так же как и в широких гуманитарных вопросах. Папа не признавал каникул. Он следовал, скорее, правилу жизни, которое формулировал для себя так: «Если бы каждый работал так старательно, как может, и брал только минимальное финансовое возмещение, ограниченное потребностями его семьи, то повсюду было бы достаточное изобилие». Таким образом, именно напряженная работа, смягченная доверием и любовью, была характерна для нашего дома.

За исключением этого в целом благоприятного фундамента, я не могу выделить никаких особо важных, определявших мое развитие влияний вплоть до окончания в 1915 году средней школы, которую я закончил вторым учеником (из 100 человек). Очевидно, я был хорошим, «правильным» учеником, но явно не вдохновленным и не любознательным к тому, что выходило за рамки обычных подростковых интересов.

Окончание школы поставило проблему дальнейшего обучения. Мой отец мудро настоял, чтобы лето я потратил на то, чтобы научиться машинописи – умение, которое я бесконечно ценю. В это время мой брат Флойд, окончивший Гарвардский университет в 1913 году, предложил мне подать туда заявление. Было уже поздно, но в конце концов меня приняли, после того как я пробился через вступительные тесты, проводимые в Кембридже в начале сентября. Наступило переживание интеллектуального рассвета.

1915–1924

Испытывал ли когда-нибудь парень со Среднего Запада большее воздействие от «поездки на Восток в колледж»? Сомневаюсь. Почти мгновенно весь мир для меня преобразился. Конечно, мои основные моральные ценности сформировались дома; новыми были интеллектуальные и культурные горизонты, которые теперь я был приглашен исследовать. Студенческие годы (1915–1919) принесли массу новых влияний.

Первым и самым важным впечатлением было постоянное ощущение высоких стандартов. Гарвард просто предполагал (или так мне казалось) что все должно быть наивысшего качества. На первых экзаменах я получил массу оценок «посредственно». Сильно расстроенный, я приналег на учебу и завершил год с отличными оценками. В качестве награды я получил *detur*²³ (что бы это могло быть?) в форме роскошного издания книги «Мариус, эпикуреец» (кто это был такой?). За 50 лет моей связи с Гарвардом я никогда не прекращал восхищаться молчаливым ожиданием наилучших результатов. Человек должен был выполнять все на пределе своих возможностей, и ему предоставлялись для этого все условия. Хотя все курсы для меня были интересны, внимание мое вскоре сосредоточилось на психологии и социальной этике. Вместе взятые, эти две дисциплины обозначили мою дальнейшую карьеру.

Первым моим учителем психологии был Мюнстерберг, похожий на Вотана²⁴. Мой брат Флойд, аспирант, был его ассистентом. Из гортанных лекций Мюнстерберга и его учебника «Психология: общая и прикладная» (*Psychology: General and Applied*, 1914) я мало что узнал, помимо того, что «каузальная» психология – не то же самое, что «целенаправленная» психология. Чистая страница, разделяющая два соответствующих раздела книги, меня интриговала. Нельзя ли примирить и соединить их? – задавал я себе вопрос. Гарри Мюррей также начинал учиться у Мюнстерберга. В статье «Что делать психологу с психоанализом?» (*What Should Psychologist Do About Psychoanalysis?* 1940) он пишет, что холод подхода Мюнстерберга был ему так отвратителен, что он сбежал через ближайший выход, тем самым отсрочив на несколько лет выбор своей будущей профессии. Что стало «хлебом» для меня, было «ядом» для Мюррея. Возникает вопрос: что такое «хороший» учитель? Я извлекал пищу как из дуалистической дилеммы Мюнстерберга, так и из его пионерской работы в прикладной психологии.

Вскоре я стал посещать занятия у Эдвина Б. Холта, Леонардо Троланда, Уолтера Диборна и Эрнеста Саусарда. Экспериментальной психологией я занимался у Герберта Лэнгфелда и своего брата. Между занятиями и в свободное время я извлек немалую пользу из размышлений моего более зрелого брата о проблемах и методах психологии. Флойд предложил мне участвовать в его собственных исследованиях социального влияния в качестве испытуемого. Мюнстерберг убедил его последовать традиции Мёде и найти различия в результатах выполнения задач в группе и в одиночку.

Первая мировая война лишь слегка нарушила мою программу. Как призывнику студенческого военного подготовительного корпуса мне разрешалось продолжать занятия (с добавлением таких предметов, как санитарная техника и картография). Даже в тренировочном лагере я готовил, при поддержке Лэнгфелда, доклады о психологических аспектах стрелковой практики. Хотя мой вклад был незрелым, задание оказалось полезным. Перемирие было подписано в мой двадцать пятый день рождения, 11 ноября 1918 года. В начале 1919 года я получил степень бакалавра, а Флойд – доктора.

Последний штрих влияния студенческого периода относится к моим занятиям на кафедре социальной этики под руководством Джеймса Форда, особенно к сопутствующей

²³ Награда лучшим ученикам в виде книги (*фр.*). – Здесь и далее звездочкой (*) обозначены редакционные примечания.

²⁴ Вотан (Водан, Один) – верховный бог в мифах и сказаниях древних германцев и скандинавов.

полевой подготовке и добровольческой социальной службе, которые были мне чрезвычайно интересны. На протяжении всей учебы в колледже я руководил мальчишеским клубом в западной части Бостона, время от времени добровольно работал в Семейном обществе (навещал их подопечных), сотрудничал в службе по надзору за условно и досрочно освобожденными. В течение одного месяца я выполнял оплачиваемую работу для Гуманитарной организации Кливленда, в течение другого – работал у профессора Форда в качестве полевого агента, подыскивая жилье для рабочих военных предприятий в перенаселенных индустриальных городах Востока. В Филлипс Брукс Хаузе я выполнял оплачиваемую работу в качестве сотрудника комиссии по помощи иностранным студентам и секретаря Космополитен-клуба. Эта социальная работа доставляла мне глубокое удовлетворение, отчасти потому, что давала ощущение компетентности (перевешивавшее общее чувство неполноценности), а отчасти потому, что я обнаружил, что мне нравится помогать людям в решении их проблем.

Этот период социальной службы отражал мой поиск самоидентичности, сливался с моими попытками достичь зрелой религиозной позиции. Подобно многим студентам, я был в процессе перехода от детских представлений о Боге к некой гуманитарной религии. Однако несколькими годами позже я выступил против этой, по существу унитаристской, позиции, потому что мне казалось, что выпячивание собственного интеллекта и утверждение своего доморощенного набора ценностей обесценивало суть религиозного поиска. Я чувствовал, что смирение и некоторый мистицизм были мне необходимы, в ином случае я рисковал бы стать жертвой собственного высокомерия. Высокомерие в психологическом теоретизировании всегда отталкивало меня, я убежден, что лучше быть неуверенным, эклектичным и скромным.

Две линии моей учебы постепенно вылились в важное убеждение. Для эффективной работы в социальной сфере человек нуждается в здоровой концепции человеческой личности. В основе практической деятельности должна лежать хорошая теория. Позднее это убеждение было ясно выражено в моей докторской диссертации, которая называлась «Экспериментальное изучение черт личности в контексте проблемы социального диагноза». Это, конечно, была одна из первых формулировок загадки того, как должна писаться психологическая история жизни.

После окончания учебы у меня не было ясного представления, что делать. Смутно я чувствовал, что руководство социальной службой для меня было бы предпочтительней преподавания. Но появилась возможность попробовать себя в преподавании. В течение года я преподавал английский и социологию в колледже Роберта в Константинополе в последние месяцы правления султана (1919–1920). Я получил большое удовольствие от этого года, от свободы, новизны и ощущения успеха. Когда по телеграфу мне предложили аспирантскую стипендию в Гарварде, я уже понимал, что преподавание – неплохая карьера для меня, и принял предложение. В колледже Роберта у меня завязалась продлившаяся всю жизнь дружба с семьей декана Брэдли Уотсона, позже ставшего профессором драматической литературы в Дартмуте и крестным отцом моего сына, и с Эдвином Пауэрсом, впоследствии – заместителем инспектора по исправительным учреждениям штата Массачусетс.

По дороге из Константинополя в Кембридж произошло событие особой важности: моя единственная встреча с Зигмундом Фрейдом. Я рассказывал эту историю много раз, но ее стоит повторить, ибо она имела характер травматичного для моего развития эпизода. Мой брат Фэйетт в это время находился в Вене в составе торгового представительства США. Это было в период деятельности Гувера, связанной со смягчением международных отношений. Брат предложил мне остановиться у него.

С нахальством двадцатидвухлетнего неоперившегося юнца я написал Фрейду, заявляя о своем пребывании в Вене и подразумевая, что, несомненно, он был бы рад познакомиться со мной. Я получил очень добрый ответ, написанный им собственноручно, приглашающий меня к нему в офис в определенное время. Вскоре я вошел в знаменитую комнату, обитую красным джутом, с рисунками сновидений на стене. Фрейд пригласил меня в свой кабинет.

Он не заговорил со мной, а сел в молчаливом ожидании изложения цели визита. Я не был готов к этому, и мне пришлось быстро соображать, чтобы найти подходящий первый шаг в разговоре. Я рассказал ему случай в трамвае по дороге к нему в офис. Маленький мальчик лет четырех демонстрировал явную фобию грязи. Он повторял своей матери: «Я не хочу сидеть там... не позволяй этому грязному дяде сидеть за мной». Для него все было *schmutzig*²⁵. Его мать – сильно накрахмаленная *Hausfrau*²⁶ – выглядела столь доминирующей и решительной, что я подумал об очевидности причины и результата.

Когда я закончил свою историю, Фрейд устремил на меня свой добрый терапевтический взгляд и сказал: «И этим маленьким ребенком были Вы?». Ошеломленный, с легким чувством вины, я сумел перевести разговор на другое. Хотя неверное понимание Фрейдом моих мотивов было забавным, оно заставило меня глубоко задуматься. Я осознал, что он привык к невротическим защитам, а моя очевидная мотивация (разновидность грубого любопытства и юношеских амбиций) ускользнула от него. Ради терапевтического прогресса ему следовало пробиваться через мою защиту, но вышло так, что в данном случае терапевтический прогресс не стоял на повестке дня.

Этот опыт научил меня тому, что глубинная психология, при всех ее достоинствах, может погружаться слишком глубоко, и что психологам стоило бы сначала полностью прояснить явные мотивы, прежде чем исследовать бессознательные. Никогда не считая себя анти-фрейдистом, я критически относился к психоаналитическим крайностям. Более поздняя статья, озаглавленная «Тенденция в мотивационной теории» (*The Trend in Motivation Theory*, 1953), была простым отражением этого эпизода и, думаю, перепечатывалась чаще других моих статей. Позвольте мне добавить, что моим взглядам больше соответствует лучше сбалансированный взгляд на мотивацию, выраженный в более поздней неофрейдистской эго-психологии.

Вернувшись в Гарвард, я обнаружил, что требования к получению докторской степени были несложными (не слишком сложными); и вот после всего лишь двухлетней дополнительной учебы, нескольких экзаменов и написания диссертации я получил эту степень в 1922 году в возрасте двадцати четырех лет. Мак-Дугалл к этому времени вошел в штат университета и был одним из рецензентов моей диссертации, как и Лэнгфелд и Джеймс Форд. В этот период Флойд редактировал «Журнал патологической и социальной психологии» Мортон Принса (*Journal of Abnormal and Social Psychology*). Я помогал ему в этой работе, впервые знакомясь с журналом, который позднее (1937–1948) мне самому пришлось редактировать.

В этот период меня терзали некоторые опасения профессионального плана. В отличие от большинства моих коллег по учебе, я не был одарен ни в естественных науках, математике, механике (лабораторных манипуляциях), ни в биологических и медицинских специальностях. Большинство психологов, которыми я восхищался, были компетентны в каких-то вспомогательных областях. Я признался в своих опасениях профессору Лэнгфелду. В своей лаконичной манере он заметил: «Но вы же знаете, есть много отраслей психологии». Я думаю, эта случайная реплика спасла меня. Тем самым он поощрил меня к нахождению моего собственного пути на просторах гуманистической психологии.

Но было ли у меня достаточно мужества и способностей, чтобы развивать свои отличающиеся от общепринятых интересы? Другие психологи, по крайней мере в Гарварде, по-видимому, не интересовались ни социальными ценностями в качестве академической проблемы, ни развитием приближенной к жизни психологии личности. В самом деле, имеющиеся в наличии работы включали всего лишь несколько ранних исследований Джун Дауни из Вайоминга, Уолтера Ферналда из Коннордского Реформатского колледжа и Р. С. Вудвортса из Колумбийского университета, который во время войны разработал свой «Бланк личностных данных»

²⁵ Грязным (нем.).

²⁶ Домохозяйка (нем.).

– один из первых личностных тестов. Думаю, что моя собственная диссертация была, быть может, первой диссертацией в Америке, посвященной вопросу состава черт личности. Она привела к моей первой (совместной с братом) публикации, озаглавленной «Черты личности: их классификация и измерение» (*Personality Traits: Their Classification and Measurement*, 1921). В этой связи выскажу предположение, что мой собственный курс «Личность: психологические и социальные аспекты», прочитанный в Гарварде в 1924 и 1925 годах, был, возможно, первым курсом по этой теме в американском колледже.

Находиться на переднем крае было довольно тревожно. Пик моих переживаний наступил в связи с одной моей встречей с Титченером. Меня пригласили на собрание руководимой им группы избранных экспериментаторов, которые собрались в Университете Кларка в мае 1922 года, как раз когда я завершил свою диссертацию. После двух дней обсуждения проблем психологии чувств Титченер отвел по три минуты каждому участвующему аспиранту для описания его собственных исследований. Я рассказал о чертах личности и был наказан всеобщим осуждающим молчанием и подчеркнуто неодобрительным взглядом Титченера. Позднее Титченер спросил Лэнгфелда: «Почему вы позволили ему заниматься этой проблемой?». По возвращении в Кембридж Лэнгфелд снова утешил меня лаконичной репликой: «Вам ведь неважно, что думает Титченер». И я заметил, что это правда.

Этот случай стал поворотным пунктом. С тех пор я никогда не переживал из-за упреков или профессионального пренебрежения, обращенных к моим нестандартным интересам. Позднее, конечно, область психологии личности стала не только приемлемой, но и весьма модной. Но хотя сама область и стала легитимной, мои теоретические позиции одобрялись не всегда.

Я считаю, что годы моей учебы в аспирантуре Гарварда были в интеллектуальном плане не особенно продуктивными. Но помимо ученой степени, они принесли двойную пользу. Во-первых, в близком по духу кругу аспирантов я встретил свою будущую жену Аду Люфкин Гоулд, бостонскую девушку, которая после получения степени магистра работала в области клинической психологии. Наши интересы были очень близки. Во-вторых, Гарвард наградил меня стипендией Шелдона для поездок, которая дала мне возможность провести два года в Европе. Для меня эти годы явились вторым интеллектуальным рассветом.

В Америке были еще сильны немецкие традиции в психологии, хотя сама Германия была раздавлена первой мировой войной и инфляцией. Поэтому вполне естественным для меня было направиться в Германию. Уильям Джеймс и Э. Б. Титченер обессмертили в своих учебниках тевтонские основы нашей науки, здесь учились и мои собственные учителя. Дополнительное уважение к немецкой мысли я получил от гарвардских философов Р. Б. Перри и Р. Ф. Хернле.

Однако я не был готов к мощному влиянию моих немецких учителей, в том числе почтенных Штумпфа и Дессуара, более молодых Макса Вертхаймера, Вольфганга Кёлера и Эдуарда Шпрангера в Берлине, а в Гамбурге – Вильяма Штерна и Хайнца Вернера. Моим коллегой по учебе был Генрих Клювер, помогавший мне с моим хромавшим немецким и с тех пор оставшийся дорогим моему сердцу другом, несмотря на то, что пути наших психологических интересов разошлись.

В это время гештальт был новым понятием. Я не слышал о нем в Кембридже. У меня ушло несколько недель на то, чтобы понять, почему мои учителя обычно начинали свои двухчасовые лекции с бичевания Дэвида Юма. Вскоре я понял, что он был естественным «мальчиком для битья» немецкой структурной школы. *Ganzheit* и *Gestalt*, *Struktur* и *Lebenformen*, а также *die unteilbare Person*²⁷ звучали как новая музыка для моих ушей. Это была разновидность психологии, которую я страстно жаждал, но о существовании которой не знал.

²⁷ Целостность, гештальт, структура, жизненные формы, неделимая личность (нем.).

Конечно, я сознавал, что романтизм в психологии мог отравить ее научный дух. (Я сам был воспитан в гуманитарных традициях.) В то же время мне казалось, что высокое качество экспериментальных исследований гештальт-школы, оригинальные эмпирические исследования в Институте Штерна и блеск подхода (с которым я познакомился из вторых рук) К. Левина дали надежную опору тем видам концепций, которые я находил близкими мне по духу.

Таким образом, Германия дала мне поддержку того структурного взгляда на личность, который я построил сам. Для «Американского журнала психологии» (*American Journal of Psychology*) я написал краткий *Bericht*²⁸ «Лейпцигский конгресс по психологии» (1923), обрисовав вкратце различные немецкие течения, отражаемые *Strukturbegriff*²⁹: гештальт, персоналистику Штерна, комплексные качества Крюгера и школу *Verstehen*³⁰. От Штерна, в частности, я узнал о существовании пропасти между обычным спектром дифференциальной психологии (которую в основном изобрел он сам вместе с понятием *IQ*) и подлинной персоналистической психологией, которая фокусирует внимание на организации индивидуальных черт, а не просто на построении психологического профиля.

Я познакомился и с немецкими доктринами типов, в том числе со сложными рассуждениями и исследованиями эйдетических образов Э. Р. Йенша. Я отважился повторить некоторые его работы годом позже в Кембридже, в Англии. В результате появились три статьи: «Эйдетические образы» (*Eidetic Imagery*, 1924), «Эйдетический образ и послеобраз» (*The Eidetic Image and the After-image*, 1928) и «Изменение и распад в образе зрительной памяти» (*Change and Decay in the Visual Memory Image*, 1930). Позднее я пришел в ужас от протипуирования Йеншем своей научной работы для подведения психологических оснований под нацистскую доктрину. Его параноидные усилия объяснили мне некоторые наиболее слабые части его ранней эйдетической теории.

Год в Англии я провел, в основном анализируя свой немецкий опыт. Профессор Фредерик Бартлетт любезно предоставил мне возможности для работы. Айвор Э. Ричардс пригласил меня написать статью «Точка зрения гештальтпсихологии» для журнала «Психика» (*Psyche*, 1924), но, признаюсь, в основном я размышлял о проведенном в Германии годе и наслаждался изучением Фауста с профессором Бройелем.

Так подошли к концу годы моего формального образования. В телеграмме от профессора Форда мне предлагалось с осени 1924 года начать преподавание социальной этики в Гарварде. Помимо принятия на себя его курса по социальным проблемам и социальной политике, мне была предложена новаторская затея – прочитать новый курс по психологии личности.

1924–1930

По складу характера я человек тревожный, поэтому готовил свои курсы тщательно и добросовестно. Когда руководитель кафедры – доктор Ричард Кэбот – намекнул, что моему стилю преподавания «недостает огня», я постарался добавить живости в содержание лекций. В 1925 году мы с Адой поженились, и в течение сорока лет ей приходилось терпеть напряжение, характерное для всех моих начинаний.

Наш сын Роберт Брэдли родился в 1927 году, после того как мы перебрались в Дартмутский колледж. Позднее он стал педиатром, и мне приятно чувствовать себя мостом между двумя поколениями врачей.

Результатом двух первых лет моего преподавания в Гарварде было возникновение очень важных профессионально-дружеских отношений. Во-первых, с доктором Ричардом Кэбо-

²⁸ Отчет (нем.).

²⁹ Понятием структуры (нем.).

³⁰ Понимания (нем.).

том, занимавшим в Гарварде две профессорские должности – по кардиологии и социальной этике. Он показал себя человеком с замечательно громким голосом общественной совести. Добившись профессиональных высот в своей медицинской деятельности, он каким-то образом находил время учредить медико-социальную службу, написать множество ясных томов по медицине и этике и глубоко затрагивать студентов бескомпромиссным изложением своей собственной пуританской разновидности этики. Будучи состоятельным бостонским ученым мужем, Кэбот следовал теории и практике филантропии, привлекательной для моего собственного ощущения ценностей. Он так же сильно, как и я, верил в целостность каждой отдельной человеческой личности и часто оказывал финансовую поддержку и духовную помощь, когда чувствовал, что мог помочь росту другого человека в критический момент. В 1936 году он оказал мне поддержку, чтобы я мог взять свободный семестр для завершения своей книги «Личность: психологическая интерпретация» (*Personality: Psychological Interpretation*, 1937). Постепенно я стал участвовать в его проектах, унаследовав после его смерти общее руководство Обществом молодежных исследований Кембриджа – Соммервилля³¹. Он также попросил меня быть попечителем Фонда Эллы Лиман Кэбот, который год за годом продолжал осуществлять его филантропическую позицию «поддержки людей, имеющих идеи». Через этот фонд я был связан со знаменитым преемником доктора Кэбота доктором Полом Дадли Уайтом и другими друзьями в уникальной и очень близкой мне филантропической деятельности.

Во-вторых, у меня возникла дружба с Эдвином Дж. Борингом, который приехал в Гарвард во время моей учебы за границей. Боясь, что мое назначение на кафедру социальной этики может отдалить меня от собственно психологии, я спросил Боринга, не могу ли я ассистировать ему в его вводном курсе знаменитой Психологии-I. Он согласился, и, таким образом, я приобрел некоторый опыт преподавания разделов экспериментальной психологии (но не в проведении демонстраций экспериментов, где я бы определенно потерпел неудачу). При поддержке Боринга я продолжил писать об образности. Знакомство с человеком такой изумительной энергии и столь лично цельного, с такой глубокой исторической эрудицией и тщательностью в работе оказало и продолжает оказывать на меня сильнейшее влияние и принесло мне величайшее удовлетворение за мою профессиональную карьеру.

Менее близкими, но столь же важными были мои контакты с Уильямом Мак-Дугаллом. Я ассистировал ему, как и Борингу, в его начальном курсе. Нет нужды говорить о том, что эти два курса заметно контрастировали. Восхищаясь силой и независимостью Мак-Дугалла, я разделял все преобладавшие антимакудгалловские предрассудки. Я сожалел о его доктринах инстинктов, интеракционизма и группового разума (которые я, подобно большинству других американцев, понимал только наполовину). Хотя Германия отвратила меня от моей студенческой полуверы в бихевиоризм, я чувствовал, что антагонизм Мак-Дугалла по отношению к преобладающим американским психологическим убеждениям заходил слишком далеко. Его решение проблемы каузальности – целенаправленности казалось столь же дуалистичным, как и решение Мюнстерберга, и не более удовлетворительным. В то же время я находился под влиянием его точки зрения и считал, что в более поздние годы она стала более убедительной. В Америке у Мак-Дугалла всегда была плохая пресса. Несмотря на его ораторские таланты, британский стиль полемики снижал эффективность его доводов. Приблизительно после семи лет в Гарварде он перебрался в университет Дюка, где продолжал свою монументальную ересь до своей смерти в 1938 году. В Дюк он пригласил другого моего учителя и друга, Вильяма Штерна, бежавшего от Гитлера и пережившего Мак-Дугалла на два года. Мак-Дугалл также предоставил убежище Райну с его парапсихологическими исследованиями, снова демонстрируя свою независимость от преобладающих психологических нравов.

³¹ См.: Powers E., Witmer H. An experiment in the prevention of delinquency. N. Y.: Columbia, 1951.

Мой брат уехал из Гарварда в университет Северной Каролины еще до начала моей преподавательской деятельности. Помимо нашей совместной статьи, в 1928 году мы опубликовали «Тест доминирования – подчинения». Это была шкала для измерения тенденций к доминированию и подчинению (один из первых личностных тестов). Помимо двух этих статей, мы никогда не сотрудничали, хотя временами помогали друг другу критикой. Действительно наши психологические пути разошлись. Его «Социальная психология» (Social Psychology, 1924) была, на мой взгляд, слишком бихевиористской и слишком психоаналитической. Хотя наши более поздние работы о политических и социальных условиях и предубеждениях имели сходную ориентацию, его теоретические взгляды стали более позитивистскими, более монистичными и, в определенном смысле, более междисциплинарными, чем мои собственные. Флойд был более строго логичен и систематичен в использовании метода, чем я. Нужно также сказать, что он обладал художественной, музыкальной одаренностью и одаренностью к ручному труду, которой мне не доставало. Годами мы шли каждый собственным путем, но из-за общей необычной фамилии и различных точек зрения ухитрялись приводить в замешательство студентов и публику. Один Олпорт или их два?

Теперь мне ясно, что общим качеством Штерна, Мак-Дугалла, Кэбота и моего брата была ярко выраженная личностная и профессиональная цельность. Несомненно, я неосознанно черпал у них поддержку для следования собственной личной идее перед лицом противоположной моды.

К этому перечню своих старших интеллектуальных наставников и друзей я должен добавить имя Питирима Сорокина, с которым я встретился, приехав в Гарвард в 1930 году, чтобы возглавить кафедру социологии (заменившую социальную этику). Позже я посвятил свою книгу «Становление» (Becoming, 1955) этому человеку, обладавшему могучей эрудицией и пылкими убеждениями. В своей автобиографии «Долгое путешествие» (A Long Journey, 1964) он сам рассказывает, как сохранил свою моральную и интеллектуальную целостность. Сравнивая свою жизнь с его, я понимаю, насколько защищенной была моя собственная карьера.

Другой влиятельной фигурой был мой дружелюбный и всегда готовый помочь коллега Гарри Мюррей. Области наших интересов лежат столь близко друг к другу, что по молчаливому согласию мы допускаем «нарциссизм легких различий», чтобы сохранить состояние дружеской отделенности. Я получаю от Мюррея значительное стимулирование и одобрение.

Немного позже, в сороковые годы, я познакомился с Питером Э. Беточчи, ныне профессором философии Бостонского университета, преданным персоналистской школе мышления и хорошо знающим психологическую теорию. Много лет у нас были частые дружеские споры в печати и вне ее. Одобря общее направление моих мыслей, он хотел бы, чтобы я согласился с действующей силой «Я» и во многом с волюнтаризмом. Против этого я возражаю, но глубоко ценю его философский контроль и его дружбу.

Предложение от Чарльза Стоуна из Дартмута разорвало мою связь с Гарвардом на четыре года. В Ганновере я оказался в приятной и более раскрепощенной атмосфере, обрел свободу следовать собственным склонностям. Я помогал с общим вводным курсом и преподавал социальную психологию и психологию личности. На время летних сессий я обычно возвращался преподавать в Гарвард. Библиотека Бейкера в длинные зимние дни в Ганновере снабжала меня немецкими журналами, так что я мог не отставать от идей в области типологии, гештальта и понимания. Еще со времени диссертации меня посещали мысли о написании общей книги по личности. Ганновер дал мне возможность читать и размышлять над этим проектом. В качестве одного из продуктов этих размышлений я могу упомянуть мой первый профессиональный доклад, предложенный на IX Международном Конгрессе в Йеле в 1929 году. Он назывался «Что такое черта личности?» (What Is a Trait of Personality? 1931). Проблема структуры личности уже занимала много места в моих мыслях. Я вернулся к теме через 36 лет в выступлении перед Американской психологической ассоциацией в 1965 году с благодарностью за присуж-

дение мне награды за выдающийся научный вклад. Я назвал его «Еще раз о чертах» (Traits Revisited).

В числе моих студентов в Дартмуте были Хэдли Кентрил, Генри Одберт, Леонард Дуб, и все они последовали за мной в Гарвард для получения докторской степени. Когда Мак-Дугалл покинул Гарвард, там оказалась брешь в области социальной психологии. В 1928 году Боринг пригласил меня вернуться в качестве доцента, но только в сентябре 1930 года я окончательно получил это академическое назначение. Читателю очевидно, что с 1915 года я был глубоко привязан к Гарварду – увлечение, продолжающееся по сей день.

1930–1946

По возвращении в Кембридж началось безумие. В Ганновере я установил редакционные взаимоотношения с журналом «Psychological Bulletin», отвечая за обзорные статьи в области социальной психологии, и у меня сформировалась привычка читать «Psychological Abstracts» от корки до корки (привычку вскоре погасили конкурирующие стимулы). В итоге я чувствовал себя неплохо знакомым с современной мне областью социальной психологии, и потому наслаждался семинарами и дискуссиями за ланчем с моими коллегами: Борингом, Праттом, Биб-Сентером, Чэпменом, Мюрреем, Уайтом и другими. Аспиранты в области социальной психологии образовали группу, которую мы называли «Групповым разумом». Несколько лет мы встречались для обсуждения исследовательских программ друг друга в области установок, экспрессивного поведения, пропаганды и радио. Из Англии на время приехал Филипп Вернон и привез уйму инициатив. С ним я смог начать два исследования, на длительное время сохранившие свое значение: «Исследования выразительных движений» (Studies in Expressive Movement, 1933) и «Изучение ценностей» (A Study of Values, 1931). Оба эти проекта покоились на моем собственном «немецком» фундаменте, но воодушевлялись энергией Вернона. «Изучение ценностей» явилось попыткой эмпирического установления шести первичных измерений личностных ценностей, определенных моим берлинским учителем Эдуардом Шпрингером: теоретического, экономического, эстетического, социального, политического и религиозного. Полученный в результате тест, хотя и во многих отношениях нетрадиционный, показал с годами удивительную жизнеспособность. Гарднер Линдсей помогал в его пересмотре в 1951, а затем в 1960-м годах. Я считаю, что измерительный инструмент в области личности гораздо лучше, если он базируется на хорошем априорном анализе, а не на факторных или других незапланированно полученных измерениях.

Мое упоминание Вернона и Линдсея подводит меня к теплому и благодарному признанию счастливого сотрудничества с моими студентами, сотрудничества, которым я наслаждался. В моих совместных публикациях (см. библиографию в «The Person in Psychology») в качестве соавторов, помимо Вернона и Линдсея, встречаются имена Хэдли Кэнтрила, Генри Одберта, Лео Постмена, Джерома Брунера, Бернарда Крэмера, Джеймса Гиллеспи, Томаса Петтигрю и дюжины других. Могу только надеяться, что они разделяли мое удовлетворение нашим совместным трудом.

В тридцатые годы психология быстро развивалась. Под влиянием мировых событий (депрессия, приход к власти Гитлера, угроза войны и другие трещины в социальном здании) усиливался социальный акцент исследований. Оказалось, что социальных психологов сравнительно мало. Таким образом, на меня ложилась большая ответственность. Совет исследований по социальным наукам (Social Science Research Council) и национальный Совет по исследованиям (National Research Council) хотели меня видеть в своих комиссиях; «Журнал патологической и социальной психологии» (Journal of Abnormal and Social Psychology) хотел видеть меня в качестве редактора. После того, как Боринг успешно провел заключительную разделительную черту между философией и психологией в Гарварде, он захотел, чтобы я принял

руководство теперь уже окончательно независимым факультетом психологии. К нему присоединился Лешли, и я оказался третьим постоянным человеком в штате (1937). Удивительным для меня было избрание президентом Американской психологической ассоциации (American Psychological Association) на 1939 год.

Но самым важным событием этого десятилетия для меня была публикация моей книги «Личность: психологическая интерпретация» (Personality: A Psychological Interpretation, 1937). Как я уже сказал, эта книга «варилась» в моей голове с аспирантских дней. Я стремился дать психологическое определение области личности, как я ее вижу. Конечно, на мое видение повлияли знакомство с социальной этикой, англо-американским эмпиризмом и немецкими структурной и персоналистической теориями. Я хотел сформулировать, насколько это было уместно, экспериментальную науку, но главное – хотел получить «образ человека», который позволил бы нам полностью тестировать любые демократические и человеческие возможности, которыми он может обладать. Я не думал о человеке как врожденно «хорошем», но я убежден, что, вообще говоря, американские психологи недооценивали человека, изображая его как пучок несвязных тенденций к реагированию. Я писал книгу не для какой-то конкретной аудитории. Я написал ее просто потому, что чувствовал, что должен определить новую область психологии личности, как я ее видел. Хотя существовали книги в родственных областях психогигиены и патологической психологии, свой подход я рассматривал как находящийся в традициях академической психологии, и чувствовал, что акцент должен быть на норме, а не на патологии. Хотелось также избежать жаргона и попытаться выразить свои мысли на правильном английском языке. В результате одни читатели восприняли книгу как сложную и претенциозную, другие назвали ее «классической», и в течение двадцати пяти лет она занимала положение более или менее стандартного чтения в этой области. Возможно, главное ее значение в том, что она определила (впервые) темы, которые хорошо сделанные тексты в области личности обязаны охватить.

Для утверждения главного положения (что возможна основательная психология человеческой личности) я должен был придумать и принять ряд довольно новых опорных положений. Главное среди них – понятие *функциональной автономии*. Далее, продолжил я, ни одна теория мотивации не может быть адекватной, если базируется на исключительном примате влечений и на реактивных аспектах человеческой природы. Я не решился использовать понятие цели Мак-Дугалла, потому что оно было связано с сомнительной теорией инстинктов. Я считал, что в течение жизни мотивы могут подвергаться и обычно подвергаются радикальным изменениям, и что движущая сила лежит в продолжающих действовать в настоящее время структурах личности, а не в каком-то анахроническом обусловливании прошлых мотивов. В книге также подчеркивалась игнорировавшаяся ранее тема выразительного поведения и выделялась проблема нормативного критерия зрелости. Книга затрагивала эпистемологическую проблему познания нами других личностей и вновь и вновь повторяла вызов, состоящий в том, что любая адекватная психология личности должна иметь дело с неотъемлемой уникальностью каждой личностной структуры. Естественно, последнее утверждение скандализировало читателей, считавших, что чтобы учесть индивидуальность человека, достаточно рассматривать ее как точку пересечения общих измерений. Я никогда не имел в виду, что дифференциальная психология неприменима к психологии личности, но настаивал, что наша наука виновна в игнорировании проблемы структурообразования. Когда в конце концов я предпринял полную переделку этого текста в целях модификации материала и упрощения изложения, то выбрал название «Структура и развитие личности» (Pattern and Growth in Personality, 1961).

Хотя моей главной интеллектуальной любовью всегда была теория личности, возможно, половина моих исследований и работ были связаны с более общими темами социальной психологии. Даже работая над «Личностью», я взял отпуск, чтобы как можно глубже разобраться в понятии «аттитюда», результатом чего стала глава под этим названием в книге К. К. Мэрчисона

«Учебник социальной психологии» (*Murchison C. C. Handbook of Social Psychology*, 1935). Об этом же интересе свидетельствует ряд моих статей по социальным аттитюдам и газетной психологии и книга «Психология радио» (*The Psychology of Radio*, 1935, совместно с Кэнтрилом).

Вторая мировая война предъявила к социальным психологам еще более серьезные требования. Хотя я служил в Комитете по чрезвычайным ситуациям в психологии в рамках Американской Психологической Ассоциации, но избегал предложений работы в правительственных агентствах. Я чувствовал, что мои способности не соответствуют постоянным и часто неясным требованиям, предъявляемым к новым агентствам, вдруг размножившимся в Вашингтоне. Я чувствовал, что если и должен внести какой-то вклад, это было бы лучше сделать, оставаясь в Гарварде. Телефоны раскалялись от вопроса: «Что мы знаем о гражданской морали?». Лично я не знал ничего. Но в сотрудничестве с Гарри Мюрреем я решил, что можно открыть некоторые полезные вещи, если провести семинар по теме «Исследование морали». Пока самого Мюррея не позвали в Вашингтон, чтобы он возглавил важный проект для Бюро стратегических служб, мы руководили рядом студенческих проектов в диапазоне от анализа характера Гитлера до изучения слухов и бунтов военного времени. Результатом была подготовленная (но не опубликованная) книга «Работы по морали» (*Worksheets in Morale*).

Семинар имел далеко идущие последствия. Он продолжался год за годом, постепенно сосредоточиваясь на том, что оказывалось наиболее настоящей проблемой национального единства, а именно – на групповых конфликтах и предрассудках. Продукция этого семинара за 25 лет была грандиозной. Я скажу о ней позже.

Между тем были и другие требования военного времени. С момента прихода к власти Гитлера в 1933 году поток психологов-беженцев хлынул в Соединенные Штаты; среди них были многие лучшие ученые: Коффка, Штерн, Кёлер, Левин, Вернер, Эгон и Эльза Брунsvик и многие другие. Найти работу для таких звезд было несложно. Но «второй эшелон» не столь известных беженцев создавал серьезные проблемы. Вместе с Барбарой Бернс, Гарднером Мэрфи и другими я делал что мог для установления контактов с ними. Проблемы беженцев представляли большой интерес для социологов и психологов. Дж. С. Брунер и Е. М. Яндорф сотрудничали со мной в публикации анализа 90 личных документов, написанных бежавшими от Гитлера, под заголовком «Личность в социальной катастрофе» (*Personality under Social Catastrophe*, 1941).

Часть моего времени уходила на произнесение речей, полупопулярные статьи о морали и анализ слухов, проводимый для ежедневной колонки в газете «*Boston Traveler*», озаглавленной «Клиника слухов», в которой мы старались обезвреживать слухи военного времени. Мы классифицировали их на три типа: «пугала», «видения курильщика опиума» и «вбиватели клиньев». Третий тип, базирующийся на предрассудках и групповом антагонизме, был наиболее серьезным. Для значительной части этой работы я использовал исследования моего студента Роберта Х. Кнаппа. Вскоре мы с Лео Постменом объединили усилия, прочтя вместе курс по расовым отношениям для бостонских полицейских и опубликовав книгу «Психология слухов» (*The Psychology of Rumor*, 1947).

С приближением конца войны многие психологи стали интересоваться условиями, требующимися для заключения устойчивого и эффективного мирного договора. Я составил подписанное 2038 психологами заявление под названием «Человеческая природа и мир» и опубликовал его в «*Psychological Bulletin*» (1945). Ретроспективно наша формула мира может выглядеть в чем-то донкихотской, но она выступает как дань социальным идеалам нашей профессии.

Интенсивная общественная активность большинства американских социальных психологов – не только в военное время, но и на протяжении этих беспокойных десятилетий, – заслуживает комментариев. В 1936 году возникло Общество психологического изучения социальных вопросов (*Society for the Psychological Study of Social Issues* – SPSSI). Среди первых руководителей были Гарднер Мэрфи, Гудвин Уотсон, Джордж Хартмен, Курт Левин, Эдвард

Толмен и Теодор Ньюком. Я был президентом Общества в 1944 году. Работа в группе оказалась мне близка, так как в глубине души я политический либерал и социальный реформатор.

С моих прежних времен в Дартмуте у меня сложились тесные интеллектуальные и личные отношения с моим студентом Хэдли Кэнтрилом. Мы оба хотели сформировать социальную психологию, которая была бы точной и приложимой к важным проблемам. Мы между собой называли ее «L-P» – *Lebenspsychologie*³². Одним из продуктов нашего сотрудничества явилась книга о психологии радио (1935). Хэдли Кэнтрил руководил «Проектом напряжений» в ЮНЕСКО в Париже и пригласил меня туда на незабываемую конференцию в 1948 году, по результатам которой он издал книгу «Напряжения, которые вызывают войны» (*Tensions That Cause Wars*, 1960). Для нее я написал главу «Роль ожидания».

Когда война подходила к концу, большинство моих коллег и студентов оказалось в Вашингтоне или в вооруженных силах. Для нас, оставшихся дома, стало необходимым спланировать огромный послевоенный наплыв ветеранов в наши университеты. В частности, в Гарварде мы столкнулись с довольно безотлагательной ситуацией. Хотя я оставался руководителем факультета психологии, оказалось, что необходимы некоторые далеко идущие перемены. По интересам наши собственные сотрудники четко делились на «биотропов» (Боринг, Стивенс, Лешли и Биб-Сентер), с одной стороны, и «социотропов» (терминология Боринга) – с другой (Мюррей, Уайт, Олпорт). Соответственное разделение интересов было и на факультете антропологии, где Клакхон, представляющий культурную антропологию, демонстрировал много общего с социологами и «социотропами». Много раз группа, состоящая из Парсонса, Мюррея, Клакхона, Моурера и меня, собиралась для разработки основ создания нового факультета. Изменить любую базовую организацию в университете (особенно внутри старого института) – такая же тяжелая задача, как и передвинуть кладбище. Однако планы были разработаны, и в январе 1946 года факультет искусств и наук проголосовал за создание нового факультета.

Прежде чем завершить этот период, я хочу сказать о своем личном везении. В течение трех последних лет руководства мною факультетом психологии моим секретарем была миссис Элеонора Д. Спраг. Она продолжала работать со мной и на новом факультете, где моей административной задачей было руководство комиссией по присвоению высших степеней. Она оставалась моей правой рукой до своего выхода на пенсию в 1964 году. Благодаря ее компетентной помощи я охватывал больше вопросов, чем было бы возможно в ином случае.

1946–1966

18.00 было священным часом перерыва для собраний преподавателей. На собрании в январе 1946 года Совет преподавателей утвердил создание нового факультета, но к 17.50 еще не окрестил его. Было предложено название «Факультет человеческих отношений», но его не приняли, потому что в Йеле уже был институт с таким названием. Слишком удушающими были бы названия типа факультета социологии, социальной психологии, клинической психологии или социальной антропологии, хотя именно таковым он и являлся. Около 17.59 кто-то предложил «социальные отношения», и вследствие позднего времени название было принято без обсуждений. Новая организация, включающая осколки факультетов антропологии и психологии, явилась радикальным шагом для Гарварда и изумила ту часть академического мира, которая наблюдала за изменениями образовательной политики Гарварда. Но война закончилась, и ветераны стекались обратно, полные интереса к базовым социальным наукам, которые, по их ощущениям, должны были способствовать решению проблем беспокойного мира.

³² Жизненная психология (нем.).

Благодаря энтузиазму и сотрудничеству Пола Бана новый факультет быстро увеличил свой штат за счет возвращающихся в Гарвард людей (Джорджа Хоманса, Джерома Брунера, Брюстера Смита, Дональда Макгренахена и других) и ярких новых сотрудников, включая Сэмюэля Стоуфера, Фредерика Мостеллера и Ричарда Соломона. С июля 1946 года было предложено первое расписание занятий. Я сам (вместе с Джорджем Хомансом) преподавал в течение нескольких лет вводный курс. Примерно за год он сделался самым большим курсом по выбору в колледже, на который записалось около 900 учащихся Гарварда и Рэдклиффа. Фактически вскоре после его создания на факультете был самый большой прием: 400 студентов и почти 200 кандидатов на докторскую степень. Ученые степени (выше бакалавра) предлагались не по социальным отношениям, а по каждой из четырех составляющих дисциплин. Перед факультетом всегда стояла проблема необходимости уравнивать потребности специализации с мерой желательной междисциплинарной подготовки. Наша политика следовала курсом, колеблющимся между специализацией и интеграционизмом, еще не найдя удовлетворительного их соотношения.

Думаю, этот дерзкий академический эксперимент не смог бы получиться, если бы не тот факт, что во время военной службы большинство наших сотрудников утратили свою строгую академическую идентичность. Можно быть хорошим ученым в социальной дисциплине независимо от того, получил ли человек базовую подготовку по психологии, социологии, антропологии, статистике или некоторым другим дисциплинам. Таким образом, война подготовила наше мышление к той интеграции, что была осуществлена. Интеллектуальное лидерство в формировании «общего языка» в нашей области исходило от Талкотта Парсонса, объединившего на время с Эдвардом Шилзом и Эдвардом Толменом. Были ли их усилия преждевременны, или в традициях Гарварда присутствовали индивидуализм и разногласия, но учредить общий базовый язык для факультета не получилось. Однако коллеги ухитрились работать по двое, трое или в небольших группах над проблемами, представлявшими общий интерес для них, и преобладала атмосфера конвергенции. Значительная заслуга в той унификации, что была достигнута, принадлежит Парсонсу. С самого начала и в течение десяти лет он был нашим полным энтузиазма председателем и лидером всего предприятия.

В качестве одного из отцов-основателей факультета я стремился к успеху эксперимента. Моей особой обязанностью было председательствование в комиссии по высшим ученым степеням (с умелой помощью миссис Спраг) и, при любых обстоятельствах, поддержка других членов администрации. (Талкотт Парсонс, Роберт Уайт и Дэвид Мак-Клелланд по очереди были руководителями факультета, а Сэмюэль Стоуффер и Фрид Бейлз – директорами лаборатории.)

Моя собственная преподавательская деятельность продолжалась в том же объеме, что всегда. Я, наконец, передал большой начальный курс в умелые руки Боба Уайта и отказался от преподавания формального курса по социальной психологии, отдав его своим более молодым коллегам Джерри Брунеру, Роджеру Брауну, Гарднеру Линдсею, а позднее Гербу Келману, Эллиоту Аронсону, Стэнли Милгрэму, Кеннету Джерджену и далее непрерывной процессии молодых талантов. Я вел курс среднего уровня по теориям личности и два семинара для аспирантов: один – для аспирантов второго года, соискателей степени в области клинической и социальной психологии, а другой – продолжение семинара по морали, который теперь полностью посвящался проблемам группового конфликта и предубеждений.

Именно в связи с этим последним курсом я руководил написанием нескольких соответствующих докторских диссертаций и начал серию собственных публикаций, кульминацией которых стала работа «Природа предрассудка» (*The Nature of Prejudice*, 1954). По-моему, важность этой книги, все еще циркулирующей в дешевых изданиях, отражена в ее оглавлении. Как и в случае психологии личности, я несколько лет думал об этой теме, решая, какие вопросы являются по-настоящему центральными для новой, еще плохо определенной психологической территории, и в каком порядке должны располагаться темы в любом многогранном тексте.

Хотя много способных студентов сотрудничало в этой работе, один из них вырос до уровня первооткрывателя. На меня большое впечатление произвели исследовательские способности и умение объяснять Томаса Ф. Петтигрю из Вирджинии. Я пригласил его сопровождать меня в Южную Африку в качестве специального стипендиата Института социальных исследований университета Натала, где он провел шесть плодотворных месяцев в 1956 году. Конечно, было захватывающе интересно сравнивать этнические трения в Южной Африке и Соединенных Штатах и тем самым в определенной мере исследовать кросс-культурную валидность моей недавно опубликованной книги. Я сделал вывод, что все личностные силы, ведущие к предубеждениям, существовали в обеих странах, но мои собственные психологические пристрастия, возможно, привели к недооценке сил истории и традиционной социальной структуры, более ярко заметных в Южной Африке.

Мы с Петтигрю провели несколько кросс-культурных исследований восприятия в Южной Африке. Одно из них, «Культурные влияния на восприятие движения» (*Cultural Influences on the Perception of Movement*, 1957), как нам кажется, показало, что социальные факторы в восприятии видны тогда, когда стимульной ситуации присуща неоднозначность.

Проведя затем год в Северной Каролине, Петтигрю вернулся в Гарвард и постепенно взял на себя значительную часть моих преподавательских и административных обязанностей, добавив их к собственной напряженной программе работы в области расовых отношений. Под его руководством продолжается долговременный семинар, вносящий вклад в изучение морали.

Вернувшись к теории личности (всегда занимающей центральное место в моих интересах), я оказался обремененным заявками на отдельные лекции или их циклы по упомянутой теме в различных университетах. Кроме того, нужно было готовить главы для учебников и доклады для участия в симпозиумах. Фактически, оказалось, что многие мои сочинения за последние двадцать пять лет были продиктованы такими обязательствами. Каждое обязательство я старался использовать как повод сказать что-нибудь релевантное теории личности. Так, Восточной психологической ассоциации я предложил «Эго в современной психологии» (*The Ego in Contemporary Psychology*, 1943). Иногда на этот доклад ссылаются как на возвращение понятия «Я» в академическую психологию – думаю, это некоторое преувеличение. А Меррик-ковские лекции в Уэслиан, Огайо и Лоуэлловские лекции в Бостоне побудили меня подготовить книгу «Индивид и его религия» (*The Individual and His Religion*, 1950). Выступления на Лекциях Терри в Йеле привело к работе «Становление: основные положения для психологии личности» (*Becoming: Basic Considerations for a Psychology of Personality*, 1955). Многие другие выступления по разным поводам были собраны вместе в книге «Личность и социальные контакты» (*Personality and Social Encounter*, 1960). В этой последней книге оказалось уместным в приложении привести полный перечень моих работ, дополненный в следующем издании (1964).

По-моему, в этих сочинениях, включая работы по предубеждениям, существует отчетливое единство. Личность, как я ее вижу, состоит прежде всего из общих установок, ценностей и чувств – см., например, «Психическое здоровье: общая установка» (*Mental Health: A Generic Attitude*, 1964). Следовательно, комплекс предрассудков, религиозное чувство, феноменологическое эго и философия жизни человека – важные субтерритории для исследования в контексте индивидуальной жизни.

Уделяя много внимания этим общим формированиям, встречающимся во многих, если не во всех, жизнях, я помещаю выше по своей шкале научных ценностей поиск паттерна, связывающего чувства, ценности и черты внутри каждой уникальной жизни. Я выбрал эту тему для выступления на конференции профсоюза психологов Германии в Гамбурге в 1961 году. Лекция называлась «Общее и своеобразное в психологической практике» (*Das Allgemeine und das Eigenartige in der Psychologischen Praxis*, 1961). Это приглашение выступить я принял отчасти для оправдания сентиментального путешествия. Я был счастлив отплатить за то многое,

что дала мне немецкая структурная концепция, и особенно – вернуться на сцену моих научных занятий со Штерном почти сорокалетней давности. Но я также чувствовал, что немецкие психологи должны в чем-то лучше, чем большинство моих американских коллег, понять мои призывы к использованию морфогенических (идеографических) методов, приспособленных к структуре индивидуальной жизни. Эта линия рассуждений, конечно, связана с моим постоянным вопросом: «Как писать историю жизни?».

Много лет я использовал в преподавании замечательную серию из 300 личных писем одной женщины. Первое из них она написала в 58-летнем возрасте, последнее – через 12 лет, незадолго до своей смерти. Письма связаны с запутанными взаимоотношениями матери и сына и написаны в яростно драматичном личностном стиле. Это, конечно, уникальная жизнь, вызывающая к психологическому анализу и интерпретации. Имея значительный опыт использования этих писем в преподавании, я решил представить их в качестве вызова другим и набросать доступные способы психологического анализа в приложении к этому отдельному случаю; так я создал книгу «Письма от Дженни» (*Letters from Jenny*, 1965).

Среди случайных дел, отнимавших много времени и сил, я должен упомянуть работу над главой «Исторические предпосылки современной социальной психологии» (*The Historical Background of Modern Social Psychology*) для «Учебника социальной психологии» Линдсея (*Lindzey G. Handbook of Social Psychology*, 1954). В течение нескольких лет я читал лекции по этой теме и потому обрадовался возможности дать сжатое изложение моего видения корней современной социальной психологии. Хотя уже назрел пересмотр «Учебника», я мало что нашел нужным менять в этой главе, но, возможно, кто-нибудь напишет более полную и подробную историю вопроса.

Я знал, конечно, что необходим пересмотр «Личности» 1937 года издания. Ее нужно было осовременить; требовалось переструктурировать раздел о функциональной автономии и включить новые течения в области познавательных процессов, исследований ролей и экзистенциальной теории. Это обновленное и пересмотренное изложение представлено в работе «Структура и развитие личности» (*Pattern and Growth in Personality*, 1961). Став старше (и чувствуя себя лично более уверенно), я теперь мог обойтись без своей прежней напыщенной лексики.

Тем временем факультет социальных отношений разрастался. При штате около 100 преподавателей необходимы были изменения. Настало время передать управление более молодым коллегам. Факультет существовал восемнадцать лет в семи отдельных зданиях и в значительной степени был отрезан от «биотропного» факультета психологии. Когда Фонд Гарвардского колледжа объявил в качестве одной из своих целей строительство большого и вместительного Центра наук о поведении, оказалось, что может быть достигнуто по крайней мере географическое единство этих различных структур. Мы переехали в новый пятнадцатизэтажный Холл Уильяма Джеймса в январе 1965 года, как раз когда я перешел с полной ставки на половинную. По договоренности с президентом Пьюзи я согласился в течение нескольких лет преподавать во время осенних семестров, а весенние оставил свободными для написания работ и путешествий. Оказалось, что мне грустно расставаться с Эмерсон-Холлом, в котором я жил в качестве студента и преподавателя пятьдесят долгих лет (за вычетом семи лет моей работы за рубежом и периода в Дартмуте).

Нужно было написать заключительную главу в моих формальных отношениях с Гарвардом. В марте 1966 года Корпорация присвоила мне первое звание почетного профессора социальной этики им. Ричарда Кларка Кэбота. Объявляя о введении этого нового профессорского места, президент Пьюзи воспользовался случаем «...приветствовать возвращение социальной этики в сообщество, которое многим обязано преданности и примеру Ричарда Кларка Кэбота, а до него – Фрэнсису Гринвуду Пибоди». Пьюзи добавил, что «в период широко распространенной неразберихи в моральных вопросах в наши дни существует и интерес к человеческим

и этическим ценностям, особенно к характеру и моральной сензитивности». Так как д-р Кэбот был моим первым «боссом» в Гарварде и оказал большое влияние на мою карьеру в общем и целом, назначение оказалось для меня должным завершением и интеллектуального цикла, и цикла чувств.

Полемист-эклектик

В большинстве моих работ критикуются предшествующие психологические иды. Временами я скрещивал шпаги с теорией научения, дименционализмом в исследованиях личности и с чрезмерным, на мой взгляд, подчеркиванием роли бессознательных процессов, проективных тестов и упрощенных мотивационных теорий влечения. Я чувствовал, что эти модные объяснительные принципы способны иметь дело только с периферическими или «плавающими» слоями личности, и что они уделяют слишком много внимания невероятным формулировкам глубинной психологии. (Да, моя единственная встреча с Фрейдом была травматичной.)

Вместо этих популярных формул (или, точнее, в дополнение к ним) я выступал в защиту принципов, кажушихся мне необходимыми. Это принципы, имеющие дело с функциями «примума» (привязанными к образу «Я»), включающие способности к научению, сложные интегративные общие установки и пути восприятия своего мира, экспрессивное (а не просто проективное) поведение, образования, характеризующие личностную зрелость и ценности и ориентации по отношению к будущему, – короче, имеющие дело с ходом развития и становления. Именно в этой паутине понятий можно отыскать мою личную идею.

Конечно, Бергсон был прав, говоря, что ни одному философскому уму никогда не удалось полностью реализовать свою идею. Мой опыт также показывает, что такой ум может все время наполовину с недоверием относиться к правильности идеи. Хотя большинство моих работ полемичны по тону, я всей душой признаю, что мои оппоненты отчасти правы.

Когда меня попросили сделать доклад на XVII Международном конгрессе по психологии в Вашингтоне, я назвал его «Плоды эклектизма: горькие или сладкие?» (The Fruits of Ecledicism: Bitter or Sweet? 1964). В нем сделана попытка проследить эклектические тенденции в психологии прошлого и привести аргументы в пользу того, что систематический эклектизм не является невозможным в будущем. Но здесь я настаивал, что никогда не будет адекватной никакая фанатичная приверженность, даже самая модная. Я имел в виду, что только взгляд с позиций «Открытой системы в теории личности» (Open System in Personality Theory, 1960) реально будет служить цели. Конечно, любой исследователь имеет право ограничивать свои переменные и на мгновение пренебрегать иррелевантными аспектами поведения, *но он не имеет права забывать, чем он решил пренебречь*.

Как я уже где-то говорил, некоторые из моих коллег относятся к личности как к квазизакрытой системе. Я уважаю их работу и знаю, что в конечном счете их вклад впишется в более широкий контекст. Я не чувствую личной неприязни в общении с теми, с кем я отваживаюсь не соглашаться. Но что мне в нашей профессии не нравится, так это сильный привкус высокомерия в ныне модных догмах. По-моему, социологам и психологам стоит развивать у себя добродетель смирения. Я не люблю модный ныне ярлык «поведенческих наук». С определенной точки зрения он достаточно безвреден, но для меня он так или иначе подразумевает, что если бы все приняло убеждения позитивизма и бихевиоризма, все наши проблемы были бы решены. Я не могу с этим согласиться. Наши методы были бы ограничены, наши теории односторонни, а наших студентов запугивал бы тираничный и сиюминутный сциентизм. Смирение требует более гипотетической позиции. Уильям Джемс был прав: наше знание – капля, наше невежество – море. Сам Джеймс, на мой взгляд, дает психологам достойный образец для подражания своей открытостью мышления, уважением ко множественным путям к правде и личным смирением.

Несоответствие значительной части сегодняшней психологии реальной человеческой жизни вытекает из акцентирования механических аспектов реактивности человека за счет пренебрежения более широким его опытом, его стремлениями и его непрерывным старанием господствовать над окружающей его средой и формировать ее. Конечно, не у всех психологов есть это слепое пятно. Карл Роджерс, Абрахам Маслоу, Гарднер Мэрфи, Гарри Мюррей и многие другие обладают более ярким видением.

Какова же моя личная идея? Полагаю, она должна иметь дело с поиском теоретической системы – системы, которая будет принимать правду, где бы ее не обнаружили, систему, которая будет включать тотальность человеческого опыта и полностью, по достоинству оценивать природу человека. У меня самого никогда не было точно определенной программы исследований, и я никогда не пытался учредить «школу» психологической мысли. Работавшие со мной студенты поощрялись в желании браться за любые значимые проблемы, связанные с личностями, частями личностей или группами личностей.

Преданный такой широкой и свободной программе, я удивлен обилием доставшихся мне почестей. Я расскажу об одной, которая была мне приятнее всего, ибо она лучше обобщает мою личную идею, чем мог бы я сам. В связи с XVII Международным конгрессом по психологии, состоявшимся в 1963 году в Вашингтоне, пятьдесят пять моих бывших аспирантов подарили мне два красиво переплетенных тома своих работ с посвящением: «От Ваших учеников – с признательностью за Ваше уважение к нашей индивидуальности». Это личная честь, которой я горжусь больше всего.

СТАТЬИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Личность нормальная и аномальная³³

Слово «норма» означает «руководящий стандарт», *нормальный* – значит отвечающий такому стандарту. Отсюда следует, что «нормальная личность» – это личность, поведение которой соответствует тому или иному руководящему стандарту, а «аномальная личность» – та, поведение которой не отвечает этому критерию.

Однако сделав подобное заявление, мы сразу же обнаруживаем существование стандартов двух совершенно разных видов: статистических и этических. И те и другие могут применяться для различения нормальных и аномальных людей, но первые характеризуют среднее или обычное, вторые – желательное или ценное.

Два этих стандарта не просто различны, но во многих отношениях прямо противостоят друг другу. Например, «обычными» являются некоторые вредные привычки людей, какая-либо патология тканей или органов, определенные признаки нервозности и саморазрушительные паттерны поведения; однако даже будучи обычными или средними, эти тенденции не относятся к здоровым. С другой стороны, руководящий стандарт здоровой сексуальной жизни в нашем обществе, если принять отчет Кинзи, достигнут лишь меньшинством американских мужчин. В этом случае обычное также не совпадает с желательным: то, что нормально в одном смысле, не является нормальным в другом. И, конечно же, никакая этическая система в цивилизованном мире не предлагает детям в качестве образца идеал превращения в «простого среднего человека». Источником стандарта здоровой личности служит скорее не реальность, а потенциальные возможности человека.

Пятьдесят лет назад это двойственное значение «нормы» и «нормального» не волновало психологию так, как сегодня. В ту пору психология была прежде всего занята выявлением усредненных норм для всех мыслимых видов психической деятельности. Медианы, моды и сигмы были на коне, и дифференциальная психология достигла своего расцвета. Ослепленные новообретенной красотой кривой нормального распределения, психологи удовлетворились тем, что объявили ее незначительные «хвосты» единственной разумной мерой «аномальности». Отклонения от среднего были аномальными, и поэтому слегка отталкивающими.

В это время возникло понятие «психической адаптации», заблиставшее в 1920-е годы. Хотя не все психологи отождествляли адаптацию со средним поведением, тем не менее это отождествление достаточно широко подразумевалось. Например, часто подчеркивался тот факт, что животное, не приспособившееся к норме своего вида, обычно погибает. Тогда еще не был сделан вывод о том, что человек, который приспосабливается подобным образом, – скучная посредственность.

Времена изменились. Сегодня мы все глубже озабочены усовершенствованием поведения среднего человека, поскольку к настоящему моменту возникли серьезные сомнения в том, что простая посредственность может выжить. По мере того как распространяется социальная аномия, а само общество становится все более больным, мы сомневаемся, что посредственный человек сможет избежать психических расстройств и правонарушений, сумеет не попасть под власть диктаторов или успешно предотвратить атомную войну. Кривая нормального распределения не оставляет нам надежды на спасение. Нужны граждане нормальные и здоровые в более позитивном смысле слова, – мир нуждается в них, как никогда ранее.

³³ Выступление на V Межамериканском конгрессе по психологии. Мехико, декабрь 1957 г. Печатается по изданию: *Allport G. Personality and Social Encounter: Selected essays*. Chicago: University of Chicago Press, 1960. P. 155–168.

Думаю, что именно по этой причине психологи в настоящее время ищут новое определение нормального и аномального. Они ставят вопросы о *ценном, правильном и хорошем*, – вопросы, которыми никогда не задавались раньше.

В то же время психологи знают, что в поисках критерия нормальности в этом новом смысле они вторгаются в традиционную область этики. Им известно также, в общем и целом, что философам не удалось найти руководящие стандарты для всего того, что составляет здоровый образ жизни, который должны стремиться формировать воспитатели, родители и терапевты. Поэтому психологи в большинстве своем хотят проводить этот поиск нетрадиционным путем и, если им это удастся, избежать традиционных ловушек аксиологии. Позвольте мне вкратце описать некоторые из недавних эмпирических попыток определить нормальность, а затем, насколько это удастся, оценить состояние вопроса на сегодняшний день.

Натуралистические определения «нормальности»

За последние несколько месяцев были опубликованы два подхода к «нормальности», заслуживающие серьезного внимания. Авторами обоих являются представители социальных наук: психолог из Соединенных Штатов и социолог из Англии. Их цель состоит в том, чтобы вывести понятие нормальности (в ценностном смысле) из условий человеческого существования (в натуралистическом смысле). Оба ищут свои нравственные императивы в биологии и психологии, а не непосредственно в теории ценностей. По сути, они отважно ищут «должное» (цель, к которой должны стремиться учителя, консультанты и терапевты) в «сущем» (природе человека). Многие философы утверждали, что это невозможно. Но прежде чем выносить окончательное суждение, посмотрим, каких успехов они добились.

Э. Дж. Шобен спрашивает: «Каковы основные различия между человеком и более низкоорганизованными животными?»³⁴. Не претендуя на то, что его ответ является исчерпывающим, он сосредоточивается на двух типично человеческих качествах, выдвигая также выходящее за пределы психологии положение, что человек *должен* максимально их развивать. Первым из этих качеств является способность человека пользоваться связным языком (символизация). Из этого преимущества перед животными Шобен выводит некоторые специфические приметы нормальности. С помощью языка символов, например, человек может отложить получение удовольствий, помня об отдаленной цели, далекой награде, задаче, которая может быть выполнена, возможно, в конце жизненного пути, а может быть – не выполнена никогда. С помощью символического языка человек может представить свое будущее гораздо более радужным, чем настоящее. Кроме того, он может разработать сложную систему социальных понятий, на которой строятся его всевозможные связи с другими людьми, далеко выходящие за пределы жестких симбиотических ритуалов, присущих, скажем, общественным насекомым.

Второе отличительное человеческое качество связано с продолжительным периодом детства у людей. Зависимость, базовое доверие, симпатия и альтруизм чрезвычайно важны для выживания человека, в отличие от низших животных.

Сводя воедино два эти качества, Шобен выводит из них свою концепцию нормальности. Он называет ее «моделью интегративного приспособления». По его мнению, нормального человека отличает чувство *личной ответственности*, ибо ответственность – это характерная способность, проистекающая из умозрительного символического образа будущего, отсрочки удовлетворения и способности вести себя в соответствии с собственными понятиями о наилучших принципах поведения. Аналогичным образом, в определение нормы входит и *социальная ответственность*, ибо все эти символические способности могут взаимодействовать с уникальным фактором доверия или альтруизма. Тесно связан с ними критерий *демократического*

³⁴ Shoben E. J., Jr. Toward a concept of the normal personality // American Psychologist. 1957. Vol. 12. P. 183–189.

общественного интереса, выводимый и из символизации, и из доверия. Точно так же, путем того же натуралистического анализа выводятся *обладание идеалами* и необходимость *самоконтроля*. Шобен справедливо указывает, что *чувство вины* является неизбежным следствием неудачных попыток человека жить по специфическим человеческим образцам, и поэтому в нашу концепцию нормальности мы должны включить как вину, так и пути искупления.

Каждый психолог, стремящийся делать как можно меньше допущений и придерживаться эмпирических доказательств, а также склоняющийся к натурализму биологической науки, высоко оценит и будет приветствовать усилия Шобена. Тем не менее я предвижу, что наши друзья-философы постараются озадачить нас некоторыми неудобными вопросами. Разве не является специфической человеческой способностью, – спросят они, – собственническое стремление матери постоянно держать своего ребенка на привязи? Свойственно ли какому-либо животному столь разрушительное поведение? Аналогичным образом, не чисто ли человеческое свойство – фанатичная верность своей социальной группе, ведущая к предрассудкам, презрению и вражде? Не бывает ли, что бремя символизации, социальной ответственности и вины приводит человека к депрессии и самоубийству? Самоубийство, наряду с другими разрушительными паттернами поведения, является чисто человеческим свойством. Философ, задающий эти вопросы, придет к выводу о том, что нельзя вывести *должное* из человеческой природы *как она есть*. То, что специфично для человека, не всегда хорошо.

Посмотрим на вторую попытку сформулировать натуралистический критерий нормальности. Пол Халмос начинает свою недавно вышедшую книгу «О мере человека»³⁵ с вопроса: «Каковы минимальные условия выживания?». Если они известны, то мы можем заявить, что любые ситуации, не достигающие этого уровня, ведут к аномалиям и подталкивают к смерти и разрушению. Халмос называет этот критерий «анормой» и считает, что мы в состоянии ее определить, даже если не можем дать определение нормальности, поскольку люди в целом легче сходятся в определении, что плохо для человека (поскольку все смертные подвластны главному императиву выживания), нежели в том, что для него хорошо.

Потребность выживания Халмос разделяет на потребность роста и потребность социальной сплоченности. Эти два принципа являются универсальными условиями жизни вообще, не только жизни человека. «Рост» означает автономию и процесс индивидуализации. «Сплоченность» является основным условием социальной взаимозависимости, включающей, по крайней мере у людей, исходное доверие, гетерономию, отношения полов и создание семьи.

Халмос полагает, что, взяв перечень условий, вредящих росту и сплоченности, мы можем определить «анорму». Для начала он упоминает первые и самые главные недостатки в воспитании ребенка: «постоянное или периодическое прерывание физической близости матери и ребенка» или «эмоциональное отвержение» ребенка его матерью представляют собой условия, наносящие ущерб выживанию отдельного лица и группы. По его собственной терминологии, этот первый критерий аномалии заключается в «препятствии превращению сплоченности в любовь». Большая часть аномалий выводится им из нарушений принципа сплоченности, в результате чего ребенок становится излишне требовательным и навязчивым. Здесь заметно сходство с такими современными мыслителями, как Боулби, Эриксон и Маслоу.

Автор продолжает свой перечень «аномального» указанием на синдромы, признаваемые психиатрами. Например, считается аномальным (неблагоприятным для выживания), если поведение повторяется без учета ситуации и остается неизменным, несмотря на его последствия; если достижения человека постоянно несоразмерны его возможностям; если психосексуальные фрустрации препятствуют и росту и сплоченности.

Стоит подчеркнуть, что две основные функции – роста и сплоченности, – выделенные Халмосом, время от времени встречаются в психологической литературе. Бергсон, Юнг

³⁵ Halmos P. Towards a measure of man: the frontiers of normal adjustment. London: Routledge & Kegan Paul, 1957.

и Энгьял принадлежат к числу авторов, согласных с тем, что нормальность предполагает баланс между индивидуализацией и социализацией, между автономией и гетерономией. Судя по всему, в этом вопросе согласие налицо. Позвольте процитировать одного из основателей Межамериканского психологического общества, недавняя кончина которого опечалила всех нас. Вернер Вульф пишет: «Когда индивид чрезмерно отождествляет себя с группой, он теряет свое достоинство. С другой стороны, полная неспособность идентифицироваться с ней ведет к тому, что окружение, среда теряет свою ценность для индивида. В обоих крайних случаях динамическая взаимосвязь между индивидом и его окружением нарушается. Человека, ведущего себя подобным образом, называют “невротиком”. В нормальной группе каждый участник сохраняет свою индивидуальность, но также принимает на себя и роль члена группы»³⁶.

Хотя нет особых разногласий по поводу необходимости сохранения нормальной личностью продуктивного баланса между индивидуальным ростом и слиянием с обществом, у нас по-прежнему нет четкого критерия для определения того, когда эти факторы удачно сбалансированы, а когда – нет. Я опасаясь также, что философы будут качать головами, знакомясь с взглядами Халмоса. Они спросят: «Откуда вам известно, что выживание – это хорошо?» Затем: «Почему все люди должны в равной степени пользоваться благами роста и сплоченности?». И наконец: «Как определить оптимальный баланс между сплоченностью и ростом у отдельно взятой личности?».

Сам Халмос особенно озабочен отношениями между аномальностью и творчеством. Еще Ницше заявлял: «Говорю вам: человек должен иметь хаос внутри себя, чтобы иметь возможность произвести на свет танцующую звезду». Разве многие достойные музыкальные, литературные и даже научные произведения не черпали свое вдохновение из некоего психологического хаоса, а вовсе не из равновесия? Я думаю, что здесь Халмос дает правильный ответ, подчеркивая нетождественность творчества и нормальности. В целом нормальная личность будет творческой, но если ценные творения создаются людьми, отклоняющимися от нормы выживания, то этот факт можно принять и оценить только по шкале творчества, а не по шкале нормальности.

Дисбаланс и рост

В нынешние времена экзистенциализма я ощущаю, что психологов все меньше и меньше удовлетворяет понятие адаптации, и, соответственно, понятия «редукции напряжения», «восстановления равновесия» и «гомеостаза». Встает вопрос, является ли человек, наслаждающийся этими процессами, на самом деле человеком. Нам известно: рост происходит не вследствие гомеостаза, а вследствие определенного рода «трансистаза»; сплоченность – это вопрос сохранения человеческих отношений в движении, а не просто в состоянии устойчивого равновесия. Стабильность не может быть критерием нормальности, поскольку стабильность заводит эволюцию в тупик, отрицая как рост, так и сплоченность. Фрейд писал однажды Флиссу, что, по его мнению, «умеренные невзгоды необходимы для интенсивной работы».

В этой связи интересно одно исследование, вдохновленное Карлом Роджерсом. У группы пациентов перед лечением наблюдалась нулевая корреляция между их образом *Я* и образом идеального *Я*. После лечения значение корреляции равнялось +0,34, – показатель невысокий, но приближающийся к коэффициенту +0,58, которым характеризовалась группа здоровых людей, не подвергавшихся лечению. Видимо, величина этой корреляции служит мерой удовлетворенности или неудовлетворенности нормальных людей собственной личностью³⁷. Другими

³⁶ Wolff W. The threshold of the abnormal. N. Y.: Hermitage House, 1950. P. 131 f.

³⁷ Цит. по: Hall C., Lindzey G. Theories of personality. N. Y.: John Wiley, 1957. P. 492–496. <Рус. пер.: Холл К. С., Линдсей Г. Теории личности. М.: КСП+, 1997.>

словами, нулевая корреляция между реальным и идеальным *Я* слишком низка для нормы; она ведет к таким страданиям, что страждущий нуждается в терапии. В то же время нормальные люди также отнюдь не идеально приспособлены к самим себе. Всегда существует разрыв между реальным и идеальным *Я*, между текущим существованием и устремлением к лучшему. С другой стороны, слишком большая удовлетворенность собственным реальным *Я* означает патологию. Наивысший из полученных коэффициентов (+0,90) был отмечен у человека явно патологического склада. Корреляции, приближающиеся к 1, можно ожидать только у самодовольных психопатов, в частности, параноидных шизофреников.

Поэтому, каким бы ни оказалось наше определение нормальности, оно должно учитывать продуктивные дисбалансы как внутри личности, так и между человеком и обществом.

Подходы к проблеме здоровья

Подход, милый сердцу психолога, иллюстрирует работа Ф. Бэррона. Он предложил другим людям дать определения нормальности, или, в его терминах, «здоровья» (soundness), а затем попытался вывести из них, что же представляет собой «здоровый» человек. Преподаватели старших курсов Калифорнийского университета назвали большое число людей, которых они считали здоровыми, и некоторых, которых они оценивали противоположным образом. При тестировании и экспериментировании с двумя этими группами людей (причем их принадлежность к одной или другой группе не была известна исследователям) выявились некоторые весьма существенные различия³⁸. Во-первых, более здоровые люди имели более реалистическое восприятие; их не смущали искажения или тенденциозный контекст в сенсорном поле. Кроме того, по спискам личных качеств этим людям часто приписывали такие черты как *целеустремленность, настойчивость, адаптируемость, хороший характер*. По Миннесотскому многомерному личностному опроснику (MMPI) они получили высокие баллы по шкалам *самообладания, уверенности в себе, объективности и мужественности*. Их *самопознание* было превосходным, как и физическое здоровье. Наконец, все они были выходцами из семей, где было мало ссор или их не было вообще – факт, подтверждающий тезисы Халмоса.

В отношении здоровья большинство авторов далеки от профессионального консенсуса. Они просто дидактически перечисляют признаки нормальности, или здоровья, или зрелости, или продуктивности так, как они их представляют. В результате появляются бесчисленные списки. Возможно, простейший из них – список Фрейда, который пишет, что здоровый человек будет способен *любить и работать*. Одной из наиболее проработанных является схема Маслоу, в которой среди прочих присутствуют следующие качества: эффективное восприятие реальности, философский юмор, спонтанность, беспристрастность и принятие себя и других. Подобные списки не совсем произвольны, поскольку авторы основывают их на широком клиническом опыте (как Фрейд) или на биографическом анализе (как Маслоу)³⁹.

В настоящее время имеется такое множество списков подобного рода, что возможен новый подход: сравнение самих этих весьма интересных списков. Время от времени я даю такое задание своим студентам, и хотя получаются все мыслимые группировки и перегруппировки, тем не менее встречаются повторяющиеся темы, которые появляются почти во всех списках. Если бы я должен был попытаться выполнить это задание сам, то, вероятно, начал бы со своего

³⁸ Barron F. Personal soundness in university graduate students (Publications of Personnel Assessment Research, № 1). Berkeley: California University Press, 1954.

³⁹ Maslow A. H. Motivation and personality. N. Y.: Harper, 1954. Ch. 12. <Рус. пер.: Маслоу А. Г. Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999. >

собственного списка из трех критериев, опубликованного 20 лет назад. Однако теперь я бы его расширил⁴⁰.

Вот три критерия, названные мной изначально:

1) Расширение «Я» – способность интересоваться не только своим телом и своим материальным достоянием. Этот критерий, как я полагаю, охватывает те признаки, которые Фромм приписывает продуктивному человеку.

2) Самообъективация, включающая способность связывать чувственный тон сиюминутного переживания с прошлым опытом при том, что последний действительно определяет качество первого. Самообъективация также включает в себя чувство юмора, демонстрирующее нам, что наш общий жизненный горизонт слишком широк, чтобы уложиться в нашу сегодняшнюю ограниченность.

3) Единая жизненная философия – которая может быть, а может и не быть религиозной, но в любом случае она должна образовывать осмысленный и ответственный контекст для основных видов жизнедеятельности.

К этому списку я бы добавил сейчас:

4) Способность к теплоте, глубинному отношению личности к окружающим – если хотите, некую «экстраверсию либидо» или некое «чувство общности».

5) Наличие реалистических навыков, способностей и восприятий, позволяющих справиться с практическими жизненными проблемами.

6) Сострадание ко всем живым существам, включающее в себя уважение к отдельным людям и предрасположенность к такой совместной деятельности, которая улучшит людскую участь.

Я знаю, что психоаналитики равнодушны к критерию «силы эго»: нормальная личность обладает сильным эго, а аномальная – слабым. Но я считаю эту формулировку неверной и склонен полагать, что шесть моих более детальных критериев успешнее определяют то, что обозначается расплывчатым термином «сила эго».

Слабость всех списков, включая мой собственный, заключается в том, что настоящие вопросы философа по-прежнему остаются без ответа. Откуда психолог знает, что эти качества образуют нормальность, что это хорошие качества, и что все люди должны обладать ими? Прежде чем я попытаюсь дать ответ, хотя бы частичный, нашему раздраженному коллеге-философу, позвольте мне обратить внимание на еще один психологический подход.

Континуальность симптома и дискретность процесса

Обратимся к нетрадиционному анализу проблемы непрерывности – прерывности. Является ли аномалия всего лишь преувеличенным нормальным состоянием? Существует ли непрерывный континуум между здоровьем и болезнью? Безусловно, да – так считал Фрейд. Он разработал свою систему в первую очередь как теорию невроза. Но Фрейд и его последователи стали рассматривать свои формулировки в качестве универсальной, всеобъясняющей психологической теории. Нормален человек или нет – зависит от того, насколько успешно он может организовать свои взаимоотношения. Кроме того, прежний энтузиазм психологов в отношении кривой нормального распределения помогал отстоять теорию неразрывности. Самым веским доказательством в защиту этой точки зрения является наличие пограничных случаев. В описательном смысле обязательно существует непрерывность. Мы встречаемся с мягким неврозом, пограничной шизофренией, гипоманией и личностями параноидального, циклоидного, эпилептоидного склада. При использовании шкал и опросников разрывов не бывает; тестовые баллы распределены на континууме.

⁴⁰ Allport G. W. Personality: a psychological interpretation. N. Y.: Holt, 1937. Ch. 8.

Тем не менее – и я буду настаивать на этой точке зрения – этот континуум относится только к симптомам, внешним проявлениям. *Процессы (или «механизмы»)*, лежащие в основе этих проявлений, не являются континуальными. Существует, например, оппозиция противостояния миру с его проблемами (что, в сущности, благотворно) и ухода, бегства от реальности (что, в сущности, неблаготворно). Крайняя степень ухода и бегства образует психоз. Но вы можете спросить, не склонны ли мы все в определенной степени к бегству? Да, мы делаем это, и более того, эскапизм может обеспечить не только восстановление сил, но и иметь определенную конструктивную пользу, как например в умеренных грезах. Но тем не менее процесс бегства может быть безвредным только в том случае, если *доминирующим* процессом является противостояние. Сам по себе эскапизм означает бедствие. У психопата этот процесс является преобладающим; у нормального человека, напротив, преобладает противостояние.

Следуя этой линии рассуждений, мы можем перечислить другие процессы – те, которые неизбежно порождают аномалии, и те, которые производят нормальность. В первом списке перечислены катаболические функции. Я назову:

- Бегство или уход (включая фантазии).
- Вытеснение или диссоциацию.
- Другие «механизмы защиты», включая рационализацию, реактивные образования, проекцию, смещение.
- Импульсивность (неконтролируемую).
- Ограничение мышления конкретным уровнем.
- Застывание личности на недоразвитом уровне.
- Все формы ригидности.

Этот перечень неполон, но упомянутые процессы, по моему мнению, являются по сути катаболическими – в той же степени, что и механизмы заболеваний, приводящие к диабету, туберкулезу, увеличению щитовидной железы или раку. Человек, испытывающий воздействие этих механизмов лишь в незначительной степени, может оказаться нормальным, но это возможно только в том случае, если преобладают «анаболические» механизмы. Среди последних я бы назвал:

- Контакт с реальностью (или, если угодно, «проверка реальности»).
- Доступность знаний осознанию.
- Самопознание, с присущим ему чувством юмора.
- Интегрирующая деятельность нервной системы.
- Способность мыслить абстрактно.
- Непрерывная индивидуация (без прерванного или заторможенного развития).
- Функциональная автономия мотивов.
- Толерантность к фрустрациям.

Я понимаю, что все то, что я назвал процессами или механизмами, не всегда логически стыкуется. Но эти перечни служат обоснованию моей точки зрения, заключающейся в том, что нормальность обусловлена преобладанием одного набора принципов, а аномальность – преобладанием другого. Причем тот факт, что все нормальные люди время от времени страдают катаболическими процессами, не меняет сути. Нормальная жизнь отличается преобладанием анаболических функций; аномальная жизнь – преобладанием катаболических функций.

Заключение

Есть ли у нас возможность свести воедино все эти расходящиеся нити и занять определенную позицию, уместную для психологии в наши дни? Попытаемся это сделать.

Во-первых, я считаю, что мы должны выразить глубокое почтение этике и с благодарностью признать, что сама по себе психология не в состоянии решить проблему нормально-

сти. Ни один психолог не преуспел в ответе на вопрос, почему человеку следует стремиться к доброму здравью, а не к болезни; почему нормальность должна быть целью для всех людей, а не для некоторых. Точно так же психологи не могут объяснить, почему выдающееся творение может иметь ценность даже в том случае, если сам его создатель по всем тестам является ненормальным человеком. Решения этой и множества других головоломок лежат вне сферы компетенции психологии. То, что представители этики расходятся во мнениях, также верно; но мы с радостью предоставим им свободу и будем поощрять продолжение их усилий.

В то же время направления исследований и анализа, рассмотренные в настоящей работе, жизненно важны для философских поисков. В конце концов, именно психологи непосредственно имеют дело с людьми в клинике, в учебных заведениях, на производстве и в научных учреждениях. Именно они собирают факты, относящиеся к норме и аномалиям, и пытаются сплести из них свои собственные нормативные положения. *Факт и нравственный императив связаны теснее, чем могут думать те, кто традиционно пишет о проблемах этики.* Среди фактов, которые может предложить психология, выделим следующие:

Исследования рассказали нам многое о природе человеческих потребностей и мотивов, как сознательных, так и бессознательных. Полезно объединить эти потребности в широкие категории роста и сплоченности. Многое известно о патологиях, которые являются результатом фрустрации и нарушения баланса потребностей. Было бы абсурдным, если бы философы, занимающиеся вопросами морали, сочиняли императивы, полностью обходя эти данные.

Нам многое известно об условиях детства, формирующих склонности к правонарушениям, предрассудкам и психическим расстройствам. Философу-моралисту предстоит большая работа по изложению своих императивов на языке педагогики. Например, я могу предложить рассмотреть и сформулировать под углом зрения воспитания детей абстрактный императив «уважение к людям».

Благодаря сравнительным исследованиям человека и животных нам известно многое о мотивах, свойственных и тем и другим, но помимо этого, как показал Шобен, нам известно и о качествах, являющихся чисто человеческими. Философам следует уделить внимание этим данным.

Хотя я еще не упоминал об этом, психология совместно с культурной антропологией располагает достаточно ясной картиной роли культуры в создании и определении отклонений от нормы. Нам известно о возникновении психозов и неврозов в различных популяциях; мы знаем, какие условия считаются аномальными для одних культур и в то же время нормальными для других. Кроме того, нам известны, с определенной степенью точности, те условия, которые считаются аномальными во всех культурах. Эти факторы имеют прямое отношение к размышлениям специалистов в области этики.

Вслед за Халмосом мы можем сказать, что биологам, психологам и социологам известно многое об условиях индивидуального и группового выживания. Хотя сами по себе эти факты ничего не говорят нам о том, почему мы должны выжить, они, тем не менее, снабжают конкретными данными философа, считающего возможным разгадать эту загадку.

Еще более важной, на мой взгляд, является эмпирическая работа по достижению согласия, которое в настоящее время возможно. Мы уже упоминали метод Бэррона для определения свойств людей, считающихся «здоровыми» в отличие от тех людей, которые считаются «нездоровыми». Хотя вряд ли философ воспримет как адекватное определение здоровья, высказанное университетским профессором, однако ему было бы полезно учесть мнения, отличные от его собственного.

Другой тип консенсуса достигается в результате изучения списков, подготовленных вдумчивыми исследователями. Эти авторы пытаются на основе обширного опыта сделать все, что в их силах, чтобы суммировать требования, предъявляемые к нормальности, здоровью или

зрелости так, как они их видят. Изучая подобные списки, мы поражаемся как их различиям в словесных формулировках, так и глубинному сходству их смысла, которое никому до сих пор не удалось еще сформулировать надлежащим образом. В этом случае философ вновь может столкнуться с проблемой консенсуса, и снова ему будет полезно соотнести его собственные частные рассуждения с выводами других людей, не менее компетентных, и, возможно, имеющих больше клинического опыта, чем он сам.

Я думаю, что философу было бы полезно изучить задачи психотерапии в том виде, в котором они сформулированы или подразумеваются в ведущих терапевтических системах. Если бы перед ним возникла необходимость проработать сочинения, например, поведенческих психотерапевтов, то он мог бы обоснованно сделать вывод о том, что *эффективность* (способность справляться с проблемами) является главной целью; в дзен-терапии, напротив, делается акцент на восстановлении *слияния* с группой. Недирективная терапия явно преследует цель *роста*; желанной для Гольдштейна, Маслоу и Юнга является *самоактуализация*; для Фромма – *продуктивность*; для Франкла и логотерапевтов – *смысл* и *ответственность*. Таким образом, каждый терапевт, по-видимому, держит в голове какой-то преобладающий акцент, задающий для него, согласно теории ценностей, определение достойного образа жизни и личностного здоровья. Хотя этот акцент у всех разный, а названия меняются, тем не менее, похоже, что имеет место слияние этих критериев. Взятые вместе, они напоминают нам об обширной речной системе, образованной сетью притоков, сливающихся в единое русло, несмотря на все различия в источниках и форме. Это слияние представляет собой фактор, который не может себе позволить проигнорировать ни один философ, занимающийся исследованием нравственных проблем.

Наконец, различие между анаболическими и катаболическими процессами в формировании личности представляет собой факт, имеющий важное значение. Вместо того чтобы судить, исходя исключительно из конечного результата деятельности, возможно, было бы полезно сосредоточить свое внимание на процессах, с помощью которых достигаются различные результаты. Предположительно, нравственный закон мог бы быть сформулирован в терминах укрепления анаболических функций в себе и других и борьбы с катаболическими функциями.

Верно, что предпочтительным методом этики является работа «сверху вниз». Априорность и разум – законные инструменты философии. До сегодняшнего дня этот метод привел к появлению множества нравственных императивов, включая следующие: *поступай так, чтобы максима конкретного поступка могла стать универсальным законом; уважай людей; пытайся ограничить свои желания; приводи свои интересы в гармонию с интересами окружающих; ты – ничто, народ – все; возлюби Всевышнего всем сердцем, всей душой, всем разумом... и ближнего как самого себя.*

У нас нет никакого желания воспрепятствовать этому подходу сверху, ибо мы не умеем ставить преграды интуитивным и рациональным истокам нравственной теории. Но я должен заявить – и это мое главное убеждение – что каждый из этих нравственных императивов, а также все остальные, которые были и будут провозглашены, могут и должны быть проверены и конкретизированы с помощью разных форм психологического анализа, упомянутых выше. Подвергая каждый императив психологическому исследованию, мы можем сказать, есть ли вероятность того, что люди поймут предложенный принцип; способны ли они следовать этому принципу и в каком смысле; каковы вероятные отдаленные последствия; а также обнаружим ли мы согласие среди людей в целом и среди терапевтов и других практиков на nive усовершенствования человека в вопросе о том, действительно ли хорош данный императив.

Несколько слов в заключение. Мое обсуждение проблемы нормальности и аномальности привело в определенном смысле к достаточно простому выводу. Я сказал, что искомый крите-

рий еще не найден; маловероятно, что он будет найден психологами и философами, которые работают каждый сам по себе. Необходимо сотрудничество тех и других. К счастью, в наши дни психологи начинают интересоваться философскими вопросами, а философы – вопросами психологии. Работая вместе, они смогут, в конечном счете, правильно сформулировать задачу и, вероятно, решить ее.

От себя лично я хочу добавить, что работа, обзор которой сделан в этой статье, представляет очень высокий уровень рассуждений, гораздо более сложный, чем тот, что преобладал совсем недавно. Психологи, которые в своих наставлениях и рекомендациях будут следовать намеченным здесь направлениям, вряд ли сильно ошибутся, указывая людям путь к нормальности.

Какие единицы нам использовать?⁴¹

Природа человека, как и вся природа в целом, состоит, по-видимому, из относительно стабильных структур. Следовательно, успех психологической науки, как и любой науки, в значительной степени зависит от ее способности идентифицировать основные структуры, подструктуры и микроструктуры (элементы), из которых состоит данная часть космоса.

Неадекватные единицы, выделявшиеся ранее

С IV века до нашей эры до XVII века нашей эры науки о жизни пользовались непродуктивными единицами анализа, предложенными еще Эмпедоклом: земля, воздух, огонь и вода, что привело к «эпохе застоя» буквально во всех науках о жизни. Гиппократ и Гален, мудрецы средних веков и Возрождения, включая христианских схоластов и мусульманских ученых, единодушно признавали суть вещей эти и только эти единицы⁴². Теория личности как таковая полностью писалась в терминах четырех темпераментов, возникающих, как считалось, вследствие гуморальной⁴³ дистилляции из четырех космических элементов: черной желчи (меланхолик), желтой желчи (сангвиник), крови (холерик) и флегмы (флегматик). *Quatuor humores in nostro corpore regnant*⁴⁴, – гласила медицинская поэма XIII века. Порожденная этим негибкость анализа сохранилась по меньшей мере до времен Гарвея, чье открытие в 1628 году циркуляции крови поставило под сомнение всю доктрину жидкостей организма⁴⁵.

Освободившись наконец от этих демонов, психология упрямо вступила во «второй ледниковый период», приняв концепцию «способностей» – единиц вряд ли более продуктивных, чем жидкости. Понятие способностей, развивавшееся томистами, Христианом Вольфом, шотландской школой и френологами, обладает определенной привлекательностью на уровне здравого смысла, но не удовлетворяет современных теоретиков.

Под влиянием Дарвина теоретики личности заменили «способности» «инстинктами». Последовавшая эра, длившаяся примерно шестьдесят лет, не может быть названа «ледниковым периодом», ибо она принесла с собой элегантную и последовательную защиту инстинктов и производных от них чувств Мак-Дугаллом, который привлек наше внимание к возможности существования однородных мотивационных единиц. Фрейд поддержал это направление поиска, хотя, в отличие от Мак-Дугалла, не предложил ясной таксономической схемы. На протяжении этого периода было открыто, постулировано и изобретено бесчисленное множество инстинктов. В 1924 году Бернард писал, что выделено более 14 000 различных инстинктов, но до конечной цифры еще далеко⁴⁶. Предчувствуя неудачу поисков в этом направлении, психологи начали «ловить рыбку в более чистой воде». Доктрина влечений (ограниченной формы инстинкта) продолжала укреплять твердые бихевиористские позиции, да и сейчас в какой-то степени поддерживает их, но сегодня большинство психологов согласны с Хеббом⁴⁷ в том, что отождествление мотивационной структуры с простыми влечениями и биологическими потребностями совершенно неадекватно.

⁴¹ Выступление на V Межамериканском конгрессе по психологии. Мехико, декабрь 1957 г. Печатается по изданию: Allport G. *Personality and Social Encounter: Selected essays*. Chicago: University of Chicago Press, 1960. P. 111–129.

⁴² См.: Sherrington C. *Man on his nature*. 2nd ed. N. Y.: Double-day Anchor, 1953. Ch. 1.

⁴³ Гуморальный – связанный с «соками организма» – кровью, лимфой.

⁴⁴ Четыре жидкости царствуют в нашем теле (лат.).

⁴⁵ См.: Allport G. W. *Personality: a psychological interpretation*. N. Y.: Holt, 1937. Ch. 3.

⁴⁶ Bernard L. L. *Instinct: a study in social psychology*. N. Y.: Holt, 1924. P. 220.

⁴⁷ Hebb D. O. *The organization of behavior*. N. Y.: Wiley, 1949.

Трудности и запутанность современного научного поиска

Я надеюсь, что упоминание этих фрагментов истории научного поиска придаст перспективу нашим современным исследованиям. Ясно, что мы еще не решили проблему единиц анализа человеческой природы, хотя сама проблема была поставлена двадцать три столетия назад. Столь же ясно, что психология намного отстает от химии с ее периодической таблицей элементов, от физики с ее поддающимися верификации, хотя и неуловимыми квантами и даже от биологии с ее клеткой. Психология еще не знает, какой может быть ее «клетка». Отчасти именно по этой причине скептики ставят под сомнение право психологии называться наукой. Психологи еще не достигли согласия в том, какие единицы анализа использовать.

Некоторые проблемы связаны с тем фактом, что психология вряд ли могла бы использовать «клетку», даже если бы ее открыла. (Она отвергла «рефлекторную дугу», которая некоторое время, казалось, служила этой цели.) Специфическая для психологии проблема заключается в существовании многих разных уровней организации, количество и природа которых еще не установлены. В зависимости от наших интересов единицы структуры могут быть мельче или крупнее. Если нас волнует элементарная поведенческая проблема, например чередование выпрямления и сгибания ноги, мы можем в качестве единицы использовать спинальную иннервацию. Если мы хотим классифицировать формы моторной активности, наиболее приемлемой единицей оказывается *ходьба*. Если нас интересует межличностное поведение, мы можем осознанно констатировать количественно измеримую привычку *удаления от людей* (таким образом сближаясь с концепцией Карен Хорни). Если нас волнуют генерализованные диспозиции личности, мы можем рассматривать такие единицы как *черты избегания*. И «мелкозернистые» и «крупнозернистые» единицы занимают в анализе свое место. В конечном счете, конечно, мы надеемся научиться сводить «молярные» характеристики к «молекулярным» и наоборот, объединять «молекулярные» единицы в «молярные».

Но пока мы далеки от этой цели. Даже на более общих уровнях анализа у нас отсутствует согласие относительно видов разыскиваемых нами единиц. Должны ли это быть привычки или системы привычек, потребности или чувства, векторы, факторы, направления или черты? Должны ли это быть влечения или измерения, воззрения или установки, области, синдромы, личностные конструкты или эрги? Все это предлагалось и эмпирически защищалось. Обнадеживает нас в этой запутанной ситуации лишь то, что за последние тридцать лет наблюдалось безграничное усердие в измерениях и теории. Но в настоящее время измеряемых аспектов личности столько, что 14 000 инстинктивных единиц, описанных Бернардом, не покажется много. Будем надеяться, что когда психологи столкнутся с этой оргией единиц, они не впадут в состояние коллапса, которым завершился предшествующий поиск инстинктов. Возможно, непосредственной опасности нет, ибо в журнале «American Psychologist» мы читаем: «Выделенный Фондом Форда грант в 238 тысяч долларов позволит исследовательской группе Университета Миннесоты в течение 5 лет проводить исследования, направленные на развитие более адекватной системы описательных, диагностических и динамических категорий... Группа будет работать над развитием терминов или системы терминов, максимально описывающих личность»⁴⁸.

Я рискнул поднять эту приводящую в замешательство тему не потому, что у меня есть тайное решение проблемы с двухтысячелетней историей, и не потому, что я ясновидящий и могу предвидеть конечный результат проекта, осуществляемого в Миннесоте. Я поступил так, потому что убежден, что нашим нынешним исследованиям недостает видения перспективы наших усилий, и я бы хотел достичь такого сбалансированного видения усилий современных

⁴⁸ American Psychologist. 1957. № 12. P. 51.

исследователей. К концу данной статьи я отважусь на несколько радикальное предложение – изменить направление наших исследований.

Центральные положения нового подхода

Во-первых, приведу несколько центральных положений, с которыми, я надеюсь, мы все согласны. Кажется очевидным, что единицы, которые мы ищем в личности и в мотивации, – относительно сложные, а не молекулярные структуры. Они находятся на более высоких уровнях того, что Халл назвал иерархией навыков, чем уровень спинальных навыков. Мы не ищем клетки или даже скопления клеток, мы не ищем рефлексy, следы или кванты эндокринных выделений или проводящих процессов нервной системы. В конечном счете, конечно, нам хотелось бы перевести сложные структуры в микроэлементы и раскрыть их нейрогуморальные составляющие. Но в настоящее время и в ближайшем будущем мы должны удовлетвориться отысканием генерализованных единиц, определяющих относительно широкие формы организации.

Есть и второе утверждение, в отношении которого, я надеюсь, мы можем достичь столь же быстрого согласия. Методологи говорят нам, что мы никогда не можем наблюдать непосредственно мотивы, черты или любые подобные единицы. Мы согласны. Они говорят нам, что любая единица, которую мы открываем, – это только «гипотетический конструкт» или «промежуточная переменная». И в этом они тоже правы, хотя со своей стороны я голосую за «гипотетический конструкт» – понятие, подразумевающее (как считают Мак-Коркодейл и Мел⁴⁹), что единицы, которые мы ищем, реально существуют, хотя и невидимы. Методологи к тому же говорят нам, что мы должны обладать корректными и воспроизводимыми операциями для установления единиц, которые мы выбрали; мы не можем пробудить их к жизни простым названием их по имени, как это делали сторонники инстинктов поколение или два назад. И с этим мы согласны. На самом деле, мы разумно принимаем все предостережения и предупреждения современной методологии, за исключением того, что от избытка рвения все единицы объявляются вымышленными, применимыми лишь в конкретной деятельности исследователей.

Третье утверждение задержит нас дольше, ибо оно оказывается самым большим камнем преткновения в нашем поиске объективно существующих структур. Я имею в виду несомненную изменчивость поведения человека от ситуации к ситуации. Открытые в лабораторных условиях мотивационные единицы часто испаряются, когда субъект переходит из лаборатории в свой офис, гольф-клуб, дом. На самом деле, его поведение в этих знакомых условиях может часто оказываться противоречивым. Факт ситуационной изменчивости поведения привел многих социологов к убеждению, что любой поиск устойчивой личности с конкретными мотивами и чертами обречен на неудачу.

Недавно я был на конференции психологов, работающих над проблемой «межличностного восприятия»⁵⁰. На этой конференции много говорилось о восприятии, но мало о людях – объекте восприятия. Причина, я думаю, в том, что участники остро осознавали хамелеоноподобные изменения, отличающие человека при переходе из одной ситуации в другую. Они гораздо больше предпочитали изучать восприятие человека в ситуации, и таким образом обходили вопрос о том, на что реально похож человек. Не только индивид варьирует свое поведение, но и на наше восприятие его сильно влияют наши субъективные установки, наша симпатия к нему, отсутствие духовной близости к нему или его степень сходства с нами. Следовательно, сам воспринимающий является главным источником изменений; ситуация, в которой дей-

⁴⁹ MacCorquodale K., Meehl P. E. On a distinction between hypothetical constructs and intervening variables // Psychological Review. 1948. Vol. 55. P. 95–107.

⁵⁰ См.: Tagiuri R., Petrullo L. (eds.). Person-perception and interpersonal behavior. Palo Alto: Stanford University Press, 1958.

ствует человек-объект, может быть еще одним источником изменений, а фиксированные черты и мотивы человека-объекта являются фактором лишь второстепенным.

Надежда на точную оценку мотивов и черт, таким образом, оказывается поколебленной изменчивостью человека и предубеждениями воспринимающего. Точность оценки также сильно осложняется неопределенностью критериев. Как мы можем узнать, что наша оценка точна и соответствует действительности? Не путем же сравнения своих оценок с мнениями других, на которых могут сказываться и общие, и их индивидуальные ошибки. Не путем самоописания субъекта, – ведь он способен на самообман. Не путем предсказания будущего поведения, которое в значительной степени будет зависеть от ситуации, вызывающей это поведение. Не путем других тестов и средств измерения, ибо они также подвержены ошибкам.

Ситуационные переменные

Теория ролей. Все эти возражения убедительны, и сегодня их совместная сила, как мне кажется, уводит многих исследователей от оценки мотивов и личностей. Один заманчивый путь бегства обнаруживается в понятии «роль». Например, Эммануил Браун больше не рассматривается как единый человек, он является сплетением ролей. Как учитель он отвечает одним ожиданиям, как отец – другим, как гражданин или как член Ротари-клуба – еще каким-то. В одном из своих порывов энтузиазма Уильям Джеймс предпринял тот же способ ухода. «Человек, – утверждал он, – обладает столькими “Я”, сколько есть разных групп людей, чье мнение его волнует»⁵¹.

Крайний вариант этой ситуационной доктрины можно найти в книге Куту «Проявляющаяся природа человека»⁵², где автор утверждает, что поиск черт личности и их оценка – химера, а самое большее, что мы можем сказать о любой личности, – это то, что в данной ситуации человек имеет специфическую тенденцию отвечать определенным ограниченным способом. Следовательно, согласно Куту, единственно приемлемой единицей является «тевсит», то есть «тенденция-в-ситуации». Если мы не можем опровергнуть крайние формы теории ролей, теории «тевситов» и утверждения Джеймса о социальном «Я», наша работа должна прекратиться здесь и теперь. Какой прок в оценке мотивации или личности, если поведение так зависит от ситуации, как утверждают эти теории? Давайте посмотрим на это с другой стороны.

Гарантии против ситуационной изменчивости. Во-первых, в некоторые наши методы оценки встроены гарантии против ситуационной изменчивости. Они явно меняют ситуацию. Так, ведущие диспозиции личности, или ее эстетические ценности, или ее невротические тенденции тестируются с помощью широкого диапазона вопросов, описывающих большое разнообразие обычно переживаемых ситуаций. Хотя некоторые исследования показывают, что измеряемая таким образом черта действительно меняется при переходе, скажем, от учебной ситуации к деловой, от спортивной к чисто социальной, чаще обнаруживается, что человек в целом несет с собой свой обычный уровень тревоги, обычное количество эстетических интересов, или обычный уровень вдохновения, или совершенно постоянный уровень предрассудков.

Во-вторых, очевидно неверно, что у человека столько социальных «Я», сколько имеется групп, чьим мнением он дорожит. Человек почтительный, честолюбивый или компульсивный в офисе вряд ли отбросит эти черты дома или на площадке для гольфа. Может варьировать их интенсивность, может меняться их способ выражения, но настоящие Джекил и Хайд чрезвычайно редки. Что же касается ролей, разве не факт, что характерный стиль пронизывает поведение человека, даже когда он играет разные роли? Разве не всегда верно, что человек

⁵¹ James W. Psychology: briefer course. N. Y.: Holt, 1910. P. 179.

⁵² Coutu W. Emergent human nature. N. Y.: Knopf, 1949.

ищет роли, наиболее близкие его личности, избегая другие, ограничивающие его стиль или вызывающие чрезмерное напряжение во внутренней мотивационной структуре? Мы должны признать, что некоторые люди вынуждены принимать роли, которые им не нравятся, так же, как мы должны признать, что диапазон вариаций характеризует поведение любого человека в соответствии с обстоятельствами, в которых он оказывается.

Но хотя эти факторы весьма усложняют наш поиск структур, они не должны нас обескураживать. В поведении человека так много последовательности, так много единообразия, так много надежности, что наша задача неминуемо будет решена.

Решения, предлагаемые для упрощения ситуационной проблемы. Для разрешения этой проблемы могут быть предприняты два шага. Мы можем продолжать поиск методов оценки, преодолевающих ситуационные границы. Методы, требующие только карандаша и бумаги, легче, чем экспериментальные методы, позволяют узнать о поведении субъекта во многих повседневных контекстах. Но если метод ограничен экспериментальной ситуацией (как, например, использование теста Роршаха), мы, по крайней мере, можем требовать, чтобы наш диагноз подтверждался дополнительными доказательствами, полученными вспомогательными методами.

В другом месте я выразил сожаление, что мы доверяем слишком ограниченной батарее методик⁵³. Проективные тесты, например, нуждаются в дополнении прямыми методами, ибо в ином случае мы можем получить картину определенных латентных тенденций, не зная даже, отделены ли они от осознанных интересов и знания себя, или интегрированы с ними. Между тревожностью, гомосексуальностью или агрессией, являющимися вытесненными тенденциями, и ими же, полностью принимаемыми и осознаваемыми, – огромная разница. Но проективные техники, используемые в одиночку, никогда не смогут это различить.

Помимо использования множественных или более широких методов для получения более полной информации о ситуации, нам часто нужно откровенно признать ограниченность диапазона ситуаций, охватываемого нашими диагностическими средствами. Например, мы можем сказать, что данный студент при проведении тестов в колледже показал такие-то и такие-то характеристики. Но мы не можем с уверенностью предсказать его поведение дома или в деловой обстановке. Или мы можем сказать, что этот пациент с заметными нарушениями демонстрирует такие-то наклонности, но в связи с его обстоятельствами более широкие обобщения невозможны.

Я говорю о том, что ситуационизм – серьезное препятствие, которое нужно преодолеть. Диагносты должны лучше осознавать проблему и стремиться к более широкому спектру действия своих инструментов. В то же время они должны защищать свои утверждения о мотивации, уточняя ситуации, охватываемые их исследовательскими методами.

Отношение интраиндивидуальной структуры к ситуационным паттернам. Но не станем присоединяться к лагерю скептиков, говорящих, что личность человека есть «...просто конструктор, связанный с именем», что в ней нет ничего внешнего и объективно структурированного, что можно было бы оценивать. Я думаю, эти сомнения можно уподобить соблазнительной песне сирен, внимая которой, ни один ученый не смог бы долго «выжить», так как она привела бы корабль к крушению. Астроном обнаруживает звезду. Как подлинный реалист он предполагает, что ей присущи некие свойства, она состоит из определенных элементов и обладает структурой, и его научный долг – отыскать и исследовать их все. Когда ботаник рассекает растение, он не предполагает, что он рассекает конструктор, объединенный только наименованием. Перед ним – растение, и ученого интересуют его структура и функции. Аналогично, психолог, занимающийся проблемой личности, хочет подойти как можно ближе к подлинной структуре исследуемого им человека. И, несмотря на значительную и причиняющую лишние

⁵³ См.: Олпорт Г. Тенденция в мотивационной теории. Наст. изд. С. 93–104.

хлопоты ситуационную изменчивость, несмотря на собственные допущенные при наблюдении и измерении ошибки (которые он постоянно старается уменьшить), он так и поступает.

Теоретическая задача на будущее – установление связи интраиндивидуальной структуры с повторяющимися ситуационными паттернами, которые сами по себе могут рассматриваться как сложные социальные или культурные структуры. Говоря языком Ф. Х. Олпорта, мы должны иметь дело и со *структурами тенденций* личности, и с *совместно действующими (тангенциальными) коллективными структурами*. Между ними существует некоторая степень *интерструктурности*. Аналитические исследования, такие как проведенное Танненбаумом и Ф. Олпортом⁵⁴, должны помочь нам определить перепады энергии в паттерне поведения индивида, которые могут быть приписаны, с одной стороны, структурам внутренних тенденций, и, с другой стороны, совместно действующим коллективным структурам.

Единицы мотивации и единицы личности

Теперь мы приблизились к сердцевине нашей темы. Каковы отношения между единицами мотивации и единицами личности? Я предположил бы, что все единицы мотивации в то же время являются единицами личности, но не все единицы личности одновременно являются единицами мотивации. Только несколько авторов проводили это различие систематически. Мюррей⁵⁵ поступал так, когда отличал мотивационные потребности (или векторы) от стилей или способов осуществления потребностей, представленных актонами или вербонами. Подобным образом, Мак-Клеланд⁵⁶ отличает мотивы от черт и схем. *Чертами* он называет только повторяющиеся паттерны выразительного или стилистического поведения, *схемами* – установочные ориентации, когнитивные и символические привычки. Для него только *мотивы* являются динамичными или причинными силами, и их он считает возможным обозначать термином «потребности».

Мы все согласимся, что одни из характеристик личности обладают выраженной динамической природой, а другие – инструментальной, или стилистической природой. Существуют, например, отчетливые различия между комплексом ненависти или влекущим честолюбием, с одной стороны, и вежливостью или нерешительной манерой – с другой. Говоря терминами Левина, некоторые области способны на большее напряжение, чем другие. И некоторые области (а именно стилистические) приводятся в действие только для того, чтобы направлять индивида в ходе осуществления его центральных мотивов. Так, молодой человек, жаждущий дружеского общения, выходит вечером в поисках его, но ведет себя при этом в соответствии со своим собственным стилем – робко или уверенно, сдержанно или болтливо. И его потребность в контактах, и его стиль поиска этих контактов – характеристики личности, но одна из них более динамична (более мотивационна), чем другая.

В то же время, между нами нет согласия в отношении того, что составляет мотивационную единицу. Если бы мы следовали Мюррею, Мак-Клеланду или Фрейду, мы поместили бы с одной стороны только гипотетические силы, называемые потребностями, инстинктивной энергией или импульсами *ид*. С другой стороны мы поместили бы схемы, черты и характеристики структуры эго. Здесь смысл в том, что существуют «сырые», первичные, инстинктоподобные силы, сами по себе составляющие единицы мотивации. Их стараются уловить главным образом проективные тесты. Однако я не могу поверить, что мотивационные единицы так абстрактны,

⁵⁴ Tannenbaum A. S., Allport F. H. Personality structure and group structure: an interpretative study of their relationship through an event-structure hypothesis // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1956. Vol. 53. P. 272–280.

⁵⁵ Murray H. A. et al. Explorations in personality. N. Y.: Oxford University Press, 1938.

⁵⁶ McClelland D. C. Personality. N. Y.: Dryden, 1951. См.: Personality: an integrative view // Psychology of personality / Ed. by J. L. McCary. N. Y.: Logos, 1956.

как подразумевает эта процедура. Позвольте проиллюстрировать свое недоверие ссылкой на интересы конкретного человека. Скажем, он глубоко интересуется политикой. Это простое утверждение много говорит нам о его мотивационной структуре. Будет ли полезным в целях оценки раскладывать эту интегральную структуру путем примерно такого анализа: у него есть агрессивное влечение, потребность в экстернализации и небольшая фиксация на отце – все это сосредоточилось на политике; у него есть определенные культурные схемы, которые он усвоил, он регулярно читает политические новости в утренней газете, а также имеет успешный опыт гражданского участия. Или, проще говоря, должны ли мы сказать, что его потребность в агрессии (которую некоторые были бы склонны принять за основную мотивационную единицу в этом случае) как-то произвольно направились на политику? Или мы должны сказать – я думаю, это точнее, – что его агрессия и его интерес теперь одно и то же? Его страсть к политике – единственный истинный структурный факт, и не имеет значения, какой могла быть его прошлая поведенческая история. Вы видите, что здесь я опираюсь на принцип функциональной автономии.

Нет нужды углубляться здесь в обсуждение этого вопроса. Хочу просто обратить ваше внимание на то, что основными мотивационными единицами могут быть не только бессознательные побуждения, эрги, потребности или инстинктивная энергия – «любимцы» определенных направлений психодинамической теории. И проективные техники – не единственный способ их постижения, хотя они и являются безусловно узаконенными орудиями для использования в общей батарее оценочных методов.

Классы единиц в современных оценочных исследованиях

Давайте теперь выясним, какие классы единиц мы обнаруживаем в современных диагностических исследованиях. Ни один отдельный исследователь не имеет дела со всеми ними, ибо каждый специализируется на своих любимых измерениях. Вопрос в том, какая картина возникнет, если мы окинем взглядом сразу всех исследователей за работой.

Тесты и шкалы. Предпочтение, отдаваемое многими исследователями многовариантным шкалам, с самого начала осложняет нашу попытку четкой классификации. Поколение назад мы довольствовались одним тестом для доминирования – подчинения, абсолютно другим тестом для экстраверсии – интроверсии и так далее. Хотя мы еще пользуемся такими простыми шкалами, возрос спрос на многомерные методы. Возьмем исследования невротизма. Сначала (в 1917 г.) у нас был «Лист личностных данных» Вудвортса, измерявший одну и только одну признанную единицу – невротическую диспозицию. «Корнелльский индекс», созданный Вайдером в 1945 году, давая общую оценку для отбора или отбраковки персонала вооруженных сил, в то же время уже дифференцировал разные типы невротической дезадаптации. Более широко сегодня используется ММРІ, включающий 550 утверждений, подразделенных на 26 единичных тенденций. Большинство из них имеет отношение к патологическим тенденциям, но нельзя сказать, что найденные единицы концептуально однородны. Таким образом, наши многофазные инструменты, наши многогранные опросники, наши многофакторные средства и наши разнообразные профили делают сложным упорядочение типов используемых единиц. Ныне модно оценивать все сразу, но в этом процессе страдает возможность теоретического анализа. Интересно, не вызвано ли это желание отчасти тем, что тест Роршаха сначала претендовал на измерение «тотальной личности». Такая пьянящая возможность привела нас к отказу от предшествующих шкал-рогатов и принятию на вооружение опросников-пулеметов.

Несмотря на пулеметный разброс, давайте попробуем классифицировать единицы, фиксируемые в диагностике личности. Не претендуя на законченность своего перечня, я обращаю внимание на десять классов единиц, которые кажутся мне наиболее широко изучаемыми сегодня.

Десять классов единиц, изучаемых сегодня.

1. Интеллектуальные способности. Эта область столь велика сама по себе, что мы обычно отделяем ее и от мотивационной, и от личностной диагностики. Я упомянул ее здесь только потому, что полная диагностика не могла бы обойтись без нее. Когда-нибудь, я надеюсь, мы сможем более тесно, чем сейчас, связать интеллектуальное функционирование с мотивационным и личностным.

2. Синдромы темперамента. В последнее время в этой группе наблюдается прогресс. Имеются в виду работы Шелдона, Терстоуна, Кеттелла, Гилфорда и других. Благодаря их стараниям мы теперь можем оценить такие единицы как общая активность, ощущение благополучия, сдержанность, эмоциональная стабильность, лабильность, соматотония. Желательно найти более точное определение понятия темперамента, чем то, которое используют некоторые из этих исследователей; тем не менее, они конструктивно работают с единицами, представляющими преобладающую «эмоциональную атмосферу», в которой развиваются личности.

3. Бессознательные мотивы. Несомненно, величайший интерес для клинических психологов представляют единицы этого общего класса. Иногда их называют потребностями (хотя никто не настаивает на том, что все потребности являются бессознательными), часто они включают измерения с фрейдистским оттенком, такие как тревожность, агрессия, оральные или анальные тенденции, эдипов комплекс. Теория считает, что такие глубоко погребенные в бессознательном мотивы являются более реальными и базовыми, чем единицы, извлекаемые другими методами. Это утверждение, как я уже указывал, никогда не сможет быть доказано, если только не использовать вместе прямые и проективные методы для одних и тех же переменных с одними и теми же личностями.

4. Социальные установки. Это единицы совершенно другого порядка. Хотя они развивались главным образом в социальной психологии, они являются элементом любой полной программы клинической диагностики. Мы хотим знать, как наш субъект воспринимает церковь, или как он относится к России. Мы хотим знать его либеральные или консервативные тенденции, а также его баллы по шкалам авторитарности, этноцентризма, догматизма, традиционной семейной идеологии. Эти последние упомянутые единицы иллюстрируют неизбежную произвольность нашей классификации, ибо, хотя они имеют дело с социальными установками, они также претендуют на раскрытие более глубоких аспектов структуры характера и, таким образом, пересекаются с другими нашими категориями.

5. Познавательные схемы. «Вырастая» из изучения социальных установок, мы сегодня обнаруживаем значительный интерес к обобщенным интеллектуальным структурам. Можно отметить старания Кляйна раскрыть общие стили, или воззрения, которые пронизывают и мотивационные, и когнитивные функции. Можно сослаться на предложение Келли изучать конструкты, которые человек использует в видении мира вокруг себя. Уиткин⁵⁷ и другие выявили синдромы «полезависимости» и «полenezависимости». Хотя диагностический метод Уиткина связан с перцептивным измерением, он обнаружил, что «полезависимый» человек характеризуется также тревожностью, боязнью своих импульсов, плохим контролем над импульсами и общим дефицитом осознания собственной внутренней жизни.

6. Интересы и ценности. В противоположность бессознательным мотивационным единицам мы обнаруживаем много измерений, имеющих дело со структурированными мотивами, а не с их предполагаемой глубинной динамикой. Здесь мы бы сослались на измерения интереса к искусству, сельскому хозяйству или торговле. Мы бы привели шесть единиц Шпрангера, измеряемых тестом «Исследования ценностей» (Study of Values) Олпорта – Вернона – Линдси.

⁵⁷ Witkin H. A., Lewis H. B., Hertzman M., Machover K., Meissner P., Wapner S. Personality through perception. N. Y.: Harper, 1954.

Сюда же, возможно, мы бы поместили суммарную величину маскулинности – феминности, основанную на совокупности осознанных выборов.

7. Экспрессивные черты. Ряд единиц оказывается посередине между мотивационным и стилистическим измерениями. За неимением лучшего термина назовем их экспрессивными. Сюда мы можем включить тенденции доминирования, экстраверсию, упорство и эмпатию, а также общительность, самоконтроль, критичность, доступность, тщательность и тенденцию «так точно».

8. Стилистические черты. Этой группе уделяется меньше внимания, быть может потому, что психологи рассматривают стилистические черты как поверхностный слой личности. Сюда можно включить вежливость, болтливость, постоянство, нерешительность и другие поддающиеся измерению манеры поведения. В конце концов, мы можем ожидать, что эти стилистические характеристики будут связаны с более глубокими структурными единицами, но они также могут измеряться сами по себе.

9. Патологические тенденции. Многие исследователи предпочитают анализировать мотивацию и личность в знакомых клинических понятиях. В их оценке нормальных и аномальных личностей мы находим единицы такого типа, как: истерические, маниакальные, невротические, шизоидные диспозиции. Мы говорили об эволюции этих единиц от «Листа личных данных» Вудворта к MMPI. Можно упомянуть в качестве столь же типичных для этой группы тест Хамма – Уодсворта и другие производные от классификаций Крепелина и Кречмера.

10. Факторные кластеры. До сих пор я не обращался к факторам. Факторные единицы отчасти принадлежат к тем классам, которые мы уже рассматривали. Ясно, что «первичные психические способности» Терстоуна вполне разумно включить в раздел интеллектуальных способностей. Большинство факторов, предложенных Гилфордом и Циммерманом, могут быть отнесены к синдромам темперамента или к экспрессивным чертам. Аналогично могут быть рассортированы большинство факторов Кеттелла. В то же время, много факторов, полученных в результате математического суммирования данных многих тестов, примененных ко многим людям, часто не поддаются концептуальному анализу в любом из предшествующих классов. Так, Гилфорд и Циммерман⁵⁸ описывают «неопознанный» фактор, названный C_2 , представляющий собой некоторую приводящую в недоумение смесь импульсивности, рассеянности, эмоциональной неустойчивости, нервозности, одиночества, легкости эмоциональной экспрессии и чувства вины. Когда появляются единицы такого типа – а мне представляется, что это происходит нередко, – становится интересно, что о них можно сказать. Они напоминают колбасный фарш, который не смог пройти санитарный контроль и контроль на чистоту продуктов.

Я не утверждаю, что факторному анализу нет места в поиске единиц. Мне кажется, что когда факторный анализ имеет дело для начала с концептуально определенной областью, например, экстраверсией и интроверсией, с его помощью часто удастся повысить ясность и доступность для нас измерений. Другими словами, лучше, когда факторы следуют теории, чем когда они создают ее.

Факторы – это просто суммарный принцип классификации многих измерений, примененных (обычно) ко многим людям. Этот принцип не придает измерениям новой силы. Факторы не являются, как считают некоторые энтузиасты, «причиной всего человеческого поведения», не являются они и «исходными» чертами в противоположность «поверхностным». Не являются они также и «влияниями», определяющими все поведение. Они не более и не менее мотивационны, чем другие единицы. Как правило, они являются не более чем эмпирически выделенными описаниями среднего человека.

В этом отношении факторы заметно не отличаются от других типов единиц, которые мы описали. Все они позволяют предложить измеряемый параметр, то есть они являются общими

⁵⁸ Guilford J. P., Zimmerman W. S. Fourteen dimensions of temperament // Psychological Monographs. 1956. № 417.

единицами, по отношению к которым могут сравниваться все личности. Ни одна из них не соответствует разделению, существующему «внутри» любой отдельной личности, если только отдельная личностная структура не оказывается похожей на структуру эмпирически вычисленного «среднего человека». Тем не менее, шкалируемые измерения – измерения полезные, и мы надеемся, что работа будет продолжаться, пока не будет достигнуто лучшее согласие относительно их количества и природы.

Я не могу утверждать, что все тысячи измерений, предложенные, чтобы направлять наш анализ мотивации и личности, могут быть гармонично включены в эту состоящую из десяти частей схему, но она может быть полезна для размышлений.

До сих пор исследователи не достигли или почти не достигли согласия; они пока не могут сказать: «Вот наиболее полезные для исследования единицы». В качестве руководства для начинающих студентов Вудвортс и Маркиз⁵⁹, основывая свою классификацию на исследовании Кеттелла⁶⁰, предложили «Перечень наиболее ясно установленных первичных черт»: *уживчивый, умный, эмоционально стабильный, доминирующий, спокойный, сензитивный, образованный и культурный, добросовестный, предприимчивый, сильный, гиперсензитивный, дружелюбный*. Однако профессиональные психологи еще не готовы остановиться на этом или любом другом «первичном» перечне.

Следует сказать о взаимной корреляции черт. Факторный анализ в первые годы своего существования давал надежду на то, что удастся устранить это сложное явление, отыскивая ортогональные друг другу факторы. Но сейчас даже адепты факторного анализа признают, что эта цель невыполнима. Между человеческими качествами следует ожидать определенной тенденции к сосуществованию. Конечно, если корреляции очень высоки (как это было бы наверняка между шкалами «доминирования» и «власти», или «депрессии» и «меланхолии»), было бы глупо иметь отдельные шкалы для синонимичных или почти синонимичных черт.

Одна из наиболее устойчивых интеркорреляций указывает на общее здоровье, силу или надежность структуры характера или же противоположный синдром. Вернон⁶¹ показывает, как этот паттерн – он называет его «зависимость» – проявляется в факторных исследованиях. В Гарварде было проведено исследование Гранта, в рамках которого была проделана интенсивная работа с нормальными молодыми людьми, для чего пришлось принять общую меру «здоровья»⁶². В общем, непохоже, что эти открытия можно объяснить гало-эффектом, вытекающим из предубеждения исследователей.

Когда возникает такая устойчивая взаимная корреляция между любыми группами черт, как мы должны называть их: типы, синдромы, перспективные тенденции? Я лично предпочел бы слово «синдром», так как этот термин ясно указывает на сосуществование концептуально различных переменных. Боюсь, что термин «тип» привел бы нас к трудностям, так как это понятие обладает множеством дополнительных значений.

Индивидуальный структурный паттерн

Теперь давайте обратимся, наконец, к несколько беспокоящему меня положению вещей. Что нам делать, если членение любой индивидуальной жизни не соответствует эмпирическому членению, извлеченному из исследований усредненного человека? Может ли быть, что наш бесконечный поиск общих единиц, умножающихся год от года, – это форма номотетических

⁵⁹ Woodworth R. S., Marquis D. G. Psychology. N. Y.: Holt, 1947.

⁶⁰ Cattell R. B. Description and measurement of personality. Yonkers (N. Y.): World Book, 1946.

⁶¹ Vernon P. E. Personality tests and assessments. London: Methuen, 1953.

⁶² Heath C. W. What people are. Cambridge: Harvard University Press, 1945.

фантазий с нашей стороны? Может ли быть, что структурная организация личности Джозефа Доукса уникальна для него одного?

Если такая возможность оказывается слишком травматичной для осознания, давайте поставим вопрос мягче. Предположим, мы оставим наши общие единицы в покое и применим их, что представляется полезным, в нашей диагностической работе. Что мы будем делать, если конкретный случай полностью расходится с общими измерениями? Например, Э. Л. Болдуин при обсуждении четырех детей, посещавших детский сад, пишет, что групповой анализ давал относительно точную интерпретацию поведения трех детей из четырех, но четвертый не описывался адекватно в терминах групповых факторов. И он добавляет: «Даже в тех случаях, когда групповые факторы были приблизительно точны, некоторые аспекты личности человека не раскрывались»⁶³.

Быть может, нам нужно меньше единиц, чем мы сейчас используем, но единиц, более релевантных индивидуальным структурным паттернам.

Чтобы получить некоторое предварительное понимание этой проблемы, я провел простое пробное упражнение с девятью тремя студентами. Я попросил их «...подумать о каком-нибудь одном индивиде одного с вами пола, которого вы хорошо знаете», затем «...описать его или ее, вписав в каждую предложенную клетку слово, выражение или фразу, верно выражающие то, что вам кажется самой основной характеристикой этого человека». На странице предлагалось восемь пустых клеточек, а студентам говорили «...использовать столько клеточек, сколько вам надо». Понятие «основных характеристик» определялось как «...любые черты, качества, тенденции, интересы и т. д., которые вы считаете самыми важными для описания выбранного вами человека».

После завершения первой страницы студент получал вторую страницу, добавляющую еще две свободных клеточки для дальнейших характеристик. Затем задавался вопрос: «Чувствуете ли вы необходимость в более, чем десяти, основных характеристиках? Если да, примерно сколько еще, по-вашему, вам понадобится?». Следующий вопрос звучал так: «Чувствуете ли вы, что некоторые упомянутые вами характеристики дублируются (то есть являются более или менее синонимичными), и на самом деле было бы достаточно меньшего их числа? Если так, то примерно скольких характеристик в целом было бы достаточно?».

Хотя этот метод и имеет свои недостатки, результаты небезынтересны. Только 10 % студентов ощущали, что им нужно более десяти «основных характеристик», причем большинство из них очень смутно представляли, какое общее количество им бы потребовалось: двое сказали, что им нужно еще десять, одному требовалось еще пятьдесят, остальные не знали.

Однако 90 % студентов нашли упражнение осмысленным, а предложенное общее количество из десяти клеточек – полностью адекватным. В среднем оказалось, что им нужно 7,2 «основных характеристик» (с разбросом от 3 до 10).

Можно возразить, что в использованном методе сказалось влияние изначально предложенного довольно малого числа «основных характеристик». Быть может, это так, хотя я сразу могу привести независимые доказательства в поддержку предположения о том, что относительно небольшое количество структурных единиц покрывает главные аспекты личности.

С моей точки зрения, слабость эксперимента состоит главным образом в несколько схематичном определении «основных характеристик». Многие студенты, хотя и не все, довольствовались обозначениями общих черт, таких как *дружелюбный*, *лояльный*, *умный* или *надежный*. Я не стал бы ожидать, что такие понятия обычно раскрывают конкретную связную структуру дружелюбия, лояльности, ума или надежности, отличающую жизнь интересующего нас субъекта. Здесь мы сталкиваемся с универсальной проблемой всех идеографических иссле-

⁶³ Baldwin A. L. The study of individual personality by means of the intraindividual correlation // Journal of Personality. 1946. Vol. 14. P. 168.

дований: такие существительные делают срез, проходящий *через* выборку людей, а не *внутри* индивидуальности. Требуется более искусное владение языком, чем у большинства из нас, чтобы свести вместе фразы и утверждения и точно определить *индивидуальную* структуру. Именно здесь талант романиста или биографа превосходит талант психолога.

Обратившись на секунду к области биографий, мы обнаруживаем подтверждение нашего мнения в фундаментальных томах Ральфа Бартона Перри «Мысли и характер Уильяма Джеймса»⁶⁴. Суммируя свое исчерпывающее исследование этой сложной и чарующей фигуры, Перри делает вывод, что для понимания этого человека нужно уловить восемь ведущих «черт», или «ингредиентов». Сначала он перечисляет четыре «болезненных» или «патологических» черты – тенденции, которые сами по себе означали бы тяжелую инвалидность. Это 1) ипохондрия, 2) озабоченность «необычными психическими состояниями», 3) заметные колебания настроения и 4) отвращение к процессам точного мышления. С этими болезненными тенденциями смешиваются и гасят их четыре «доброкачественных» черты: 5) чувствительность, 6) живость, 7) гуманность, 8) социабельность. Используя, подобно студентам в нашем упражнении, обозначения общих черт, он переходит к непосредственному определению их таким образом, чтобы пролить свет на своеобразный «джеймсовский» оттенок каждого из этих ингредиентов. Клинические психологи нуждаются в некоторых навыках биографов в искусстве конкретизации терминов. Без этого такие термины – просто пустые универсалии.

Мне кажется, что Джордж Келли в своей «Психологии личностных конструкторов»⁶⁵ подходит к той же цели с другой стороны. Он считает важным в изучении любого человека основной способ, которым тот истолковывает свой жизненный опыт, включая социальные контакты. Следовательно, чтобы понять человека, мы должны принять то, что Келли называет «легковерным подходом». С помощью интервью или изучения самохарактеристик, возможно, с помощью Теста репертуарных ролевых конструкторов (ТРПК) мы получаем диагноз. Метод дает нам конструкторы, уникальные для человека, а также конструкторы, общие у него с другими. Далее, он ведет к раскрытию уникального паттерна отношений между несколькими конструкторами данного человека. Говоря о широко используемых процедурах шкалирования и факторизации, Келли верно замечает, что хотя такие методы облегчают быстрое и уверенное использование общих конструкторов (приложимых ко всем людям), они мешают нам раскрывать новые и уникальные конструкторы и приводят к дополнительной ошибке, состоящей в допущении, что максимальная обобщенность соответствует наибольшей истине.

В личной беседе со мной профессор Келли заметил, что он еще не знает, сколько главных конструкторов использует средний индивид, но иногда, подчеркнул он, ответы индивида на ТРПК «...могут конденсироваться в одно или два главных измерения с двумя или тремя дополнительными рядами специфических конструкторов». Правда, часто люди с интеллектуальными склонностями продуцируют большое разнообразие словесных конструкторов, но богатый словарный запас не может полностью замаскировать относительную простоту их паттернов. Келли также говорил о полезном терапевтическом «Правиле большого пальца». «Пациент может изменить предмет обсуждения в середине интервью, но он редко меняет его тему». Тема беседы обладает устойчивостью и повторяемостью. Хотя каждый человек может иметь определенные специфические и конкретные конструкторы, применяемые к ограниченным и специальным областям опыта, профессор Келли делает вывод, что клиницист обычно идентифицирует не более, чем «четыре или пять главных измерений конструкторов». Мы надеемся, что работа с ТРПК и другими количественными клиническими инструментами будет продолжаться, пока мы не решим стоящую перед нами проблему.

⁶⁴ Perry R. B. The thought and character of William James. Boston: Little, Brown, 1936. Vol. II. Ch. 90–91.

⁶⁵ Kelly G. A. The psychology of personal constructs. N. Y.: Norton, 1955. Vol. I. P. 34.

Подобный же многообещающий пример лежит в технике «личного кластер-анализа», развиваемой Альфредом Болдуином⁶⁶. Анализируя обширную письменную корреспонденцию пожилой женщины, он обнаружил только четыре или пять главных ценностно нагруженных тем ее рассуждений.

Еще одну сходную гипотезу несколько лет назад выдвинул Ф. Х. Олпорт⁶⁷, предложивший измерять последовательность поступков индивида по отношению к его собственным главным жизненным целям или «телеономическим тенденциям». Исследователь, на основании предшествующего знакомства, выдвигает гипотезу об основных темах или тенденциях (или «конструктах», или «кластерах»), которые он ожидает обнаружить в жизни данного человека. Далее путем наблюдения он – с соответствующей проверкой надежности – распределяет предполагаемые повседневные поступки индивида по этим гипотетическим измерениям. Если мы стали бы применять этот метод систематически, мы вполне смогли бы обнаружить, подобно Перри, Келли и Болдуину, что горстка основных структур удивительно хорошо охватывает жизнь, хотя могут проявляться и специфические, несоответствующие им второстепенные тенденции.

Вошедший в разговор гость с Марса, я думаю, счел бы странным, что в столь многообещающей области психологии индивидуальности проделана столь скудная работа. Он бы сказал земному психологу: «Человеческая природа на вашей планете бесконечно разнообразна. Нет двух одинаковых людей. Признавая на словах это утверждение, вы немедленно отбрасываете его. Более того, внутренняя структурная организация людей – одних и других – может быть гораздо проще и доступнее, чем вы думаете. Почему бы не взять предлагаемые природой различия и не следовать им? Даже при условии, что природу на низших уровнях ее организации отличает единообразие – образующие тело химические элементы идентичны, – на более высоких уровнях, где работают психологи, искомые вами единицы далеко не единообразны. Ребенок, только начавший свой жизненный путь, на основе своей уникальной наследственности и специфического окружения будет формировать узловые точки своего роста, фокусы научения, направления развития, которые с годами будут становиться все более уникальными. И не посмеетесь ли вы над собой, когда обнаружите этот элементарный факт? И потом, быть может, вы станете искать свои единицы там, где вы и должны их искать, – в каждой развивающейся жизни».

Я смею надеяться, что мы обратим внимание на замечание гостя с Марса. Мы не сделали этого до сих пор, конечно, из-за распространенного предубеждения, что наука вообще не может заниматься индивидуальными случаями, за исключением того, когда они служат примерами общих законов или демонстрируют единую структуру. Философы средних веков чувствовали так же, их догмой было: *scientia non est individuorum*. Но не является ли определение науки в лучшем случае делом произвольным, а в худшем – одним из идолов пещеры?⁶⁸

Резюме

В интересах дальнейших исследований позвольте мне резюмировать мои основные положения. Поиск единиц, составляющих мотивацию и образующих личность, является очень древним. Ощутимый прогресс стал появляться только одно-два поколения назад. Однако в течение последних лет мы увидели приводящую нас в замешательство совокупность подходов,

⁶⁶ Baldwin A. L. Personal structure analysis: a statistical method for investigating the single personality // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1942. Vol. 37. P. 163–183.

⁶⁷ Allport F. H. Teleonomic description in the study of personality // Character and Personality. 1937. Vol. 6. P. 202–214.

⁶⁸ Идолы пещеры (Ф. Бэкон) – одна из разновидностей привычек ума, приводящих к заблуждениям, а именно личные суеверия исследователя.

многие из которых были свежими и творческими, что привело к гораздо большему количеству измеренных аспектов, чем кто-либо способен подсчитать. В первом приближении эти многие тысячи номотетических единиц распадаются на десять классов: интеллектуальные способности, синдромы темперамента, бессознательные мотивы, социальные установки, познавательные схемы, интересы и ценности, экспрессивные черты, стилистические черты, патологические тенденции и факторные кластеры, которые нелегко отнести к другим девяти основным категориям. Естественно, некоторые исследователи предлагают единицы, комбинирующие два или больше из этих классов. Хотя я могу предположить, что встречаются весьма рьяные сторонники определенных категорий (назовем здесь не в меру усердное использование проективных тестов для выявления бессознательных мотивов и чрезмерное пристрастие к факторным единицам), тем не менее я не хотел бы разубеждать исследователей в ценности любого из этих десяти направлений.

Мы должны принять тот факт, что до сих пор не было достигнуто полного согласия. Похоже, что каждый специалист имеет свои любимые единицы и использует любимую батарею диагностических средств. Но еще рано отчаиваться. Я надеюсь, что нынешнее отсутствие согласия приведет не к разочарованию, а к непрерывному и благотворному экспериментированию. Основой для продолжения прогресса является твердая убежденность в «объективной реальности» личностной и мотивационной систем. Нас не должен сдерживать тот факт, что искомые нами единицы невидимы. Не должны мы и поддаваться разрушительному скептицизму некоторых экстремистски настроенных методологов, считающих весь этот поиск химеричным. Наконец, признавая разнообразие искомых структур, вызванное изменяющимися внешними ситуациями и непрерывным внутренним развитием, мы должны включить этот факт в свои конструкции и теорию, не отказываясь от убеждения в существовании достаточно стабильных личностных и мотивационных структур.

Таково, вкратце, нынешнее положение дел с номотетически ориентированной диагностикой, как я его вижу. Но, помимо этого, я считаю, что нам следует обратиться к более свежим возможностям, коренящимся в усовершенствованном идеографическом анализе. Нас не должны сдерживать предвзятые идеи о том, что пристало и что не пристало делать науке. Покорители Эвереста не позволили священным коровам, которых они встретили на улицах Дарджилинга, задержать себя. Мы тоже не должны этого позволять. Но, быть может, цель перед нами не столь грозна, как Эверест. Она может оказаться лишь такой же высокой, широкой и человеческой, как сама личность Гражданина Джона, который, в конце концов, наш старый и хорошо знакомый друг.

Открытая система в теории личности⁶⁹

Наша наука развивается неравномерно, в основном подгоняемая модой. Среднюю продолжительность господства модного течения я оцениваю примерно в десять лет. Теория инстинктов Мак-Дугалла господствовала с 1908 примерно до 1920 года. Бихевиоризм Уотсона доминировал на сцене следующее десятилетие. Затем власть приняла иерархия привычек, потом – теория поля, а сейчас – феноменология. Думается, мы никогда не находим решения наших проблем и не исчерпываем наши понятия; мы просто устаем от них.

В настоящее время модно исследовать такие явления как установка на реакцию, кодирование, сенсорная депривация и восприятие людей, говорить на языке теории систем – тема, к которой мы скоро вернемся. Десять лет назад мода требовала групповой динамики, шкал Гуттмана и исследований неприятных качеств авторитарной личности. Двадцать лет назад это были фрустрация – агрессия, шкала Терстона и национальная этика. В наше время мы с некоторым испугом наблюдаем частичное затмение психоанализа экзистенциализмом. И так далее. К счастью, большинство модных течений оставляют богатое полезное наследство.

Мода имеет как забавную сторону, так и серьезную. Мы можем улыбаться над способом, которым трансформируются «бородатые» проблемы: устав от «внушаемости», мы делаем новую «прическу» под названием «убеждаемость». Нас возбуждает современная этология, и нас же беспокоит воспоминание о том, что сто лет назад Джон Стюарт Милль предложил этот термин для обозначения новой науки о человеческом характере. Нам нравится неврологическое понятие «шлюзов», при этом нам удобно забыть о том, что американский функционализм всегда твердо придерживался господства общих психических установок над специфическими. Нас привлекает подкрепление, но не вечные дебаты по поводу гедонизма. Мы отбрасываем проблему свободы ради «моментов выбора»: мы избегаем проблему души и тела, но следуем моде, говоря о «моделях мозга»; мы находим, что старое вино вкуснее из новых бутылок.

Проблема поворачивается серьезной стороной, когда мы и наши студенты забываем, что вино действительно старое. Просматривая свежий номер «Журнала аномальной и социальной психологии» (*Journal of Abnormal and Social Psychology*), я обнаружил, что в 21 статье, написанной американскими психологами, 90 % ссылок сделано на публикации последних десяти лет, хотя у большинства исследуемых ими проблем седые бороды. В том же номере журнала три европейских автора дают 50 % ссылок на работы до 1949 года. Я не знаю, что это доказывает, за исключением того, что европейские авторы родились не вчера. Удивительно ли, что наши выпускники, читая журналы, делают вывод, что литература старше десяти лет бесполезна, и ею можно спокойно пренебречь? На недавнем экзамене кандидата на докторскую степень спросили, как его диссертация о физиологических и психологических условиях стресса связана с проблемой души и тела. Он признался, что никогда не слышал об этой проблеме. Другой студент сказал, что все, что он знает о Томасе Гоббсе, – это то, что он утонул на «Левиафане», когда тот налетел на айсберг в 1912 году.

Психолингвистические мелочи

Окна, выходящие в прошлое, почти совсем закрыты у нас ставнями, но мы гордимся (и по праву) нашим развитием после второй мировой войны. Среди многих удач – возрождение

⁶⁹ Это эссе, написанное по предложению Отделения личности и социальной психологии Американской психологической ассоциации, прозвучало на XIV Ежегодном собрании Отделения в Цинциннати в сентябре 1959 г. и было затем опубликовано в *Journal of Abnormal and Social Psychology*. (1960). Печатается по изданию: *Allport G. Personality and Social Encounter: Selected essays*. Chicago: University of Chicago Press, 1960. P. 39–54.

психолингвистики. (Однако даже здесь я не могу удержаться от замечания, что ныне много обсуждаемая гипотеза Уорфа была старой еще во времена Вундта, Есперсена и Сепира.) Как бы то ни было, я предположу моему обсуждению открытых систем в теории личности грубый уорфианский анализ нашего собственного словаря. Мое исследование (в котором мне помогал Стэнли Плог) слишком поверхностно, чтобы лечь в основание детального отчета.

Вкратце: мы исследовали частоту префиксов *re-* и *pro-* в психологическом языке. Наша гипотеза состояла в том, что слова с *re-*, обозначающие повторность, пассивность, податливость и управляемость, будут гораздо более распространенными, чем сложные слова с *pro-*, обозначающие будущее, намерение, движение вперед. Наш материал состоял из подборки указателей «Psychological abstracts», собранных по пятилетним интервалам за последние 30 лет, а также всех терминов с этими префиксами из «Психиатрического словаря» Хинзи и Шацки (*Hinsie, Shatzky. Psychiatric dictionary*) и «Психологического словаря» Инглиш и Инглиш (*English, English. Psychological dictionary*). Кроме того, мы сделали случайную выборку страниц из пяти современных психологических журналов. При объединении этих источников оказалось, что слов с *re-* почти в пять раз больше, чем слов с *pro-*.

Но, конечно, не все сложные слова релевантны нашим целям. Искомое нами оттенка не имеют понятия *reference, relationship, reticular, report* [ссылка, взаимоотношения, ретикулярный, отчет], а также *probability, process, propaganda* [вероятность, процесс, пропаганда]. Наша мысль становится яснее, если учесть, что слова *реакция* и *реактивный* встречаются сотни раз, а понятия *проакция* и *проактивный* только однажды – в «Psychological dictionary», несмотря на то, что Гарри Мюррей пытался ввести эти слова в психологическое употребление.

Но даже если мы попытаемся более строго кодировать этот лексический материал, учитывая только те понятия, которые явно подразумевают реакцию, с одной стороны, и проакцию или прогрессивное программирование поведения – с другой, мы также обнаруживаем соотношение примерно 5: 1. Другими словами, наш словарный запас в пять раз богаче понятиями типа *reaction, response, reinforcement, reflex, respondent, retroaction, recognition, regression, reminiscence* [реакция, ответ, поощрение, рефлекс, респондент, обратное действие, узнавание, регрессия, подавление, реминисценция], чем понятиями типа *production, proceeding, proficiency, problem-solving, propiate, programming* [продукция, процедура, опытность, решение проблем, подходящий, программирование]. Это что касается количества разных слов с этими префиксами. Диспропорция еще более поразительна, если мы обратим внимание на то, что четыре понятия – *reflex, reaction, response, retention* [рефлекс, реакция, ответ, сохранение] – вместе используются в сто раз чаще, чем любое отдельное слово с *pro-*, за исключением *problem-solving* и *projective* [решение проблем и проективный], причем, я думаю, последнее понятие обычно используется в реактивном смысле.

Слабости этого исследования очевидны. Не все понятия, имеющие оттенок спонтанного, ориентированного на будущее поведения, начинаются с *pro*. Можно вспомнить *expectancy, intention, purpose* [ожидание, намерение, цель]. Но и не все понятия, имеющие оттенок пассивного реагирования или ссылку на прошедшее время, начинаются с *re*. Можно вспомнить *coding, traces, input – output* [кодирование, следы, вход – выход] и т. п. Но, хотя наш анализ оставляет желать много лучшего, он готовит почву для нашей критики теории личности на языке систем. Связующим эти вещи звеном выступает вопрос, есть ли у нас вербальные, а значит, концептуальные инструменты для создания науки об изменениях, росте, будущем и возможностях, или доступный нам технический лексикон привязывает нас к науке о реакциях и регрессии. Доступный нам словарь способен охарактеризовать в большей степени развитие личности от ее прошлого до сегодняшнего дня, чем перспективы ее развития, начиная с нынешнего момента.

Понятие системы

Еще одно-два поколения назад наука, включая психологию, была занята тем, что можно было бы назвать «дезорганизованной сложностью». Естественные науки изучали тот или иной фрагмент природы; психологи исследовали тот или иной фрагмент опыта или поведения. Проблема их взаимосвязи, хотя и признавалась, не становилась темой прямых изысканий.

То, что называют теорией систем сегодня, по крайней мере в психологии, является продуктом относительно новой организмической концепции, отраженной в работах фон Бергаланфи и Гольдштейна, а также в определенных аспектах гештальтпсихологии. Теория систем противостоит простым теориям реакций, где считается, что виртуальный автомат должен дискретно отвечать на стимулы, как если бы они были монетками, брошенными в щель автомата. В психологии растет интерес к теории систем, хотя, быть может, не так быстро, как в других науках.

Сейчас система – любая система – определяется просто как *комплекс элементов в их взаимодействии*. Бриджмен, как можно было ожидать от операциониста, включает в свое определение намек на метод. Он пишет, что система – «...изолированное огороженное место, в котором все измерения того, что происходит в системе, какие могут быть сделаны, каким-то образом коррелируют между собой»⁷⁰.

Системы могут быть разделены на *закрытые* и *открытые*. Закрытая система определяется как система, не принимающая материи извне и, следовательно, подверженная энтропии согласно второму закону термодинамики. Хотя некоторая внешняя энергия, например изменения температуры и ветра, может воздействовать на закрытую систему, она не обладает восстановительными свойствами и не взаимодействует с окружением; подобно гниющему мосту, она погружается в состояние термодинамического равновесия.

Некоторые авторы, такие как фон Бергаланфи⁷¹, Брунsvик⁷² и Пумпиан-Миндлин⁷³, говорили (или подразумевали), что определенные теории психологии и личности оперируют концепцией закрытых систем. Но, по-моему, они слишком далеко заходят в своей критике. Лучше оставим закрытые системы физике, которой они и принадлежат (хотя даже здесь стоит вопрос, не показывает ли в конце концов эйнштейнова формула превращения материи в энергию бесполезность постулирования закрытой системы даже в физике). В любом случае, лучше считать, что все живые организмы носят характер открытых систем. Я сомневаюсь, что во всем диапазоне теорий личности мы найдем хоть одного защитника подлинно закрытой системы. В то же время нынешние теории действительно широко различаются по степени открытости, которую они приписывают системе личности.

Перебрав разные определения открытых систем, мы можем свести вместе четыре критерия: 1) У них есть вход и выход материи и энергии. 2) Им присущи достижение и поддержание устойчивых (гомеостатических) состояний, так что вторжение внешней энергии серьезно не разрушает внутреннюю форму и порядок. 3) В них обычно со временем происходит увеличение порядка по причине возрастания сложности и дифференциации частей. 4) Наконец, по

⁷⁰ Bridgman P. W. The way things are. Cambridge: Harvard University Press, 1959. P. 188.

⁷¹ Von Bertalanffy L. Theoretical models in biology and psychology // Ed. by D. Krech, G. S. Klein. Theoretical models and personality theory. Durham (N. C.): Duke University Press, 1952.

⁷² Brunswik E. The conceptual framework of psychology // International Encyclopedia of Unified Science. Chicago: University of Chicago Press, 1955. Vol. I. No. 10.

⁷³ Pumpian-Mindlin E. Propositions concerning energetic-economic aspects of libido theory // Annales of New York Academy of Sciences. 1959. Vol. 76. P. 1038–1052.

крайней мере на человеческом уровне, у них есть не просто вход и выход материи и энергии, а экстенсивное транзакционное взаимодействие с окружением⁷⁴.

Хотя все наши теории рассматривают личность как систему в некотором смысле открытую, их довольно хорошо можно классифицировать в соответствии с варьирующим акцентом, который они ставят на каждый из этих критериев, и в соответствии с тем, сколько критериев они принимают.

Критерий 1

Рассмотрим первый критерий: обмен материей и энергией. Теория стимула – реакции в ее самой чистой форме абсолютизирует этот критерий, фактически пренебрегая всеми остальными. По существу, она говорит, что стимул входит, а реакция испускается. Конечно, система имеет механизм суммирования, хранения и отсрочки, но выход прямо соответствует входу. Нам следует исследовать только два полюса – стимула и реакции – при минимальной заботе о промежуточных процессах. Методологический позитивизм идет на один шаг дальше, говоря по существу, что нам вообще не нужно понятие личности. Мы фокусируем внимание на своих собственных измеримых манипуляциях на входе и на измеримых манипуляциях на выходе. Таким образом, личность испаряется в тумане метода.

Критерий 2

Требование устойчивых состояний открытых систем столь широко принято в теории личности, что почти не требует обсуждения. Удовлетворение потребностей, снижение напряжения и поддержание равновесия – в большинстве теорий это составляет базовую формулу динамики личности. Некоторые авторы, такие как Стэгнер⁷⁵ и Маурер, рассматривают эту формулу как логически соответствующую описанию Кэнноном⁷⁶ гомеостаза⁷⁷. Сложное приспособительное поведение человека – это просто расширение принципа, участвующего в температурной регуляции, балансе объема крови, содержания сахара и т. п. при изменениях окружающей среды. Верно, что Точ и Хасторф⁷⁸ предостерегали от чрезмерного расширения понятия гомеостаза в теории личности. Лично я сомневаюсь, что Кэннон одобрил бы такое расширение, для него ценность гомеостаза заключена в способности освободить человека для того, что он назвал «... бесценными вещами не первой необходимости» в жизни⁷⁹. Когда достигнуто биологическое равновесие, бесценные вещи не первой необходимости берут верх и образуют остов челове-

⁷⁴ Определение фон Бергаланфи отчетливо признает первые два критерия наличествующими у всех живых организмов. Он говорит, что живой организм – это открытая система, которая постоянно отдает материю во внешний мир и принимает материю из него, оставаясь в процессе этого постоянного обмена в стабильном состоянии, либо приближаясь к такому стабильному состоянию через «вариации во времени» (*Von Bertalanffy K. Problems of life*. N. Y.: Wiley, 1952. P. 125). Но в другом месте мы находим у него принятие и других критериев (*Ibidem*. P. 145; *Von Bertalanffy L. Theoretical models in biology and psychology* // *Theoretical models and personality theory* / Ed. by D. Krech, G. S. Klein. Durham (N. C.): Duke University Press, 1952. P. 34).

⁷⁵ *Stagner R. Homeostasis as a unifying concept in personality theory* // *Psychological Review*. 1951. Vol. 58. P. 5–17.

⁷⁶ *Cannon W. B. The wisdom of the body*. N. Y.: Norton, 1932.

⁷⁷ В недавней рецензии на книгу Р. Вудворта «Динамика поведения», Г. Маурер (*Mowrer H. S. A cognitive theory of dynamics* // *Contemporary Psychology*. 1959. Vol. 4. P. 129–133) активно защищает теорию гомеостаза. Его шокирует, что старейшина американских психологов Роберт Вудвортс занял четкую позицию против теории «первичности потребности» в пользу того, что он называет теорией «первичности поведения» (*Woodworth R. Dynamics of behavior*. N. Y.: Holt, 1958). Не касаясь здесь подробно достоинств его аргументации, подчеркнем прямую связь с обсуждаемой нами проблемой. Первичность потребностей, которую Маурер называет «гомеостатической» теорией, не выходит за рамки двух первых приведенных нами критериев открытой системы. Вудвортс, настаивая, что контакт с окружением и овладение им составляют универсальную основу мотивации, вводит тем самым дополнительные критерии.

⁷⁸ *Toch H. H., Hastorf A. H. Homeostasis in psychology* // *Psychiatry*. 1955. Vol. 18. P. 81–91.

⁷⁹ *Cannon W. B. Op. cit.* P. 323.

ческой активности. Как бы то ни было, большинство нынешних теорий ясно рассматривают личность как *modus operandi*⁸⁰ для восстановления устойчивого состояния.

Психоаналитические теории относятся к теориям именно такого рода. Согласно Фрейду, эго старается установить баланс между тремя «тиранами»: ид, суперэго и внешним окружением. Аналогично, так называемый механизм эго-защиты прежде всего поддерживает устойчивое состояние. Даже невроз имеет такую же базовую приспособительную функцию⁸¹.

Подведем итоги. Большинство нынешних теорий личности полностью принимают во внимание два требования открытых систем. Они допускают взаимообмен материей и энергией и признают тенденцию организма поддерживать четкую организацию элементов в устойчивом состоянии. Таким образом, они подчеркивают стабильность, а не развитие, постоянство, а не изменение, «уменьшение неопределенности» (теория информации) и «кодирование» (когнитивная теория), а не творчество. Короче, они делают акцент на *бытии*, а не на *становлении*. Таким образом, большинство теорий личности являются биологизаторскими в том смысле, что они предписывают личности только те две черты открытой системы, которые явно присутствуют у всех живых организмов.

Однако есть два дополнительных критерия, иногда упоминаемых, но редко подчеркиваемых самими биологизаторами, и также пренебрегаемых большинством нынешних теорий личности.

Трансатлантическая перспектива

Прежде чем исследовать третий критерий, который привлекает внимание к тенденции открытых систем увеличивать степень своей упорядоченности, давайте взглянем на нашу нынешнюю теоретическую ситуацию в кросс-культурной перспективе. В США нашу специфическую область исследований давно называют «поведенческой наукой» (ярлык, ныне прочно приклеенный к нам миллионами Форда). Смысловой оттенок этого термина предполагает, что мы занимаемся полузакрытыми системами. Уже по самому своему названию специалист поведенческой науки оказывается обязан изучать человека скорее в терминах поведения, чем в терминах переживаний, скорее в понятиях математического пространства и физического времени, чем в понятиях экзистенциального пространства и времени; более с точки зрения реакций, чем с точки зрения программирования; более в терминах снижения напряжения, чем увеличения его; больше в понятиях реактивности, чем проактивности.

Теперь давайте на минутку перешагнем через наш культурный частокол и послушаем древнюю индийскую мудрость. Индусы говорят, что у большинства людей есть четыре центральных желания. До некоторой степени, хотя очень приблизительно, они соответствуют жизненным стадиям развития. Первое желание – *удовольствие* – условие, полностью широко признаваемое в наших западных теориях снижения напряжения, подкрепления, либидо, потребностей. Второе желание – желание *успеха* – также полностью признается и изучается в наших исследованиях власти, статуса, лидерства, маскулинности и потребности в достижении. Третье желание – стремление выполнить свой долг и нести свою ответственность (Бисмарк, а не индусы, сказал: «В этом мире мы находимся не для удовольствия, а для исполнения нашего проклятого долга»). Здесь наши западные исследования начинают увядать: за исклю-

⁸⁰ Способ действия (*лат.*).

⁸¹ Когда мы говорим о «функции» невроза, нам напоминают о множестве теорий «функционализма» в современной психологии и социальной науке. Однако благодаря тому, что этот ярлык, как показал Мертон (*Merton R. K. Social theory and social structure, rev. ed. Glencoe (Ill.): The Free Press, 1957. Ch. 1*), включает в себя очень многое, мы можем спокойно сказать, что функционализм всегда подчеркивает пользу данной активности для сохранения устойчивого состояния личности или социокультурной системы. Коротко говоря, «функциональные» теории подчеркивают сохранение имеющегося направления, почти не оставляя места для отклонения от него или изменения.

чением нескольких бледных исследований связи родительских наказаний с развитием детской совести мы мало что можем предложить по «мотиву долга». Совесть мы склонны рассматривать как реактивный ответ на интернализированное наказание, смешивая, таким образом, прошлые выученные «долженствования» с «обязательствами», участвующими в программировании нашего будущего⁸². Наконец, индусы говорят нам, что многим людям надоедают все эти три мотива, и они интенсивно стремятся к такому уровню понимания философского или религиозного смысла, который освободит их от удовольствия, успеха и долга⁸³. (Нужно ли указывать на то, что большинство западных теорий личности рассматривает религиозное стремление в реактивных терминах – как средство ухода, не отличающееся по своему типу от суицида, алкоголизма и невроза?)

Теперь возвратимся из Индии в современную Вену и встретимся с экзистенциалистской школой логотерапии. Ее основатель – Виктор Франкл – подчеркивает прежде всего центральное место *долга* и *смысла*, тех же двух мотивов, которые выше всего ставят в своей иерархии желаний индусы. Франкл пришел к своей позиции после долгого мучительного заключения в нацистском концлагере, где жизнь узников была сведена к элементарному существованию⁸⁴. Что нужно человеку в таких невыносимых условиях, чего он хочет? Об удовольствии и успехе не идет и речи. Человек хочет знать смысл своих страданий и то, как в качестве ответственного существа он должен себя вести. Совершить ли самоубийство? Если да – почему, если нет – почему нет? Поиски смысла становятся главенствующими.

Франкл осознает, что его выстраданная теория мотивации сильно отличается от большинства американских теорий, и указывает на значение этого факта для психотерапии. Он особо критикует принцип гомеостаза, подразумевающий, что личность является квазизакрываемой системой⁸⁵. Подстраиваться к внутренней адаптации невротика или считать, что он вернет себе здоровье, перетасовывая свои воспоминания, защиты или условные рефлексy, обычно саморазрушительно. Во многих случаях неврозов только полный прорыв к новым горизонтам может все изменить.

И индийская психология, и логотерапия далеки от пренебрежения ролью удовольствия и успеха для личности. Франкл и не отказывается от добытых с большим трудом успехов, отраженных в психоаналитической теории и теории потребностей. Он просто говорит, что при исследовании или лечении человека мы часто обнаруживаем неадекватность этих по существу гомеостатических формулировок. Человек обычно хочет знать, почему и для чего. Другим биологическим системам это не свойственно; лишь человек выделяется гораздо большей степенью открытости, чем любая другая живая система.

Критерий 3

Возвращаясь теперь к нашему основному тезису, мы встречаем немало теорий, подчеркивающих тенденцию человеческой личности выходить за пределы устойчивых состояний и стремиться к увеличению и развитию внутренней упорядоченности пусть даже ценой значительного нарушения равновесия.

Я не могу исследовать их все или перечислить всех соответствующих авторов. Можно было бы начать с проактивного чувства заботы о самом себе, которое Мак-Дугалл рассматривал как организующее все виды поведения посредством своего рода «проспективной

⁸² Allport G. W. Becoming: basic considerations for a psychology of personality. New Haven: Yale University Press, 1955. P. 68–74. <Наст. изд. С. 166–216.>

⁸³ Smith H. The religions of man. N. Y.: Harper, 1958; N. Y.: Mentor, 1959.

⁸⁴ Frankl V. E. From death camp to existentialism. Boston: Beacon, 1959.

⁸⁵ Frankl V. E. Das homeostatische Prinzip und die dynamische Psychologie // Zeitschrift für Psychotherapie und Medizinische Psychologie. 1959. 9. Bd. S. 41–47.

памяти», если использовать подходящий термин Гудди⁸⁶. Не слишком отличается от этого тот акцент, который Комбз и Снигт ставят на расширении феноменологического поля. Мы можем добавить понятие самоактуализации, которая, по Гольдштейну, стремится увеличивать порядок в личности, а также теорию *мотивов роста* Маслоу, дополняющих *мотивы нужды*. Можно вспомнить принцип индивидуации Юнга, ведущий к обретению самости – никогда не достижимой цели. Некоторые теории, в том числе теории Бартлетта и Кэнтрила, основной упор делают на «стремление к смыслу». Сюда относятся некоторые направления пост-фрейдовской «эго-психологии»⁸⁷. Так же поступает и экзистенциализм, признавая потребность в смысле и ценность обязательства. (Нейрохирург Харви Кашинг имел в виду открытые системы, говоря: «Единственный способ выжить – это выполнять задачу».) Несомненно, следует добавить недавнюю защиту Вудвортом теории «примата поведения» в противоположность теории «потребностей», а также «компетентность», которую подчеркивает Роберт Уайт, и «поиск идентичности» Эриксона.

Эти теории отнюдь не одинаковы. Их различия заслуживают продолжительного обсуждения. Здесь я смешал их в одну кучу просто потому, что, как мне кажется, они все признают третий критерий открытых систем, а именно, тенденцию таких систем увеличивать степень своей упорядоченности и становиться чем-то большим, чем они есть в данный момент.

Все мы знаем возражение теориям этого типа. Методологи, имеющие пристрастие к миниатюрным и фрагментированным системам, жалуются, что они не ведут к «поддающимся проверке утверждениям»⁸⁸. Это возражение ценно постольку, поскольку оно требует повышения изобретательности в исследованиях. Но претензия неразумна, если требует, чтобы мы вернулись к квазизакрытым системам лишь потому, что они более «исследуемы» и элегантны. Наша задача – исследовать то, что *есть*, а не просто то, что удобно.

Критерий 4

Теперь перейдем к нашему четвертому, последнему критерию. Фактически, все упомянутые мной до сих пор теории представляют личность как нечто покрытое оболочкой, замкнутое в границах человеческого тела. Существуют теории (Курт Левин, Мартин Бубер, Гарднер Мэрфи и другие), бросившие вызов этим взглядам как слишком ограниченным. Мэрфи утверждает, что мы напрасно отделяем человека от контекста его жизни. Хэбб интерпретировал опыты по сенсорной депривации как демонстрацию постоянной зависимости внутренней стабильности от потока внешней стимуляции⁸⁹. Почему западная мысль проводит такое резкое разделение между человеком и всем остальным – интересная проблема. Возможно, начальным фактором было подчеркивание личного в иудейско-христианской религии, а как отмечал Мэрфи⁹⁰, индустриальная и коммерческая революции еще больше подчеркнули роль индивидуальности. В противоположность этому буддистская философия рассматривает индивида, общество и природу как триединую опору человеческого существования. Индивид не замкнут в своем одиночестве. Он взаимодействует с природой, он взаимодействует с обществом. Можно с пользой изучать только связи между ними.

Западные теоретики, в том числе и я, в большинстве своем придерживаются видения личностной системы как заключенной в оболочку. Другие, выступая против противопоставления «Я» миру, создали теории личности, написанные в понятиях социального взаимодействия,

⁸⁶ Gooddy W. Two directions of memory // Journal of Individual Psychology. 1959. Vol. 15. P. 83–88.

⁸⁷ Э. Пумпиан-Миндлин пишет: «Фокусирование клинического психоанализа на эго-психологии является прямым следствием перехода от закрытой системы к открытой» (Pumpian-Mindlin E. Op. cit. P. 1051).

⁸⁸ Roby T. B. An opinion on the construction of behavior theory // American Psychologist. 1959. Vol. 14. P. 127–134.

⁸⁹ Hebb D. O. The mammal and his environment // American Journal of Psychiatry. 1955. Vol. III. P. 826–831. Reprinted in: Readings in social psychology / Ed. by E. E. Maccoby, T. M. Newcomb, E. L. Hartley. N. Y.: Holt, 1958. P. 335–341.

⁹⁰ Murphy G. Human potentialities. N. Y.: Basic Books, 1958. P. 297.

ролевых отношений, ситуационизма и некоторых разновидностей теории поля. Третьи, такие как Толкотт Парсонс⁹¹ и Ф. Г. Олпорт⁹² признали валидность и заключенной в оболочку личностной системы, и систем социального взаимодействия и потратили много усилий для гармонизации систем обоих типов.

Несомненно, эта проблема является ключевым вопросом современной социальной науки. Этот вопрос до сих пор мешал нам достичь согласия в попытках примирения психологической и социокультурной наук.

В этом отношении моя собственная позиция консервативна. Я считаю, что обязанность психологии – изучать системы человека, имея под этим в виду установки, способности, черты, мотивы и патологию индивида – его когнитивные стили, чувства, его индивидуальную нравственную природу и их взаимоотношения. Тому есть двойное подтверждение: 1) существует устойчивая, хотя и изменяющаяся во времени личностная система, четко ограниченная рождением и смертью. 2) Мы непосредственно осознаем функционирование этой системы. Наше знание о ней прямое, хотя и несовершенное, в то время как наше знание обо всех других внешних системах, включая социальные системы, изменяется и часто искажается их неизбежной включенностью в наше сознательное восприятие.

В то же самое время данная работа останется неполной, пока мы не признаем, что каждый человек обладает *диапазоном* способностей, установок, мотивов, вызываемых разными ситуациями и окружением, с которыми он сталкивается. Таким образом, чтобы понять схемы, которые человек, возможно, интериоризировал в ходе своего обучения, надо понять культурные, классовые и семейные констелляции и традиции. Но спешу предупредить, что изучение культурной, классовой, семейной или любой другой социальной системы не раскроет автоматически систему личности, ибо нам надо знать, принял ли индивид, отверг или оставил без внимания данную социальную систему. Тот факт, что человек играет, скажем, роль учителя, продавца или отца, менее важен для изучения его личности, чем знание того, нравится ли ему его роль и как он ее определяет. Но пока мы исследуем социокультурные системы, мы не можем знать, что именно человек принимает, отвергает или переопределяет.

Я бы предложил следующее временное решение: теоретик личности должен иметь настолько хорошую подготовку в социальной науке, чтобы быть в состоянии рассматривать поведение индивида в любой системе взаимодействия. То есть он должен быть в состоянии вписать это поведение в культуру, в которой оно происходит, в ее ситуационный контекст и в понятия ролевой теории и теории поля. В то же самое время необходимо не упускать из виду (как некоторые теоретики) тот факт, что существует внутреннее и субъективное структурирование всех этих контекстуальных действий. Путешественник, переходящий из культуры в культуру, из ситуации в ситуацию, тем не менее один и тот же человек; в нем обнаруживается сеть, структура разнообразных переживаний и отношений принадлежности, которые и составляют его личность.

Таким образом, я не зайду настолько далеко, чтобы защищать ту точку зрения, что личность следует определять в понятиях взаимодействия, культуры или ролей. По-моему, попытки так поступать размывают понятие личности и представляют собой отказ от социальной миссии психолога как ученого. Знакомясь со всеми системами взаимодействия, он всегда должен возвращаться к точке, где такие системы сходятся, пересекаются и структурируются, – к отдельному человеку.

Таким образом, мы принимаем четвертый (транзактный) критерий открытой системы, но с твердой оговоркой, что он не должен применяться с таким увлечением, которое приведет к потере самой системы личности.

⁹¹ Parsons T. The social system. Glencoe (Ill.): The Free Press, 1951.

⁹² Allport F. H. Theories of perception and the concept of structure. N. Y.: Wiley, 1955.

Общая теория систем

Некоторые связывают надежду на унификацию науки с тем, что Джеймс Миллер назвал *общей поведенческой теорией систем*⁹³. Этот подход ищет формальное тождество между физическими системами, клеткой, органом, личностью, малыми группами, видами и обществом. Его критики (например, Бак⁹⁴) жалуются, что все это слабое сравнение, что формального тождества, возможно, не существует, и что попытки выразить аналогии языком математических моделей ведут только к самым смутным обобщениям. Как мне представляется, опасность попыток унифицирования науки таким путем заключена в неизбежности подхода снизу, то есть со стороны физических и биологических наук. Нашей моделью становятся закрытые системы или системы, открытые только частично, и если мы будем неосторожны, человеческая личность во всей ее полноте окажется в плену некоего аутичного методологического рая.

У общей теории систем есть недостаток и помимо игнорирования критерия увеличивающейся организации и взаимодействия. В конечном счете, человек является наблюдателем и толкователем систем. По поводу этого усложняющего проблему факта выражал недавно беспокойство основатель операционального подхода П. У. Бриджмен⁹⁵. Можем ли мы как ученые субъективно жить внутри своей системы и одновременно иметь объективную точку зрения на нее?

Несколько лет назад Элкин опубликовал случай Гарри Холзера и попросил 39 специалистов предложить свое осмысление его⁹⁶. Как и можно было ожидать, в результате оказалось много разных концепций. Никто из теоретиков не смог полностью отделить случай от собственных предубеждений. Каждый прочитал объективную систему на языке субъективной. Все наши теории личности в такой же мере отражают темперамент автора, как и личность *другого*.

Я думаю, что этот печальный призрак «зараженного» наблюдателя не должен отвращать нас от поиска объективно валидной теории. Как сказал философ Чарльз Пирс, истина – это мнение, обреченное в конечном счете на согласие всех исследователей. Я считаю, что мнение, обреченное в конечном счете на согласие всех исследователей, вряд ли будет достигнуто с помощью преждевременного применения общей теории систем или с помощью приверженности любой частично закрытой теории. Теории открытых систем более многообещающи, хотя в настоящее время нет согласия между ними самими. Но я надеюсь и верю, что когда-нибудь где-нибудь мы создадим теорию природы личности, которую в конечном счете примут все мудрые исследователи, включая психологов.

Несколько примеров

Тем временем я предлагаю рассматривать все острые углы в теории личности как вырастающие, вероятно, из двух противоположных точек зрения: квазизакрытой и полностью открытой.

Возьмем в качестве одного примера принцип подкрепления, который обычно рассматривается как цемент, скрепляющий реакцию, как клей, фиксирующий личность на уровне прошлых поступков. Интерпретация этого с позиций открытой системы совершенно иная. Фейгл, например, указывал, что подкрепление работает прежде всего на будущее⁹⁷. Именно благодаря

⁹³ Miller J. G. Toward a general theory for the behavioral sciences // American Psychologist. 1955. Vol. 10. P. 513–531.

⁹⁴ Buck R. C. On the logic of general behavior systems theory // Minnesota studies in the philosophy of science / Ed. by H. Feigl and M. Scriven. 1956. Vol. I.

⁹⁵ Bridgman P. W. The way things are. Cambridge: Harvard University Press, 1959.

⁹⁶ Elkin F. Specialists interpret the case of Harry Holzer // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1947. Vol. 42. P. 99–111.

⁹⁷ Feigl H. Philosophical embarrassments of psychology // American Psychologist. 1959. Vol. 14. P. 117.

признанию последствий (а не из-за самих последствий) индивид связывает прошлое с будущим и решает избежать наказания или искать вознаграждения в подобных обстоятельствах, при условии, конечно, что это соответствует его интересам и ценностям. Теперь мы уже не считаем, что подкрепление способствует запечатлению; оно рассматривается как один из многих факторов, учитываемых при программировании будущих действий⁹⁸. Какая огромная разница – рассматривать личность как квазизакрытую или как открытую систему!

У этой проблемы есть свои параллели в нейрофизиологии. Насколько открыта нервная система? Мы знаем, что ее сложность столь велика, что мы можем только предполагать, насколько она может быть сложна. Но одно определено: входы высокого уровня часто контролируют и управляют процессами более низкого уровня. Хотя мы не можем точно сказать, что мы имеем в виду под «более высокими уровнями». Они определенно включают схемы воображения, намерения и общие черты личности. Они являются инструментами программирования, а не просто реагирования. В будущем мы можем с уверенностью ожидать, что нейрофизиология программирования и психология действия будут развиваться вместе. А до тех пор разумно слегка сдерживать наши закрывающие систему личности метафоры системы сигнализации, коммутатора, гигантского компьютера и гидравлического насоса.

Наконец, пример из мотивационной теории. Несколько лет назад я утверждал, что мотивы могут становиться функционально автономными от своих корней (человек сожалеет о собственной опрометчивости).

Каковы бы ни были его недостатки, понятие функциональной автономии позволяет видеть личность как открытую и изменяющуюся систему. Как можно было ожидать, критикуют ее главным образом те, кто предпочитает рассматривать систему личности как квазизакрытую. Некоторые критики говорят, что я рассматриваю только случаи, где нет угасания системы привычек. Эта критика в свою очередь вызывает вопросы, ибо точная формулировка спорной проблемы звучит так: почему некоторые системы привычек не угасают, если они больше не подкрепляются? И почему некоторые системы привычек, которые были инструментальными, превращаются в интересы и ценности, обладающие мотивационным потенциалом?

Обычный контраргумент заключается в том, что «вторичное подкрепление» каким-то чудом поддерживает все центральные желания зрелого человека. Научное рвение Пастера, религиозно-политический пыл Ганди и, в сущности, увлеченность тети Салли своим руководством объясняются гипотетическим перекрестным обусловливанием, которое каким-то образом замещает привычное подкрепление первичных влечений. Для наших целей важно то, что критики предпочитают концепцию вторичного подкрепления не потому, что она яснее, а потому, что она удерживает наше мышление в рамках квазизакрытой (реактивной) системы.

Сейчас не время заново приводить аргументы, но я могу, по крайней мере, сослаться на мою нынешнюю точку зрения. Прежде всего скажу, что понятие функциональной автономии релевантно даже на уровне квазизакрытых систем. Сейчас существует так много признаков, касающихся механизмов обратной связи, кортикальной самостимуляции, самоорганизующихся систем и т. п.⁹⁹, что я уверен – мы не можем отрицать существования самоподдерживающихся циклических механизмов, которые можно определить общим заголовком «стойкая функциональная автономия».

Однако основное значение этого понятия в другом. Оно предполагает, что личность – широко открытая, стремящаяся ко все новым уровням порядка и взаимодействия система. В то время как мотивы-побуждения остаются совершенно постоянными на протяжении жизни,

⁹⁸ Allport G. W. Effect: a secondary principle of learning // Psychological Review. 1946. Vol. 53. P. 335–347.

⁹⁹ См.: Hebb D. O. The organization of behavior. N. Y.: Wiley, 1949; Olds J., Milner P. Positive reinforcement produced by electrical stimulation of septal area and other regions of rat brain // Journal of Comparative Psychological Psychology. 1954. Vol. 47. P. 419–427; Chang H. T. The repetitive discharge of cortico-thalamic reverberating circuit // Journal of Neurophysiology. 1950. Vol. 13. P. 235–257.

иначе обстоит дело с экзистенциальными мотивами. Сама природа открытой системы состоит в достижении прогрессирующих уровней порядка через изменение когнитивной и мотивационной структуры. Так как в этом случае причинность системна, мы не можем надеяться объяснить функциональную автономию в терминах конкретного подкрепления. Эту ситуацию я бы назвал *собственной функциональной автономией*.

И стойкая, и собственная автономия, на мой взгляд, не являются необходимыми понятиями. Одно применяется к относительно закрытым частям-системам внутри личности, другое – к постоянно развивающейся структуре целого.

Последний пример. Для точки зрения квазизакрываемой системы в значительной мере характерна номотетичность: она ищет сходство между всеми личностными системами или, как в теории общих поведенческих систем, между *всеми* системами вообще. Однако, если мы выберем точку зрения открытой системы, то окажемся отчасти приближающимися к идеографическим взглядам. Ибо теперь основным вопросом становится вопрос: что связывает систему в любом отдельном человеке?¹⁰⁰ Позвольте мне повторить этот вопрос, ибо он более чем любой другой годами преследовал меня: *что делает систему в любом отдельном человеке связной?* То, что эта проблема является главной, насущной и сравнительно игнорируемой, будет признано теоретиками открытой системы, даже если ее принижают и обходят стороной приверженцы полужакрываемых систем.

Заключительное слово

Если данный очерк кажется полемичным, я могу сказать в оправдание только то, что теория личности живет противоречиями. В США нет единой партийной линии, сковывающей наши рассуждения. Мы свободны придерживаться всех и всяческих допущений относительно природы человека. За это мы расплачиваемся тем, что в настоящее время не можем ожидать, что *теория* личности будет кумулятивной, хотя, к счастью, *исследование* личности таким в определенной степени быть может.

Мы знаем, что теории в идеале получаются из аксиом, или, если аксиомы отсутствуют (как в нашей области), из допущений. Но наши допущения относительно природы человека разбросаны в диапазоне от адлеровских до зильборговских, от локковых до лейбнизианских, от фрейдистских до халловских, от кибернетических до экзистенциальных. Некоторые из нас моделируют человека по образцу голубя, другие считают, что он обладает разнонаправленными потенциями. И согласия в подходах не видно.

Принцип дополнительности Нильса Бора содержит урок для нас. Бор показал, что мы не можем одновременно определить положение частицы и количество ее движения. В приложении к нашей работе этот принцип означает, что если мы фокусируем внимание на реакции, то не исследуем одновременно проакцию, если мы измеряем одну черту, мы не фиксируем внимание на паттерне; если мы имеем дело с подсистемой, мы теряем целое; если мы занимаемся целым, мы упускаем из виду функционирование частей. Для одиночного исследователя нет выхода из этого ограничения. Единственная наша надежда заключена в преодолении этого с помощью взаимодополняемости исследователей и теорий.

Будучи сторонником открытой системы, я не буду закрывать двери. (Некоторые из моих лучших друзей – сторонники квазизакрываемых систем.) Если я выдвигаю аргументы в пользу открытой системы, еще тверже я защищаю открытое сознание. Мы осуждаем рабское подчинение моде, гласящей, что лишь условности ведут к научной респектабельности. Нам еще многое

¹⁰⁰ См.: Taylor J. G. Experimental design: a cloak for intellectual sterility // British Journal of Psychology. 1958. Vol. 49. P. 106–116.

надо усвоить из нашего творческого контакта с открытой системой. Я уверен, что среди наших студентов будет много любителей приключений.

Эго в современной психологии¹⁰¹

Введение

Одним из наиболее странных событий в истории современной психологии явился тот способ, каким эго – или *Я* – было отодвинуто в сторону и пропало из вида. Я называю его странным, поскольку существование собственного *Я* – это факт, в котором совершенно убежден каждый смертный, в том числе любой психолог. Сторонний наблюдатель может сказать: «Психологи – смешные ребята. Перед ними, в самом сердце их науки, лежит несомненный факт, который доказывает существование всех остальных вещей, а они до сих пор не обращают на него внимания. Почему они не начнут со своих собственных эго, или с наших эго, – с чего-нибудь, о чем мы все знаем? Если бы они так сделали, мы бы, возможно, лучше их понимали. Более того, они смогут лучше понять нас».

Тогда, в 1880-е годы, конечно, для Джеймса, Ройса, Дьюи и их современников было хорошим тоном свободно говорить об эго, *Я* и даже о душе. Душа, конечно, отступала под натиском Вундта, и каждый находил развлечение в том, чтобы пошатнуть господствовавшее теологическое голословие, вступить в эру Новой психологии раскованным и позитивистски настроенным. Они забывали, что их предшественники одобряли идею души не по причине их склонности к теологии, а из-за того, что ассоциационизм не признавал или не давал удовлетворявшего их объяснения *связности, единства и целеустремленности*, которые, как они считали, преобладают в психической жизни. При том, что понятие «душа» также оказалось не в состоянии объяснить эти свойства, оно, по крайней мере, привлекло внимание к их существованию.

После изгнания души эти объединяющие свойства ментальной жизни время от времени упоминались под названием *Я*. В течение некоторого времени, благодаря Джеймсу, Калкинсу, Принсу и французским психопатоологам, *Я* было более или менее популярным понятием. Но постепенно оно тоже вышло из употребления.

Полный упадок понятия души и частичный упадок *Я* произошел, в частности, как я уже сказал, благодаря росту позитивизма в психологии. Позитивизм, как всем нам известно, является программой морального перевооружения, императивы которой включают абсолютный монизм, абсолютную объективность и абсолютный редукционизм, – короче говоря, абсолютную непорочность. С этой аскетической точки зрения субъективные убеждения подозрительны, *Я* выглядит несколько неприлично, а любой намек на метафизику (то есть непозитивистскую метафизику) отдает слабостью. Как пояснил Гарднер Мэрфи, из психологии *Я* престижа не извлечешь¹⁰².

Но при всем ограничении приносимых им выгод позитивизм обладал одним бесспорным достоинством: он породил здоровую нелюбовь к разъяснению никому не нужных вопросов. Он показал, что старая психология большей частью страдала от тенденции тщательно работать над словами, как будто слова являлись сущностью вещей. Благодаря позитивизму, факультетская психология, базировавшаяся в действительности на вербальном реализме, была дискредитирована, и диалектика стала пользоваться дурной славой. Сейчас мы должны признать, что большая часть психологии *Я* пребывала на уровне непросвещенной диалектики. Ее утверждения часто бывали избыточными или шли по кругу; в манере Гертруды Стайн она иногда утверждала, что *Я* это *Я* это *Я*. Не особенно лиричным по своей природе психологам не удавалось

¹⁰¹ Впервые опубликовано в 1943 г. Печатается по изданию: Allport G. Personality and Social Encounter: Selected essays. Chicago: University of Chicago Press, 1960. P. 71–93.

¹⁰² Murphy G. Psychology and the post-war world // Psychological Review. 1942. Vol. 49. P. 298–318.

увидеть в этой возвышенной формуле никакого более глубокого значения. Вполне понятно, что они отказывались допустить такое заикающееся *Я* в мрачную цитадель своих лабораторий.

Но когда понятие становится табу, это табу имеет вероятность распространиться на целый ряд проблем, связанных с этим понятием. Похоже, что произошло нечто в этом роде. Не только душа и *Я* пострадали от остракизма. Вместе с ними ушла обширная совокупность проблем, имеющих отношение к связности и единству ментальной жизни, к гордости, амбициям и статусу; идеалам и видам на будущее. Этот упадок, конечно, не был тотальным, но он был значительным.

Словно для того, чтобы компенсировать пренебрежение этими интересами в поле собственно психологии, над горизонтом взмошел психоанализ, излучая яркий, хоть и спорадический свет. Не удивительно, что весь мир обратился к психоанализу за ориентирами в динамической психологии. Других возможных ориентиров было весьма мало. Я склонен верить, что история обнаружит, что психоанализ обозначил паузу в психологии – между временем, когда она потеряла свою душу вскоре после франко-прусской войны, и временем, когда она вновь обрела ее вскоре после второй мировой войны.

Пока психоанализ не влился окончательно в более широкую и в более адекватную психологию, он может гордиться тем, что сохранил и продвинул изучение определенных функций *Я*, которые позитивистская психология предала забвению. Ему можно также отдать должное за сохранение термина, более или менее родственного *Я*, от мрачного табу, о котором я говорил. Понятию эго с самого начала придавалось особое значение в психоаналитической литературе. Я присваиваю сейчас этот термин, чтобы обозначить то смещение центра, которое ныне происходит в психологической теории.

Но не только к психоанализу мы протягиваем связующие нити. Позиция эго в современной психологии определяется также некоторыми другими историческими тенденциями.

Основные концепции эго

Среди различных концепций эго, обнаруживаемых в психологической литературе, наиболее значимыми являются, безусловно, следующие.

Эго как субъект познания. Номинативная форма слова *эго* предполагает, что некий субъект занят, как бы сказал Brentano, «интендированием» своих отношений со вселенной. Проблема познающего, или «чистого эго» была мало интересна для психологов с того времени, как Джеймс нанес ей многословный удар в своих «Основах психологии». В сущности, Джеймс заявил о том, что достаточно допустить, что происходит познание. Отдельное допущение о познающем эго не является необходимым. Конечно, для феноменологов¹⁰³ и персоналистов¹⁰⁴ проблема субъект-объектного отношения остается главной. Но большинство психологов после Brentano и Джеймса миновали эту проблему¹⁰⁵. Для нашей цели достаточно зафиксировать это первое использование понятия и отметить его относительную редкость.

Эго как объект познания. Некоторые исследователи задались проблемой природы переживания нами своего *Я*¹⁰⁶. Этот подход, ограниченный по сути интроспективными отчетами,

¹⁰³ Beth M. Zur Psychologie des Ich // Archiv für die Gesamte Psychologie. 1933. Vol. 88. P. 323–376; Oesterreich T. K. Phenomenologie des Ich in ihren Grundproblemen. Leipzig: J. A. Barth, 1910.

¹⁰⁴ Например, Moore J. S. The problem of the self // Philosophical Review. 1933. Vol. 42. P. 487–499.

¹⁰⁵ Частная переписка с Коффкой по поводу эго собственного использования термина выявила тот интересный факт, что когда он писал свои главы про эго, он никогда не думал о нем как о субъекте познания (Koffka K. Principles of Gestalt psychology. N. Y.: Harcourt, Brace, 1935). «Откровенно говоря, я никогда не задавался этим вопросом», – писал он, добавив: «Я сомневаюсь, что это мое решение будет сходно с решением Brentano. Сейчас мне кажется, что оно будет найдено в теории подсистем эго, в частности, в отношениях системы Self к другим эго-системам».

¹⁰⁶ Amen E. W. An experimental study of the self in psychology // Psychological Monographs. 1926. Vol. 35. № 165; Horowitz E.

был не слишком продуктивен. Он принес мало что дающие сведения о местоположении эго, которое ощущалось расположенным «между глаз», или состоящим из «движений в голове», или находящимся «между правым и левым», «между верхом и низом», «между позади и впереди». Следуя этому направлению исследований, Горовиц обнаружил такое разнообразие результатов (описывающих расположение эго в голове, сердце, груди, на лице, в мозге, гениталиях), что пришел к заключению: «Локализация Я, как отмечается в цитированной литературе, в ответах на наши вопросы, в неформальной дискуссии и в исследовании детей, не является тем базовым феноменом, который может облегчить анализ структуры Я и личности»¹⁰⁷.

Похоже, есть только два факта, по поводу которых существует общее согласие: 1. Младенцы, как соглашаются все авторы, не осознают себя как индивидуальность; их поведение протекает в рамках того, что Пиаже назвал «недифференцированным абсолютом», состоящим из Я и окружающей среды. Лишь постепенно и нелегко развивается отдельное эго. 2. Эго, которое мы осознаем, варьирует по своим параметрам. Иногда оно включает в себя меньше, чем тело, а иногда больше. В полудреме мы теряем все ощущения наших эго, хотя можем достаточно осознавать безличные вещи. Бывает, что внезапно наши ноги воспринимаются как странные объекты, нам не принадлежащие. В патологических состояниях бывают замечательные случаи деперсонализации¹⁰⁸. И наоборот, иногда мы думаем об инструментах, которые мы используем, как о части нашей расширенной эго-системы, а временами рассматриваем наших детей, наше жилище или наших предков как интимную часть нашего расширенного Я. Установлено, что эго-системы, которые мы осознаем, сокращаются и расширяются самым непредсказуемым образом¹⁰⁹.

Эго как примитивный эгоизм. Сто лет назад Макс Штирнер написал «Единственный и его собственность» (*Der Einzige und sein Eigentum*)¹¹⁰ – книгу, в которой он отстаивал тот тезис, что человек по своей природе неизменно эгоистичен. В 1918 году французский биолог Феликс Ле Дантек управился с той же темой с большим блеском в своем труде «Эгоизм: единственная основа общества» (*L'egoïsme: seule base de toute société*)¹¹¹. Неутолимый эгоизм является основой здания общества, говорит Ле Дантек, а лицемерие – его основной принцип. Психологи, относясь пристрастно к такому расчетливому реализму, при этом сами далеко продвинулись к разоблачению лицемерия в человеческой натуре. Проекция, рационализация, механизмы защиты были представлены тем, чем они являются, – попыткой обелить эгоцентрическую мотивацию. В течение столетия психологи объединились с историками, биографами и романистами в модном спорте развенчания человеческих мотивов.

Эго как влечение к доминированию. С этой позицией примитивного эгоизма перекликается множество исследований, обращающихся к чувствам доминирования, к доминантности, к сложившемуся порядку подчинения, к эйфории. С этой точки зрения, эго есть та часть личности, которая требует статуса и признания. Негативные состояния тревоги, неуверенности, стремления защищаться, сопротивления действительно лишь являются индикаторами того, что, когда эго унижено, возрастают импульсы к его защите и восстановлению статуса.

Эго как пассивная организация ментальных процессов. Психоанализ, как нам известно, внес большой вклад в интерпретацию человеческой природы в терминах эгоизма. Вся его тео-

L. Spatial localization of the self // *Journal of Social Psychology*. 1935. Vol. 6. P. 379–387; *Lundholm H.* Reflections upon the nature of the psychological self // *Psychological Review*. 1940. Vol. 47. P. 110–126.

¹⁰⁷ *Horowitz E. L.* Op. cit. P. 386.

¹⁰⁸ *Delgado H.* Psicología y psicopatología de la consciencia del yo // *An. Inst. Psicol.*, University of Buenos Aires. 1938. Vol. 2. P. 135–176; *Federn P.* Narzissmus im Ichfuge // *Internationales Zeitschrift für Psychoanalyse*. 1927. Bd. 13. S. 420–438.

¹⁰⁹ *Lundholm H.* Op. cit.

¹¹⁰ *Stirner M.* The ego and his own / Trans. by S. T. Byington. London: A. C. Fifield, 1912. <Рус. пер.: *Штирнер М.* Единственный и Его достояние. СПб., 1910.>

¹¹¹ *Le Dantec F.* L'egoïsme, seule base de toute société. Paris: Flammarion, 1916.

рия мотивации базируется на допущении о гедонистическом собственном интересе. Но в психоанализе эгоизм, как это ни странно, приписывается не эго, а желаниям, поднимающимся из ид. Для Фрейда собственно эго есть пассивный перципиент, лишенный динамической силы, «связная организация ментальных процессов», которая осознает противоречивые силы под-сознания (ид), суперэго и внешней среды¹¹². Эго, не обладающее динамической силой, пытается насколько может умиротворять и управлять противоречивыми силами; но когда оно терпит неудачу, что часто происходит, оно вспыхивает тревогой. Эго рождается из сдерживания инстинктивных импульсов и постоянно нуждается в укреплении. Но даже тогда, когда, благодаря процессу анализа, эго усиливается, оно все еще по сути остается лишь пассивной жертвой-наблюдателем драматического конфликта.

Неудовлетворенные отрицанием Фрейдом динамической силы эго, более поздние авторы-психоаналитики, в частности Френч и Хендрик¹¹³, приписывали эго большую *движущую силу*. Оно является субъектом, который планирует, который стремится совладать с конфликтами, так же как и утихомирить их. Один из аналитиков, Хайнц Хартманн, существенно разошедшийся с Фрейдом, считает, что «адаптация к реальности, которая включает господство над ней, исходит в значительной степени от эго и, в частности, от той части эго, которая свободна от конфликта, и направляется она организованной структурой функций эго (таких как интеллект, восприятие и т. д.), которые существуют по своим собственным правилам и оказывают независимым воздействием на разрешение конфликтов»¹¹⁴. Для таких авторов эго-идеал уже не является, как для Фрейда, пассивным отражением суперэго, которое, в свою очередь, мыслится как простое наследство родителей. Эго через свои идеалы проникает в будущее, становится исполнителем, планировщиком, борцом.

Эго как «борец за цели». В этом случае мы переносимся с помощью некоторых более современных психоаналитиков в позицию, неотличимую от позиций Мак-Дугалла или Джеймса в его наиболее телеологических аспектах. Для Мак-Дугалла самоуважение выступает хозяином и контролирующим чувством, в чьих интересах функционируют все остальные чувства¹¹⁵. Фразу «борец за цели» я заимствовал у Джеймса¹¹⁶, который в своей концепции *Я* отстаивал порой отчетливо динамические и персоналистские взгляды.

Целевой взгляд на эго может быть связан с постулатом Коффки о том, что всегда есть активная «сила, которая направляет эго свыше»¹¹⁷. Та же позиция представлена в тех вариантах динамической психологии, которые признают рабское подчинение биологических потребностей одной центральной потребности эго-удовлетворения. Одно из наиболее сильных выражений этой точки зрения обнаруживается в «Человеческой природе в свете психопатологии» Гольдштейна¹¹⁸.

¹¹² Freud S. The ego and the id / Trans. by J. Riviere. London: Hogarth Press, 1927. <Рус. пер.: Фрейд З. *Я и Оно* // Фрейд З. Психология бессознательного. М.: Просвещение, 1989. С. 425–439.>

¹¹³ French R. M. Some psychoanalytic applications of the psychological field concept // Psychoanalytic Quarterly. 1942. Vol. 11. P. 17–32; Hendrick I. Instinct and the ego during infancy // Ibidem. P. 33–58.

¹¹⁴ Hartmann H. Ich-psychologie und Anpassungsproblem // Internationales Zeitschrift für Psychoanalyse. 1940. Bd. 21. S. 214.

¹¹⁵ McDougall W. The energies of men. N. Y.: Scribner, 1933. P. 383.

¹¹⁶ James W. Principles of psychology. N. Y.: Holt, 1890. I. P. 141. <Рус. пер.: Джеймс В. Научные основы психологии. СПб.: С.-Петербург. Электротпечатня, 1902.>

¹¹⁷ Koffka K. Op. cit. P. 670.

¹¹⁸ «Исходя из нашего обсуждения, я убежден, что мы никоим образом не вынуждены предполагать существование специфических влечений... Они являются специальными реакциями в особых ситуациях и представляют собой различные формы, с помощью которых организм как целое выражает себя... Традиционный взгляд постулирует различные влечения, которые выходят на передний план при определенных условиях. Мы признаем только одно влечение, влечение к самоактуализации, но вынуждены допустить, что при определенных условиях склонность к актуализации одной какой-то возможности настолько сильна, что организм управляется ею» (Goldstein K. Human nature in the light of psychopathology. Cambridge: Harvard University Press, 1940. P. 144f.).

Эго как поведенческая система. Несмотря на постулат о «силе, которая направляет эго свыше», позиция Коффки менее динамична, чем только что описанная. Он говорит, что эго – это только одна отдельная система внутри гомогенного поля. Большая часть поведения осуществляется без отношения к эго. Не все восприятие, не все действия, не все эмоции и не все сознание связаны с эго-системой. Границы эго в зависимости от времени изменяются в широких пределах и, в определенных обстоятельствах, эго действует как система, которая детерминирует течение событий, как это делает, согласно гештальттеории, любая другая динамическая система. Но большую часть времени поведение свободно от воздействия эго-системы.

Более влиятельной – благодаря своей экспериментальной плодотворности – оказалась трактовка этого вопроса Левином¹¹⁹. Хотя он редко использует термин эго, он также принимает во внимание центральную подсистему внутри личности. Не все поведение связано с эго, но многие из экспериментально полученных результатов могут быть объяснены только ссылкой на специальный тип напряжения, которое существует, когда «вовлечено» эго. Совершенно очевидно, что меняющийся уровень притязаний является феноменом эго-напряжения. Насыщение, замещение, инкапсуляция, сопротивление, ирреальность и силовое поле – все это левиновские понятия, характеристики которых представляют различные свойства эго-напряжений¹²⁰.

Ясно, что Левин в не меньшей степени, чем Коффка, хочет избежать представления об эго как единой целостности и предпочитает рассматривать эго как варьирующий набор сил, которые пробуждаются всякий раз, когда личность вступает в некоторые новые и возможно опасные отношения с окружающей средой.

Эго как субъективная организация культуры. В последние годы, как всем известно, происходило сближение психологии, психоанализа и социальной антропологии. В результате этого симбиоза создана новая концепция эго. Образ себялюбивого и несоциализированного эго, завещанный нам Штирнером и Ле Дантеком, был расширен. Шериф, например, обращает внимание на то, что хотя эго не является «генетической психологической формацией», оно приобретает ребенком под непрерывным воздействием со стороны родителей, учителей и товарищей, и в результате эго «состоит главным образом из социальных ценностей»¹²¹. Так как процесс сегрегации эго в детстве преимущественно достигается приобретением ребенком имени, статуса, кодекса поведения, социального чувства вины и социальных стандартов для вынесения суждений, Шериф заключает, что эго является не чем иным как социальной частью человека¹²². Эта авторская позиция экстремальна. Ведь если эго является не чем иным, как «социальным в человеке», непонятно, как называть все антисоциальные импульсы и стремления, которые обычно именуют *эгоистическими*?

Взгляд Кантрила сходен, но менее экстремален, чем взгляд Шерифа. Кантрил допускает, что «человеческое эго и, следовательно, тот способ, каким он себя рассматривает, вовсе не всегда полностью определяются окружающей культурой»¹²³. Но то, что индивид относит к самому себе, несомненно, большей частью социально детерминировано. Когда срывают национальный флаг, *он* оскорбляется; когда делают презрительные замечания о его родителях, *он* вмешивается; когда его кандидат на выборах проигрывает, *он* терпит поражение.

¹¹⁹ Lewin K. Principles of topological psychology. N. Y.: McGraw-Hill, 1936. P. 181.

¹²⁰ Особенно убедительны данные Левина, относящиеся к различиям между национальностями в относительной легкости «включения» эго. Так, американец менее насторожен, менее обидчив, менее сдержан, чем немец, поскольку границы немецкого эго лежат ближе к «поверхности». Он защищается от фамильярности и вторжений, тогда как американец ведет гораздо более «публичную» жизнь и защищает только «сердцевину» своей личной жизни от пристальных публичных взглядов (Lewin K. Some social-psychological differences between the United States and Germany // Character and Personality. 1936. Vol. 4. P. 265–293 [Рус. пер.: Левин К. Разрешение социальных конфликтов. СПб.: Речь, 2000. С. 106–147]).

¹²¹ Sherif M. The psychology of social norms. N. Y.: Harper, 1936. P. 179.

¹²² Ibidem. P. 186.

¹²³ Cantril H. The psychology of social movements. N. Y.: Wiley, 1941. P. 44.

Подчеркивая культурное содержание эго, эти авторы фактически ликвидируют искусственное фрейдистское различие между эго и суперэго. Они также спасают эго от антисоциального солипсизма Штирнера и Ле Дантека и делают из него социализированного субъекта, готового войти в качестве интегрированной части в сложные отношения социальной жизни.

В этом беглом историческом обзоре я пропустил многих авторов, внесших свой вклад в литературу по эго. Тем не менее я уверен, что указал главные способы, которыми до сих пор представляли эго, – а именно, как субъект познания, как объект познания, как первичный эгоизм, как доминирующую силу, как пассивного организатора и рационализатора, как борца за цели, как одну из многих сегрегированных поведенческих систем и как субъективную структуру социальных ценностей.

Немедленно возникает вопрос, имеют ли эти восемь употреблений термина эго что-нибудь общее, или, как это часто случается, использование одного термина запутывает совершенно различные проблемы. Эго как субъект познания и как стремление к статусу – это одно и то же? Является ли *Я* как объект познания в то же время борцом за цели? Имеет ли эго-система, предложенная Коффкой, какое-нибудь родство с эго Фрейда, которое пытается улучшить ид через осознание?

На эти вопросы пока нельзя ответить. Мы не можем сказать, отражают ли эти восемь концепций несовместимые теории, или незаметно переходят одна в другую, или все они в конце концов подчинятся одной теории эго, включающей в себя другие.

В пользу последней возможности говорят новые экспериментальные исследования, которые, если я не ошибаюсь, дают поддержку нескольким из этих концепций одновременно. *Эксперименты сходятся на одном общем открытии, а именно на том, что эго-вовлеченность или ее отсутствие создают важное различие в человеческом поведении.* Когда человек реагирует в нейтральной, безличной, рутинной атмосфере, у него одно поведение. Когда он ведет себя лично, порой возбужденно, серьезно относясь к заданию, его поведение совсем иное. В первом случае эго не вовлечено, во втором случае вовлечено. И я убежден, что в большинстве экспериментов, о которых я расскажу, обнаруживается, что эго действует в нескольких, если не во всех из восьми качеств, которые я перечислил. Другими словами, *эго-вовлеченность* является, как подразумевает это словосочетание, условием тотального участия *Я* – как субъекта познания, как организатора, как наблюдателя, как искателя статуса и как социализированного существа. Итак, экспериментальные свидетельства.

Экспериментальные свидетельства

Общее и специфическое. Несколько лет назад я обнаружил, что втянулся в дискуссию вокруг проблемы личности. Некоторые экспериментаторы заявляли, что их находки демонстрируют ситуационную специфичность человеческого поведения. Например, ребенок, честный в одной ситуации, окажется нечестным в другой¹²⁴, человек, уверенный в одном суждении, усомнится в другом¹²⁵. Целые книги были написаны в защиту специфичности¹²⁶. Другие исследователи, пользовавшиеся другими методами, обнаружили, что человек, честный в одной ситуации, будет честным в другой¹²⁷; человек, уверенный в одном суждении, будет уверенным в другом¹²⁸; и целые книги были написаны в защиту общего¹²⁹. Это было приятное сражение,

¹²⁴ Hartshorne H., May M. Studies in deceit. N. Y.: Macmillan, 1928.

¹²⁵ Trow W. C. The psychology of confidence // Archives of Psychology. 1923. № 67.

¹²⁶ Symonds P. M. The nature of conduct. N. Y.: Macmillan, 1928.

¹²⁷ MacKinnon D. W. Violation of prohibitions // Explorations in personality / Ed. by H. A. Murray. N. Y.: Oxford University Press, 1938. P. 491–501.

¹²⁸ Johnson D. M. Confidence and speed in two-category judgment // Archives of Psychology. 1939. № 241.

пока оно длилось. Появился арбитр, миротворец по своему темпераменту, – его имя было Гарднер Мэрфи, – и предложил компромисс. «Честность, – внушал он, – это или общая характеристика, или набор специфических привычек, в зависимости от ваших интересов и того, что вы подчеркиваете»¹³⁰. Мэрфи был прав, но до недавнего времени решающий интерес и критический акцент не были ясны, по крайней мере, для меня. Моим собственным запоздалым инсайтом я обязан эксперименту Клейна и Шенфелда¹³¹.

Эти исследователи предложили группе испытуемых серию ментальных тестов при двух условиях эксперимента. В первом случае атмосфера была нейтральной, скучной, *эго-невовлеченной*. Исполнители были просто лабораторными испытуемыми, повторяющими рутинные движения. После каждого из шести тестов от них требовали оценить уровень ощущаемой ими уверенности в точности своего исполнения. У каждого индивида степень последовательности в этих оценках уверенности была невелика.

После перерыва был задан второй, эквивалентный набор тестов. В этот раз атмосфера была заметно изменена. Испытуемые были помещены в более напряженную ситуацию; им было сказано постараться, поскольку результаты этих тестов «на интеллект» пойдут в зачет их учебных результатов в колледже. В этой серии тестов оценки уверенности были заметно более согласованными. Студент, который ощущал уверенность в одном тесте, ощущал уверенность и в остальных пяти, студенту, которому не доставало уверенности в одном из действий, обычно не доставало уверенности и в других действиях. Авторы заключают, что уверенность является личностной чертой, *когда эго вовлечено*, но она специфична для каждой ситуации, когда на кону не стоит серьезный интерес.

Этот эксперимент породил необходимую гипотезу для разрешения длительного спора: когда есть эго-вовлеченность – есть общие черты, когда нет эго-вовлеченности – нет общих черт.

Из совершенно различных источников поступают свидетельства в пользу того же самого эффекта. В связи с проведенными ею исследованиями Служба исследования общественного мнения обнаружила, что *интенсивность* чувства сопутствует *согласованности* во мнениях¹³². Например, в эру до Перл-Харбора было обнаружено, что наиболее интенсивно склонялись к помощи Британии те, кто вообще в целом одобрял все виды и варианты интервенционистских предложений. С другой стороны, те, кто был равнодушен в вопросе помощи Британии, были гораздо более непоследовательными и специфичными в своих ответах. Иногда они давали интервенционистские, а иногда изоляционистские ответы. Между шкалой интенсивности и обобщенности установки был получен коэффициент корреляции +0,63.

Суждение. Эли Маркс работал с суждениями о цвете кожи среди негров. Он обнаружил, что они являются отчасти функцией объективной шкалы, а отчасти функцией эгоцентрической шкалы. Негров с кожей среднего цвета негры со светлым цветом кожи обычно оценивали как темных, а негры с более темным цветом кожи – как светлых¹³³. Десятилетиями психофизики занимались суждениями об оттенках как о функции длины волны, но Маркс прояснил, что суждения об оттенках могут быть также функцией ощущаемого социального статуса. Длина волны воспринимается чувствительной сетчаткой, но не меньше она воспринимается чувствительным эго.

¹²⁹ Allport G. W. Personality: a psychological interpretation. N. Y.: Holt, 1937.

¹³⁰ Murphy G., Jensen G. Approaches to personality. N. Y.: Coward-McCann, 1932. P. 385.

¹³¹ Klein G. S., Schoenfeld N. The influence of ego-involvement on confidence // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1941. Vol. 36. P. 249–258.

¹³² Cantril H. Gauging public opinion. Princeton: Princeton University Press, 1943. Ch. 3.

¹³³ Marks E. Skin color judgments of Negro college students // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1943. Vol. 38. P. 370–376.

В сфере простых прогностических суждений в опросах общественного мнения 1940 года было обнаружено, что среди людей, которые твердо поддерживали Уилки, 71 % предсказывал, что он выиграет выборы; из тех, кто слабо поддерживал Уилки, только 47 % считали так¹³⁴. Предполагая, что интенсивность отношения указывает на эго-вовлеченность, мы обнаруживаем здесь явную количественную демонстрацию того, что 24 %-е различие в числе предсказаний возникает, когда задействованы эго-области личности. Скорее всего, желания эго являются лишь одним из факторов в прогностических суждениях, но при определенных условиях они могут стать решающим фактором.

Исследование опросов обнаружило также другой факт, касающийся суждений. Если вы просите респондентов сказать вам лично, что они думают о британцах, или о каком-нибудь национальном меньшинстве в нашей стране, или даже об их собственном образовательном уровне, вы получаете одну группу результатов; но если вы просите их написать ответы на те же самые вопросы в частном порядке и опустить ответы в запечатанный ящик, средние результаты, которые вы получите, будут значительно отличаться¹³⁵. Это различие между открытым и тайным выражением мнения кажется существенным, только когда ответы могут поставить под угрозу чувство статуса респондента или повлиять на его престиж в глазах интервьюера. Этой разницы вполне достаточно, чтобы оправдать использование тайного голосования всякий раз, когда задаются вопросы того типа, которые могут подвергнуть человека унижению.

Суждения, касающиеся *Я* человека, весьма интересны для изучения. Например, мы знаем, как неточны люди в оценке своего собственного экономического статуса. Почти все предпочитают не замечать объективных свидетельств и идентифицировать себя с верхушкой среднего класса¹³⁶. Нам известно кое-что об искажениях, которые возникают, когда люди сообщают о своих личных чертах. Френкель-Брунстик обнаружила, что самозащитные искажения столь мощны, что ее испытуемые пропускали, оправдывали или полностью выворачивали наизнанку факты в описаниях собственных недостатков¹³⁷. Хотя банально указывать на то, что все психологи знают очень хорошо, – что недостаток объективности является правилом, когда вовлечено наше эго, однако не банально будет отметить, что сделано очень мало работ, посвященных степени и природе искажений, или тому любопытному и важному вопросу, почему некоторые личности достигают объективности даже в условиях крайней эго-вовлеченности. Казалось бы, достичь понимания становится все сложнее и сложнее по мере приближения к внутренним областям личности. И тем не менее некоторые индивиды совершают замечательные подвиги самообъективности. Почему они преуспевают, а другие терпят неудачу?

Память. Благодаря Бартлетту мы знаем, как культурные схемы изменяют следы нашей памяти¹³⁸. Это, конечно, пример подспудного воздействия этноцентрического контекста. Но внутри любой данной культуры можно вывести поразительные усилия памяти из эгоцентрического контекста.

Эдвардс продемонстрировал, что если содержание памяти не вписывается с комфортом в контекст эго-вовлеченности, оно подвергается искажениям до тех пор, пока этого не удастся достичь. Отобрав три группы студентов с разным отношением к «Новому курсу» Рузвельта (одобрительным, нейтральным или отрицательным), он, во-первых, прочитал им десятиминутный фрагмент, содержащий отношение «Нового курса» к коммунизму. Испытуемые знали, что они тестировались на точность запоминания.

¹³⁴ Cantril H. Gauging public opinion. Princeton: Princeton University Press, 1943.

¹³⁵ Ibidem. Ch. 5.

¹³⁶ Ibidem.

¹³⁷ Frenkel-Brunswick E. Mechanisms of self-deception // Journal of Social Psychology. 1939. Vol. 10. P. 409–420.

¹³⁸ Bartlett F. C. Remembering: a study in experimental and social psychology. Cambridge, England: Cambridge University Press, 1932.

«Немедленно после прочтения испытуемым был предложен тест на узнавание со множественным выбором, содержащий 46 вопросов, заданных испытуемым. На половину, или 23 вопроса теста, в прочитанном фрагменте содержались ответы благоприятного плана для «Нового курса», на 23 содержались ответы неблагоприятные. Вопросы теста предлагали возможности для рационализации ответов, если верный ответ противоречил отношению отвечающего. Испытуемые повторно были опрошены через интервал в 21 день.

Дисперсионный анализ данных показал, что рационализация была прямо связана со степенью конфликта между верным ответом и контекстом личного отношения наших испытуемых. В общем результаты продемонстрировали, – как и многие другие исследования, – что почти невозможно ожидать объективности и точности в восприятии, обучении, запоминании, мышлении и т. д., когда задействованы эго-вовлеченные контексты»¹³⁹.

Здесь можно также сослаться на эксперименты Циллига по припоминанию, которые продемонстрировали, что испытуемые мужского пола вспоминают меньше афоризмов, благоприятных для женщин, чем для мужчин¹⁴⁰. Или на исследование Уотсона и Хартманна, касающееся искажений теологических аргументов при припоминании, в зависимости от приверженности субъекта атеизму или теизму¹⁴¹. Или на изобретательную демонстрацию Уолленом того, что через некоторый промежуток времени люди вспоминают оценки своей собственной личности так, что они согласуются с их собственными предвзятыми мнениями о себе¹⁴².

Левайн и Мэрфи продемонстрировали, что симпатизирующие коммунистам легче вспоминают прокоммунистические, чем антикоммунистические тексты¹⁴³. Более того, они забывают враждебные тексты быстрее и более полно, чем благожелательные. У антикоммунистов эффект прямо противоположный. Авторам блестяще удалось продемонстрировать в одном эксперименте, что как научение, так и забывание являются функциями политической эго-идентичности.

Система координат. Некоторые из исследований, о которых я упоминал, были проведены в связи с тем, что их авторы называют «системой координат» (frame of reference). Система координат, по-видимому, означает *некоторую пространственно-временную или культурную ориентацию, которая связывает между собой многие индивидуальные установки, привычки и суждения и влияет на формирование новых суждений, установок и привычек*. Общее благожелательное отношение к «Новому курсу» будет, согласно Эдвардсу, детерминировать конкретное припоминание вопросов из речей, относящихся к «Новому курсу»¹⁴⁴. Общая ориентация в отношении разных иных вопросов, как показал Селлз, будет воздействовать на наши логические рассуждения во всем, что с ними связано¹⁴⁵.

Важно отметить, что не все системы координат являются эго-вовлеченными. Если я легко нахожу Девятую авеню или Восточную Двенадцатую улицу, – это потому, что у меня в памяти географическая система координат Нью-Йорк Сити. В моем случае эта пространственная ориентация вовсе не является эго-вовлеченной. Я этим хочу сказать, что исследование систем координат – не обязательно исследование проблемы эго-вовлеченности. Многие культурные системы, имеющие дело с языком, этикетом или одеждой, детерминируют наше восприятие,

¹³⁹ Edwards A. L. Rationalization in recognition as a result of a political frame of reference // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1941. Vol. 36. P. 234.

¹⁴⁰ Zillig M. Einstellung und Aussage // Zeitschrift für Psychologie. 1928. B. 106. S. 58–106.

¹⁴¹ Watson W. S., Hartmann G. W. Rigidity of a basic attitudinal frame // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1939. Vol. 34. P. 314–336.

¹⁴² Wallen R. Ego-involvement as a determinant of selective forgetting // Ibidem. 1942. Vol. 37. P. 20–39.

¹⁴³ Levine J. M., Murphy G. The learning and forgetting of controversial material // Ibidem. 1943. Vol. 38. P. 507–517.

¹⁴⁴ Edwards A. L. Political frames of reference as a factor influencing recognition // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1941. Vol. 36. P. 34–50.

¹⁴⁵ Sells S. B. The atmosphere effect: an experimental study of reasoning // Archives of Psychology. 1936. № 200.

нашу память, наше поведение, но их влияние не ощущается как относящееся к личности. Маргарет Мид выразила удивление (с антропологической точки зрения) странным обычаем американцев появляться на ее лекциях одетыми; но для большинства из нас этот причудливый обычай не связан с эго, по крайней мере до тех пор, пока он действует.

Кроме того, интересное открытие было сделано во время второй мировой войны. Определенные культурные системы, которые прежде были индифферентными, внезапно стали остро личностными. Вероятно, ни одного жителя Эльзаса не волновала билингвистическая система координат, пока нацисты не издали указ, что следует говорить только по-немецки, и что только германизированные имена и надписи должны появляться на могильных плитах. Двухязычие всегда считалось само собой разумеющимся, но когда эта знакомая, привычная система была подавлена и атакована, она приобрела центральное значение, и люди среагировали на этот указ как на личное оскорбление. Многие из нас обнаруживали, что ранее индифферентные системы координат, например наши конституционные гарантии, прежде считавшиеся само собой разумеющимися, внезапно стали эго-вовлеченными, и, обнаружив их под угрозой, мы защищаем их так, словно они стали частью наших физических тел. Представьте, что нам запретили бы говорить на английском языке. Как бы мы взбесились! То, что всегда было простой этноцентрической системой координат, немедленно стало бы эго-вовлеченным.

И этноцентрическая, и эгоцентрическая системы воздействуют на наше поведение, а при определенных условиях этноцентрическая система переживается также как эгоцентрическая. Но, я думаю, было бы ошибкой смешивать понятие эго с понятием социуса (или культурной части нашей личности), как это делает Шериф. В нормальных социальных условиях только относительно небольшая часть нашей культуры затрагивает эго.

Обучение. Наиболее объемным и наиболее сложным разделом психологии – никто не будет этого отрицать – является раздел, посвященный обучению. Ежегодник Национального общества по изучению образования 1942 года полностью посвящен этому предмету. Но тщетно искать на его 463 страницах какого-либо упоминания эго и почти тщетно – какого-либо признания значимости *интереса*. Правда, обнаруживаются случайные замечания о том, что «учитель, который пренебрегает простым, но могучим словом похвалы, рискует»¹⁴⁶, но потенциальная значимость таких замечаний для теории обучения оказывается упущенной из виду.

Клинические, педагогические и индустриальные психологи знают, что первое правило всей прикладной психологии состоит в том, что каждому ребенку и каждому взрослому требуется некоторый опыт успеха и социального одобрения. Джон И. Андерсон советует учителю выходить далеко за рамки своего направления, если требуется обнаружить область, в которой эти чувства могут порождаться. Он добавляет: «Успех в одной области может не только компенсировать неудачи во многих областях; некоторые достижения образуют интеграционный центр, вокруг которого может быть интегрирована личность»¹⁴⁷.

Отметим особо утверждение Андерсона, что «успех в одной области может не только компенсировать неудачи во многих областях». Только в терминах эго-психологии мы можем объяснить такую текущую компенсацию. Психическое здоровье и счастье, по-видимому, не зависят от удовлетворения какой-либо специфической потребности; они зависят скорее от обнаружения *человеком где-нибудь некоторой* области успеха. Именно *эго* должно быть удовлетворено – не влечение к пище, не сексуальное влечение, не материнское влечение, как бы насущны порой ни становились эти отдельные напряжения.

Большинство теорий обучения опираются на предположение о множественных влечениях. Существует отдельное напряжение; организм действует; напряжение снимается; реак-

¹⁴⁶ National Society for the Study of Education, The psychology of learning, Forty-first Yearbook. Part 2. Bloomington: Publ. School Pub. Co., 1942. P. 118.

¹⁴⁷ Ibidem. P. 349.

ция зафиксирована. Согласно этой последовательности часто предполагается, что все влечения одинаково сильно стимулируют обучение. Считается, что удовлетворение любого влечения через принцип поощрения или подтверждения реакции ведет к равной степени научения. Если это так, как мы объясним тот факт, что похвала почти стереотипно оказывается ведущим побуждением в школе, на фабрике и в обыденной жизни? Если мы вообще хотим придерживаться теории множественных потребностей, мы должны по крайней мере допустить, что эго-потребность (или гордость, или желание одобрения – назовите как хотите) главенствует над всеми другими потребностями.

Не только обучение у человека происходит лучше всего, когда используется мотив похвалы и признания, но и индивидуальная *способность* к обучению, похоже, развивается в этих условиях. Каждый психометрист знает, что если он хочет получить реальный IQ, испытуемого надо подбодрить. Инструкции Термана на этот счет хорошо известны: «Ничто не способствует удовлетворительному контакту больше, чем похвала усилий ребенка..... В целом, чем слабее ответ, тем более удовлетворенным им следует казаться..... Следует щедро использовать восклицания типа “прекрасно!”, “восхитительно!” и т. п.»¹⁴⁸.

Другими словами, для того, чтобы максимизировать интеллект ребенка, мы должны максимизировать его эго. Для психологической теории эго – действительно важный факт. Интеллект есть инструмент эго для решения его проблем. Явно несправедливо оценивать интеллект по выполнению заданий, которые не интересны для самого индивида. По этой причине с помощью одобрения надо поощрять испытуемых делать вопросы теста эго-вовлеченными проблемами, которые он может атаковать с максимальной мотивацией. Интеллект есть способность индивида решать значимые для него проблемы.

Чтобы не слишком упростить вопрос, необходимо признать одно неблагоприятное для обучения условие. Слишком интенсивная эго-вовлеченность может быть разрушительной. Обычная интегративная ценность эго-вовлеченности может нарушаться, когда желание или рефлексия достигают такого уровня интенсивности, который приводит к замешательству или излишней тревожности. Никто не обучается и не действует хорошо, когда его автономная нервная система находится в расстройстве. Нам требуется правило, которое поможет нам определить оптимальный уровень эго-вовлеченности, требующийся для повышения эффективности обучения и выполнения задач¹⁴⁹.

Два слова о законе эффекта. Его принципиальный недостаток, я полагаю, вытекает из предположения, что подкрепляемые *реакции* имеют тенденцию повторяться. Многие эксперименты фактически демонстрируют, что подкрепляемые реакции не воспроизводятся слепо всякий раз, когда повторяется соответствующий стимул. Хоппе обратил внимание на то, что в норме люди не стремятся вновь к успешно достигнутой цели¹⁵⁰. На самом деле они повышают свои притязания до той точки, где реально рискуют потерпеть неудачу. Студент, который получает высшую оценку за курс в колледже, не стремится вновь повторить этот курс. Он предпочитает предпринять новые рискованные шаги в той же общей области. И эксперимент Розенцвейга показывает, что выбор повторения успешных действий определенно инфантилен¹⁵¹. Например, задача, однажды решенная, даже если ей сопутствовала вспышка восторга,

¹⁴⁸ Terman L. M. The measurement of intelligence. Boston: Houghton Mifflin, 1916. P. 125.

¹⁴⁹ Одна формулировка требующегося правила предложена Френчем: «Пока напряжение не превышает имеющуюся в наличии энергию интегративных механизмов, до тех пор интегративная мощность целенаправленных стремлений возрастает с ростом напряжения. Но как только напряжение потребности начинает превышать имеющуюся в наличии энергию интегрирующего механизма, эффект растущего напряжения становится противоположным» (French R. M. Goal, mechanisms and integrative field // Psychocom. Med. 1941. Vol. 3. P. 245).

¹⁵⁰ Hoppe F. Erfolg und Misserfolg // Psychologische Forschung. 1930. B. 14. S. 1–62.

¹⁵¹ Rosenzweig S. Preferences in the repetition of successful and unsuccessful activities as a function of age and personality // Journal of Genetic Psychology. 1933. Vol. 42. P. 423–441.

более не привлекает зрелого индивида. Он хочет завоевывать новые миры. Вознаграждение может принести только пресыщение и скуку.

Ошибка, повторяю, заключена в положении о подкреплении *реакции*. Закон эффекта был бы ближе к истине, если бы он гласил, что *человек*, получив подкрепление, использует свои прошлые успехи таким образом, который может, по его мнению, принести ему удовлетворение в *будущем*. Израэли показал, что, за исключением явных психопатов, люди гораздо больше заинтересованы в своем будущем, чем в своем прошлом¹⁵². Поскольку это так, прошлые действия индивида значат для него мало или совсем ничего. Он займется повторением успешного действия, только если это послужит эго. Чаще он выбирает варьирование и усовершенствование своего поведения, чтобы почувствовать, что он растет в направлении к новым успехам в будущем.

Я подозреваю, что связь между успехом и повторением гораздо теснее в случае эго-невовлеченного поведения, чем в случае поведения эго-вовлеченного. Снова и снова я использую те же самые моторные комбинации в печатании на машинке, в вождении машины, в переговорах с торговцами. Это вполне успешные действия, почему я должен изменять их? Но я не воспроизвожу заново успешную исследовательскую работу; я не повторяю доставившую удовольствие беседу с другом; я не ставлю вновь ту же самую цель в эксперименте на уровень притязаний. Эго-вовлеченные задания часто требуют изменяющихся целей и новых реакций. Наверное, подкрепляемое поведение становится стереотипным только у низших животных, или в человеческой деятельности такого рутинного свойства, что она не затрагивает эго.

Подведем итог обсуждению: видимо, чтобы применить закон эффекта к человеческому обучению, мы должны рассматривать его как вторичный по отношению к принципу эго-вовлеченности. Закон эффекта, как и редукция раздражителя, обусловливание, формирование связи и большинство других популярных принципов обучения, были большей частью открыты на животных или на людях, лишенных на срок эксперимента своих эго. Эти принципы могут быть хороши, но когда задействовано эго, они действуют непредвиденным образом. Будем надеяться, что теория обучения будущего не будет в такой степени дистанцироваться от эго.

Мотивация. Возможно, вы думаете: «Но мы всегда знали, что человек должен быть мотивирован для того, чтобы обеспечить реакцию. Имеете ли вы в виду что-то большее, чем важность мотивации?» Да. Я утверждаю, что есть две формы мотивации: одна – эго-вовлеченная, другая – нет, и я пытаюсь, ссылаясь на эксперименты, продемонстрировать существующие между ними различия.

Возьмем, к примеру, работы Хантли и Вулфа о суждениях, базирующихся на записях экспрессивного поведения¹⁵³. Эти исследователи, работая независимо, инструктировали своих испытуемых делать заключения о личности многих людей по их почерку, по записям их голосов, по фотографиям их рук и по их стилю рассказывания историй. Испытуемых мотивировали обычным образом, как всяких лабораторных испытуемых. Внезапно, в середине серий, им были предъявлены образцы их собственного экспрессивного поведения, которое было записано без их ведома. В значительном большинстве случаев испытуемые не распознавали на уровне сознания свои собственные данные и простодушно продолжали свои характеристики. Но что-то происходило. Характеристики начали принимать другую форму. Хотя испытуемый был абсолютно неосведомлен о том, что определенное экспрессивное проявление принадлежит ему самому, он в общем давал ему гораздо более благоприятную оценку, чем сходным записям других испытуемых. Иногда он давал ему пристрастно неблагоприятную оценку. Практически никогда он не давал ему индифферентную оценку. Его могли не затрагивать записи других

¹⁵² Israeli N. The social psychology of time // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1932. Vol. 27. P. 209–213.

¹⁵³ Huntley C. W. Judgments of self based upon records of expressive behavior // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1940. Vol. 35. P. 398–427; Wolff W. Selbstbeurteilung und Fremdbeurteilung im wissentlichen und unwissentlichen Versuch // Psychologische Forschung. 1932. Bd. 16. S. 251–329.

людей, но не собственные. Когда испытуемый наполовину осознавал, что это, возможно, его данные, его суждения становились еще более пристрастными. Когда же он полностью распознавал свою собственную запись, его социальное чувство скромности брало верх, и суждения возвращались на уровень невовлеченности.

В этих экспериментах мы обнаружили особенно четкое проявление того факта, что эго-вовлеченные системы могут действовать полностью подспудным образом, очень сильно влияя на суждения без осознания испытуемым причин этого. Эксперименты также доказали, что порог эго-вовлеченности ниже, чем порог самоопознания, – интересная находка, которая еще раз предупреждает нас, что сознательный самоотчет и интроспекция никогда не будут достаточными для исследования действий эго-системы. Но для наших нынешних целей важно отметить, что рутинная мотивация к исполнению задания – это одно, а эго-заряженная мотивация – совсем другое. Рутинные мотивы приносят один набор результатов, эго-мотивы – другой.

Когда мотивация является эго-вовлеченной, а когда нет? Ответ отчасти связан с уровнем возникающей фрустрации. Как мы уже отметили, многие привычные системы координат не ощущаются как затрагивающие личность и не ведут себя как эгоцентрические системы до тех пор, пока их сохранение не оказывается под угрозой. Многие потребности также идут своим путем без участия эго, если им не препятствовать. Но серьезная фрустрация может вызывать озлобление, ревность, собственничество, часто характеризующие эго-вовлеченность. Однако фрустрация отнюдь не всегда производит такой эффект, особенно если человек компенсировал фрустрацию одной потребности успехом в других областях. И дополнительно усложняет ситуацию то, что мы не можем утверждать, что эго-вовлеченность отсутствует, когда нет фрустрации. Многие гладко текущие случаи целенаправленного поведения очевидно являются эго-вовлеченными. Мать ощущает тесную связь со своим ребенком и тогда, когда он в добром здравии, и тогда, когда ее материнская забота сталкивается с фрустрацией. Бизнесмен настолько же поглощен своим предприятием во времена процветания, как и во времена неудач. Давайте скажем тогда, что фрустрация целенаправленного поведения или угроза индивиду в любой форме весьма вероятно должны вовлечь эго-систему, но обычно эта эго-система образована повседневными ценностями, которые выражают значимость жизни для индивида.

Уровень притязаний. История десятилетних исследований этой левиновской проблемы слишком запутана, чтобы проследить ее здесь, но, если я не ошибаюсь, все исследования прямо или косвенно подтверждали первоначальное утверждение Хоппе, что субъект ведет себя таким образом, чтобы поддерживать свое самоуважение на максимально возможном высоком уровне¹⁵⁴. Конечно, многие исследователи вовсе не пользовались понятием эго. Однако, какие бы результаты не были получены, все, кажется, указывает на неизбежность исходной гипотезы Хоппе. Фрэнк, например, обнаружил, что лица, которым были присущи «соревнование с самим собой и осознание социального давления», получали оценку степени расхождения между результатом и целью, которую индивид желает или ожидает достичь, в 3–7 раз больше, чем лица, которые не отличались таким чувством личной вовлеченности в ситуацию. Фрэнк также обнаружил, что эго-вовлеченные испытуемые не изменяют своих оценок при небольших изменениях своих результатов. Они снова и снова повторяют попытки перед тем как изменить свои притязания, подстраивая их под свои способности. Напротив, эго-невовлеченные испытуемые быстро отступают перед реальностью и снижают свой уровень притязаний¹⁵⁵. Мы также знаем, что соперничество – безусловный симптом эго-вовлеченности – обычно порождает подъем и большую последовательность в уровне притязаний¹⁵⁶. Но мы не можем сказать,

¹⁵⁴ Hoppe F. Op. cit.

¹⁵⁵ Frank J. D. Some psychological determinations of the level of aspiration // American Journal of Psychology. 1935. Vol. 47. P. 285–293.

¹⁵⁶ Preston M. G., Bayton J. A. Differential effect of a social variable upon three levels of aspiration // Journal of Experimental Psychology. 1941. Vol. 29. P. 351–369.

что соперничество всегда приносит такой эффект, поскольку тот, кто боится конкуренции, будет последовательно снижать свой уровень притязаний, чтобы избежать риска унижения¹⁵⁷.

Одним словом, оказывается, что всегда существуют требования эго отдельного субъекта, которые детерминируют динамику уровня притязаний. Некоторые испытуемые авантюرنы, некоторые осторожны; их эго требует различных типов удовлетворения, и этот факт неоднократно отражался в результатах экспериментов. Стоит отметить, что исторически уровень притязаний можно рассматривать как дверь, через которую эго вернулось в монастырь академической психологии.

Промышленная психология. Я полагаю, что на большинство из нас произвели впечатление аргументы Ретлисбергера и Диксона¹⁵⁸, Уотсона¹⁵⁹ и других в поддержку того, что работники на производстве – не столько «экономические индивиды», сколько «эго». Кроме всего прочего, работники хотят доверия на работе, интересных заданий, признательности, одобрения и близких отношений со своими работодателями и коллегами. Удовлетворенности этим они хотят даже больше, чем высокой оплаты или безопасности труда. Оценки работодателями запросов рабочих коррелируют почти что на нулевом уровне с сообщениями самих рабочих о своих запросах¹⁶⁰. Работодатель полагает, что оплата и безопасность являются доминирующими желаниями, тогда как в реальности на первом месте стоит эго-удовлетворенность. Насколько иной была бы перспектива нашей экономической жизни, если бы мы обратились к вопросу статуса и самоуважения в промышленности и перепланировали наше индустриальное общество таким способом, который спас бы эго работника от забвения.

Природа эго

В экспериментах, на которые я ссылался, и во многих других экспериментах аналогичной природы обнаружилось, что одна группа испытуемых (те, кто лично взволнован и увлечен заданием) ведет себя в известном смысле совершенно непохоже на другую группу испытуемых (которые не увлечены). В некоторых случаях измеримые количественные различия достигают 50 или 60 %, иногда много больше. В других случаях существуют качественные отличия, которые ускользают от измерений. Таким образом, здесь перед нами некоторый параметр, который ведет к громадным различиям в наших экспериментальных результатах.

Мы видели, что в условиях эго-вовлеченности вся личность проявляет большую последовательность в поведении, она обнаруживает не ситуационную специфичность поведения, а эго генерализованность и согласованность. В области суждений мы видели, как эго-вовлеченность приводит к значимым искажениям обычных психофизических суждений. В области памяти мы обнаружили, что эго-вовлеченное запоминание определенно лучше (хотя иногда может вмешиваться вытеснение или в память проникает рационализация). В области интеллекта мы отмечаем, что эго-вовлеченность необходима, если мы хотим достичь оптимальных результатов. В теории обучения явно необходимы реформы, направленные на то, чтобы признать очевидное влияние эго на приобретение умений и знаний. В области мотивации жажда признания, статуса и оценки оказывается главной, что глубоко влияет на наши концепции, процедуры и политику в производственных отношениях, в образовании и в психотерапии. И это лишь некоторые из операциональных критериев, с помощью которых мы можем продемонстрировать наличие эго.

¹⁵⁷ Frank J. D. Op. cit.

¹⁵⁸ Roethlisberger F. J., Dickson W. J. Management and the worker. Cambridge: Harvard University Press, 1939.

¹⁵⁹ Watson G. Work satisfaction // Industrial conflict: a psychological interpretation / Ed. by G. W. Hartmann. N. Y.: Cordon Press, 1939. Ch. 6.

¹⁶⁰ Ibidem. P. 119.

Несколько психологов, помимо меня, отстаивали то, что эго должно занять более высокое положение в современной психологии. Это делали Коффка, Левин и психоаналитики, а также Мюррей, который различает «перифералистскую» психологию и «централистскую» психологию¹⁶¹. Тезис, сформулированный в книге Роджерса «Консультирование и психотерапия»¹⁶², кажется мне особенно ясным свидетельством того, что эго приобретает признание. Роджерс фактически приглашает консультантов откинуться в кресле и, не пользуясь почти ничем, кроме своевременного «ага», поощрять пациента самого реорганизовать и перепланировать свою жизнь. Эго пациента берет управление на себя. Наверное, уже пора.

Хотя мы адекватно операционально продемонстрировали существование эго, мы еще не занимались сложной проблемой его определения. Выше мы видели, что преобладают восемь концепций. Но всякий раз, когда мы сталкиваемся с эго-вовлеченностью, эго оказывается задействованным в *нескольких* из этих исторических смыслов. К тому же эти исторические концепции, похоже, имеют много общего.

Прежде всего, кажется очевидным, что все эти концепции уже, чем понятие «личность». Все авторы, похоже, согласны в том, что эго – только одна часть, одна область, или, как говорят фрейдисты, один «институт» личности. Многие умения, привычки и воспоминания являются компонентами личности, но редко, если вообще когда-нибудь, становятся эго-вовлеченными. Авторы, пожалуй, согласны также в том, что эго не существует в раннем детском возрасте, постепенно развиваясь по мере того, как ребенок становится способен отделять себя от окружающей его среды и от других людей. Они согласны рассматривать эго как часть личности, которая находится в тесной связи с внешним миром: она ощущает угрозы, возможности и жизненную значимость внешних и внутренних событий. Это та часть личности, которая, так сказать, противостоит миру лоб в лоб. Это контактная область личности. По этой причине она также является конфликтной областью. Кроме того, она не совпадает ни с сознанием, ни с бессознательным, ведь многое из того, что мы сознаем, неважно для нашего эго, а многие неосознаваемые стимулы тихо, но эффективно вовлекают его.

Есть также согласие в вопросе о том, что субъективное чувство эго время от времени сильно меняется, то сжимаясь уже границ тела, то расширяясь далеко за его пределы. Меняется его содержание; в один момент эго оказывается поглощенным одной деятельностью, а вскоре после этого – полностью другой деятельностью. Эта изменчивость, тем не менее, не означает, что стабильная и повторяющаяся структура отсутствует. Наоборот, если вы знаете человека достаточно хорошо, вы обнаружите, что можете вполне успешно предсказать, какие вопросы будут, а какие не будут затрагивать его эго. Многие авторы представляют эго как многослойную структуру. Конечно, существуют разные *степени* эго-вовлеченности: человек может быть пристрастным умеренно или интенсивно.

Пожалуй, есть еще одно свойство эго, которое реже обсуждается, – это эго устремленность в будущее. Вспомним: Израэли сообщает, что среди эго испытуемых более 90 % выражали большую заинтересованность своим будущим, чем своим прошлым¹⁶³. Эту находку стоит подчеркнуть, поскольку, как правило, психологи больше интересуются прошлым человека, чем его будущим. Другими словами, психолог и его испытуемые обычно смотрят в разных направлениях, что прискорбно.

Признание высокого положения эго в психологии не означает реимпорта *deus ex machina*¹⁶⁴ довундтовской психологии. Тем не менее, это означает признание того факта, что

¹⁶¹ Murray H. A. Explorations in personality. N. Y.: Oxford University Press, 1938.

¹⁶² Rogers C. R. Counseling and psychotherapy. Boston: Houghton Mifflin, 1942. <Рус. пер.: Роджерс К. Р. Консультирование и психотерапия. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000.>

¹⁶³ Israeli N. Op. cit.

¹⁶⁴ «Бог из машины» (лат.); развязка вследствие вмешательства непредвиденного обстоятельства (в античной трагедии развязка наступала иногда благодаря вмешательству какого-либо бога, появившегося на сцене при помощи механического

наши предшественники, которые рассматривали психологию как науку о душе, не ошибались, ставя до нас проблему единства и личностной релевантности. То, что они называли душой, мы можем сейчас с чистой совестью назвать эго. Это не будет следованием устаревшим идеям. Диалектика уже уступила дорогу эксперименту, клинике и еще более новым методам изучения обыкновенного человека в его нормальном социальном окружении.

Но, безотносительно к проблемам метода, которые лежат за пределами этого очерка, мы можем спокойно предсказать, что эго-психология в двадцатом веке будет неуклонно расцветать. Ведь только с ее помощью психологи могут примирить человеческую природу, которую они изучают, с человеческой природой, которой они служат.

Тенденция в мотивационной теории¹⁶⁵

Мотивационная теория сегодня, похоже, следуя по пути научного прогресса, делает поворот. Пытаясь охарактеризовать это изменение направления, я хочу уделить особое внимание проблеме психодиагностических методов, поскольку успехи и неудачи этих методов могут нам многое рассказать о психодинамической теории.

Начнем с вопроса, почему проективные методы столь популярны как в диагностической практике, так и в исследованиях. Ответ, я думаю, обнаружится в истории развития мотивационной теории за последнее столетие. Все главные факторы направляли ее развитие в одну сторону. Шопенгауэр, с его доктриной главенства слепой воли, не питал уважения к интеллектуальным рационализациям, придумываемым для объяснения своего поведения. Он был уверен, что мотивы нельзя принимать за чистую монету. За ним следовал Дарвин со столь же антиинтеллектуальным акцентом на изначальной борьбе. Мак-Дугалл усовершенствовал дарвиновское подчеркивание инстинкта, совместив в своей идее *гормэ* дух шопенгауэровской воли, дарвиновской борьбы за существование, бергсоновского порыва и фрейдовского либидо. Все эти авторы были иррационалистами, уверенными, что нужно искать генотипы, лежащие в основе мотивации, а не поверхностные фенотипы. Все они противостояли наивному интеллектуализму своих предшественников, а также рационализациям оправдывающих себя смертных, вынужденных объяснять свое поведение. Среди этих иррационалистов, доминировавших в западной психологии последние сто лет, Фрейд, конечно, был главной фигурой. Он, подобно другим, чувствовал, что истоки поведения могут быть скрыты от луча сознания.

В дополнение к иррационализму современная динамическая психология выработала другой опознавательный знак: генетизм. Решающая роль приписывается первичным инстинктам, заложенным в нашей природе, а если не им, то переживаниям раннего детства. Здесь лидирующая нединамическая школа мысли – психология стимула – реакции – объединяет свои силы с генетизмом. Теоретики стимула – реакции согласны с инстинктивистами и психоаналитиками в рассмотрении мотивов взрослых как обусловленных, подкрепленных, сублимированных или иным образом отредактированных вариантов инстинктов или желаний, или *ид*, структура которого, как утверждал Фрейд, «никогда не меняется».

Ни одна из этих господствующих теорий мотивации не принимает во внимание существенную трансформацию мотивов в ходе жизни. Мак-Дугалл прямо отрицал эту возможность, утверждая, что наша мотивационная структура заложена раз и навсегда в нашем арсенале инстинктов. Новые объекты могут быть привязаны к инстинктам через обучение, но мотивирующая сила всегда та же самая. Позиция Фрейда была, в сущности, идентичной: концепция сублимации и сдвига катексиса на другие объекты объясняет в основном все видимые изменения. Психология стимула – реакции сходным образом привязана к предположению о дистанционном управлении, действующем из прошлого. Мы реагируем только на объекты, которые ассоциируются с первичными желаниями в прошлом, и лишь пропорционально степени, в которой наши реакции в прошлом были вознаграждены или удовлетворены. С точки зрения стимула – реакции вряд ли можно сказать, что индивид *пытается* что-нибудь сделать, – он просто *реагирует* сложной совокупностью привычек, которые каким-то образом были вознаграждены в позапрошлом году. Преобладающее суждение, что мотивация всегда связана со «снижением напряжения» или «поиском равновесия», соответствует этой точке зрения, но, полагаю, недостаточно соответствует всем известным фактам.

¹⁶⁵ Впервые опубликовано в 1953 г. Печатается по изданию: Allport G. Personality and Social Encounter: Selected essays. Chicago: University of Chicago Press, 1960. P. 95–109.

Вся эта теоретическая атмосфера породила своеобразное презрение к «психической поверхности» жизни. Сознательные самоотчеты индивида отвергаются как не заслуживающие доверия, а сила его актуальных мотивов игнорируется в угоду прослеживанию давних истоков формирования его поведения. Индивиду больше не доверяют. И в то время как он проводит свою жизнь в настоящем, устремляя ее вперед, в будущее, большинство психологов заняты прослеживанием его жизни назад, в прошлое.

Сейчас легко понять, почему специальные методы, открытые Юнгом (50 лет назад), Роршахом (40 лет назад) и Мюрреем (30 лет назад), были с энтузиазмом приняты и использованы психодиагностами. Ни в коей мере эти методы не были направлены на выяснение у субъекта, каковы его интересы, чего он хочет или что он старается сделать. Не выясняли эти методы прямую и отношение субъекта к его родителям или к авторитетам. Использование этих методов позволяло делать заключения исключительно путем предполагаемых идентификаций. Такой непрямой, скрытый подход к мотивации настолько популярен, что многие клиницисты и многие университетские центры уделяют гораздо больше времени диагностическим методам этого типа, чем любым другим.

Тем не менее иногда клиент может вызвать тревогу у психолога, проводящего проективный тест, давая свои нежелательные сознательные самоотчеты. Рассказывают о пациенте, который заявил, что таблица Роршаха вызвала у него мысли о сексуальных отношениях. Клиницист, подозревая потаенный комплекс, спросил его, почему. «Да потому, – ответил пациент, – что я думаю о сексе все время». Клиницисту едва ли требовалась таблица Роршаха для выявления этого мотивационного факта.

Однако, наверное, правда, что большинство психологов предпочитают определять потребности и конфликты личности путем долгого хождения вокруг. Конечно, каждый, даже невротик, довольно хорошо приспосабливается к запросам, предъявленным ему реальностью. Только в неопределенной проективной ситуации он обнаруживает свои тревоги и незамаскированные потребности. «Проективные тесты, – пишет Стэгнер, – полезнее для диагностических целей, чем реальные ситуации»¹⁶⁶. По-моему, это бескомпромиссное заявление обозначает кульминацию столетней эры иррационализма и, следовательно, недоверия. Неужели субъект не заслуживает доверия?

К счастью, обширное использование проективных методов в настоящее время приносит результаты, которые позволяют нам поместить эту технику в адекватный контекст и скорректировать односторонность теории мотивации, на которой базируется ее популярность.

Для начала рассмотрим исследование военного времени, проведенное с тридцатью шестью людьми, отказавшимися нести воинскую повинность по идейным соображениям, которые в течение шести месяцев жили на полуголодной диете¹⁶⁷. Их диета была настолько строго ограничена, что за эти шесть месяцев в среднем они потеряли четверть веса. Потребность в пище была мучительно велика, их терзал непрестанный голод. Когда они не были заняты лабораторными или другими заданиями, то думали о еде почти постоянно. Типичные мечты описывались одним из них так: «Сегодня у нас будет меню номер один. Ого, похоже, это самое скудное меню. Как мне быть с картошкой? Если я буду есть ее ложкой, я смогу добавить больше воды... Если я буду есть немного быстрее, еда останется теплой дольше – а я люблю теплую еду. Но тогда она кончается слишком быстро». Так вот, любопытно, что пока эти люди явно мучались от своего влечения к еде и вся их энергия, казалось, направлялась на его осуществление, в проективных тестах эта потребность проявлялась слабее. Исследователи сообщали,

¹⁶⁶ Stagner R. Homeostasis as a unifying concept in personality theory // *Psychological Review*. 1951. Vol. 58. P. 12.

¹⁶⁷ Brozek J., Guetzkow H., Baldwin M. V., Cranston R. A quantitative study of perception and association in experimental semi-starvation // *Journal of Personality*. 1951. Vol. 19. P. 245–264.

что среди примененных тестов (свободных словесных ассоциаций, тест первых букв, анализ сновидений, тест Роршаха и фрустрационный рисуночный тест Розенцвейга) только один дал ограниченное свидетельство озабоченности едой – тест свободных ассоциаций.

Отсюда следует очень важный вывод: *наиболее насущный и всепоглощающий мотив в данный момент жизни абсолютно не поддается обнаружению с помощью непрямых методов.* Однако он был абсолютно доступен для сознательных отчетов. Частично это может быть объяснено тем, что субъекты с готовностью обращались к лабораторным заданиям, чтобы ненадолго забыть свой навязчивый мотив. Они реагировали на проективные тесты какими угодно ассоциациями. Невозможность обнаружить исполнение желаний в их сновидениях озадачивает еще больше. Это вряд ли можно приписать защитным ментальным установкам. Но оба результата наводят на мысль о возможном законе: если мотив не вытеснен, маловероятно, что он отчетливо влияет на восприятие проективного теста и ответы на него. Слишком рано судить, является ли это валидным обобщением, но это – гипотеза, заслуживающая проверки.

Другие исследования голода дают, похоже, подтверждение этой точки зрения¹⁶⁸. Проследившаяся в них тенденция подтверждает, что в проективных тестах количество ассоциаций, явно связанных с едой, как это ни странно, падает с увеличением периода голодания, по видимому потому, что сам мотив постепенно становится полностью сознательным и не вытесняется. Правда, инструментальные ассоциации (упоминание о путях добывания еды) продолжают появляться в словесных ответах испытуемых по мере нарастания голода. Этот факт, тем не менее, вполне совместим с гипотезой, так как, хотя голод полностью осознан, испытуемый в экспериментальной ситуации огражден от поиска удовлетворения и, таким образом, все еще подавляет свои инструментальные тенденции к действию.

Другой обнаруженный ряд свидетельств взят из работ Дж. У. Гетцельса¹⁶⁹. Этот исследователь использовал две формы теста неоконченных предложений: одни формулировались в первом лице, другие – в третьем. Предложенные им пары были такого типа:

Когда они предложили Фрэнку заведование, он...

Когда они предложили мне заведование, я...

Когда Джо встречает человека впервые, он...

Когда я встречаю человека впервые, я...

Конечно, в эксперименте вопросы выбирались в случайном порядке. В целом было по 20 диагностических вопросов каждого типа. Испытуемыми были 65 ветеранов: 25 оценивались как хорошо адаптированные, 40 были психоневротиками, освобожденными от службы по инвалидности, связанной с расстройствами личности.

В результате оказалось, что хорошо адаптированные испытуемые давали *идентичные* ответы, заканчивая предложения в первом и третьем лице. Если мы предположим, что предложения в третьем лице являются «проективным методом», то результаты, полученные с помощью этого метода для хорошо адаптированных испытуемых, почти точно соответствуют результатам прямого опроса от первого лица. С другой стороны, психоневротики в значительной степени варьировали свои ответы. Они говорили одно, когда их спрашивали напрямую (например, «Когда они предложили мне заведование, я согласился»), и другое – при проективных вопросах («Когда они предложили Джону заведование, он испугался»). Формулировка от

¹⁶⁸ Levine R., Chein I., Murphy G. The relation of the intensity of need to the amount of perceptual distortion: a preliminary report // Journal of Psychology. 1942. Vol. 13. P. 283–293; Sanford R. N. The effect of abstinence from food upon imaginal processes // Ibidem. 1936. Vol. 2. P. 129–136.

¹⁶⁹ Getzels J. W. The assessment of personality and prejudice by the methods of paired direct and projective questionnaires. Unpublished thesis. Harvard College Library, Cambridge, 1951.

первого лица является настолько прямой, что у психоневротиков она актуализирует защитную маску и вызывает только конвенционально правильный ответ.

Таким образом, прямые ответы психоневротиков не могут быть приняты за чистую монету. Уровень их защит высок; истинные мотивы скрыты и выдаются только с помощью проективных техник. С другой стороны, нормальные испытуемые отвечают при использовании прямого метода в точности то же самое, что ответили при использовании проективного метода. Ответы все одного качества. Поэтому можно принимать их мотивационные утверждения на веру без дополнительного исследования, так как даже если его провести, существенных отличий не обнаружится.

Эти данные подтверждают предположение, которое мы сформулировали в случае с голодающими испытуемыми. В проективном тестировании раскрывается не хорошо интегрированный испытуемый, осознающий свои мотивации, а, скорее, невротическая личность, чей фасад находится в противоречии с подавленными страхами и внутренней враждебностью.

Тем не менее, между двумя исследованиями существует одно различие. Голодающие испытуемые фактически *избегали* любого обнаружения их доминирующих мотивов в проективных тестах. С другой стороны, хорошо адаптированные ветераны давали в основном ответы *одного и того же* типа как при прямом, так и при проективном тестировании. Возможно, что различная природа тестов, использованных в двух ситуациях, объясняет это различие в результатах. Однако это отличие в деталях не должно отвлекать нас. Важным представляется то следствие из этих исследований, что *психодиагност никогда не должен использовать в исследовании мотивации проективные методы без одновременного использования прямых методов*. Если он не использует прямые методы, то никогда не сможет отличить хорошо интегрированную личность от неинтегрированной. Он также не сможет сказать, существуют ли сильные осознанные потоки мотивации, которые (как в случае с голодающими испытуемыми) совершенно обходят проективную ситуацию.

Результаты исследований выявляют ту тенденцию, что нормальный, хорошо адаптированный и целенаправленный индивид может при проведении проективных тестов делать одно из двух – или предоставлять данные, соответствующие данным сознательного отчета (случай, при котором проективные методы не требуются), или не предоставлять каких бы то ни было свидетельств своих доминирующих мотивов. Только при обнаружении в проективных ответах эмоционально окрашенного материала, противоречащего сознательному отчету или другим результатам прямой оценки, мы убеждаемся в настоящей необходимости проективного тестирования. И нам не удастся узнать, преобладает или нет невротическая ситуация, если мы не используем *оба* диагностических подхода с последующим сравнением их плодов.

Обратимся к диагностике тревожности. Используя различные реакции на таблицы Роршаха и ТАТ, клиницист может сделать заключение о высоком уровне тревожности клиента. Так вот, этот вывод, взятый сам по себе, мало о чем говорит нам. Клиент может быть человеком, добивающимся значительных успехов в жизни, поскольку он использует свою тревожность для действий. Признавая, что он одержим тревогой, беспокойством, стремлением к совершенству, он обнаруживает знание себя и превращает тревожность в ценное качество своей жизни. В этом случае плоды, приносимые проективными методами, соответствуют тому, что дают прямые методы исследования. Проективная техника реально не требовалась, но вреда от ее использования нет. В другом случае (как в случае с голоданием) мы можем обнаружить, что проективные протоколы не обнаруживают тревожности, хотя в действительности имеем дело с человеком, который тревожен, беспокоен и мучается так же, как и наш первый клиент. Объяснение этого может заключаться в том, что он эффективно контролирует свое волнение, причем высокий уровень контроля дает ему возможность блокировать проективные тесты с помощью некоторой ментальной установки, не относящейся к его тревожной природе. Но мы можем также

обнаружить – и здесь проективные методы находят применение, – что внешне мягкий и спокойный индивид, отрицающий какую-либо тревогу, обнаруживает глубокое беспокойство и страх при выполнении проективных тестов. Это – тот тип диссоциированного характера, который проективные тесты помогают диагностировать, хотя этого нельзя сделать, не используя параллельно и прямые методы.

Говоря так часто о прямых методах, я ссылался главным образом на сознательные самоотчеты. Однако спросить человека о его мотивах – это не единственный доступный нам тип прямых методов исследований. Тем не менее, этот метод хорош, особенно для начала.

Начиная изучать мотивы человека, мы стремимся выяснить, что этот человек хочет сделать в своей жизни – включая, конечно, то, чего он старается избежать, и то, чем он пытается быть. Я не вижу причин, по которым мы бы не могли начинать наши исследования, попросив его дать нам ответы на эти вопросы такими, как он видит их. Если вопросы в подобной форме кажутся слишком абстрактными, их можно переформулировать. Особенно показательны ответы людей на вопрос: «Что вы хотели бы делать через пять лет?». Подобные прямые вопросы способны обнаружить тревоги, привязанности или враждебные чувства. Я предполагаю, что большинство людей способны сказать, что они собираются сделать в своей жизни, с высокой степенью валидности, во всяком случае не меньшей, чем средняя валидность существующих проективных методов. Тем не менее, некоторые клиницисты считают ниже своего достоинства задавать прямые вопросы.

Под прямыми методами я имею в виду также стандартные методы «карандаша-и-бумаги», такие как «Список интересов» Стронга и «Изучение ценностей» Олпорта – Вернона – Линдси. Часто случается, что данные, полученные такими способами, не совпадают с тем, что обнаруживается в сознательном отчете испытуемого. Испытуемый, например, может не знать того, что в сравнении с большинством людей его паттерн ценностей, скажем, явно теоретичен и эстетичен или значительно ниже среднего в области экономических и религиозных интересов. Однако окончательный результат, полученный по методике «Изучение ценностей», сам по себе – просто результат суммирования серий отдельных сознательных выборов, которые он сделал в сорока пяти гипотетических ситуациях. Хотя вербальный отчет испытуемого об этой структуре в целом может иметь недостатки, эта структура не только обнаруживает связь со всеми его отдельными выборами, но известно, что в среднем она обладает хорошей внешней валидностью. Люди с определенными паттернами интересов, выясненными с помощью этого теста, действительно делают характерные профессиональные выборы и в своем повседневном поведении действуют таким образом, который очевидно соответствует результатам теста.

Подведем краткий итог: прямые методы включают самоотчеты типа тех, которые извлекаются при помощи тщательного интервьюирования – либо его простой психиатрической разновидности, либо того типа, который используется в профессиональном или личном консультировании или в недирективном интервьюировании. Автобиографические методы, когда они понимаются буквально, также относятся к прямым. Сюда же относятся и результаты такого тестирования, при котором окончательный итог представляет собой сумму или структуру, обобщающую серию сознательных выборов, сделанных испытуемым¹⁷⁰.

¹⁷⁰ Это упрощенное обсуждение прямых и непрямых техник адекватно целям данного обсуждения. Однако психодиагностика требует гораздо более дифференцированной классификации методов, используемых в настоящее время, и «уровней» организации, имеющих в норме у любого. Превосходным началом является предложение Розенцвейга различать три класса методов, которые в принципе соответствуют трем уровням поведения (*Rosenzweig S. Levels of behavior in psychodiagnosis with special reference to the picture – frustration study // American Journal Orthopsychiatry. 1950. Vol. 20. P. 63–72*). То, что он называет *субъективными* методами, требует от человека восприятия себя как прямого объекта обследования (опросники, автобиографии). *Объективные* методы предполагают фиксацию открытого поведения внешним наблюдателем. *Проективные* методы требуют как от обследуемого, так и от наблюдателя «искать иной путь» и строить диагноз на реакциях обследуемого на предположительно «эго-нейтральный» материал. Вообще говоря, субъективные и объективные процедуры, предложенные Розенцвейгом, соответствуют тому, что я здесь назвал прямыми методами, а проективные процедуры – непрямым методом. О-

Модный ныне термин *психодинамика* часто определенно отождествляется с психоаналитической теорией. Проективные техники рассматривают как психодинамические, поскольку думают, что они открывают глубочайшие слои структуры и функционирования. Мы приводили основания для сомнений в достаточности этого предположения. Многие из наиболее динамичных мотивов более точно раскрываются с помощью прямых методов. По меньшей мере, обнаруженное с помощью проективных техник нельзя должным образом интерпретировать без сравнения с тем, что обнаружено прямыми методами.

Приверженцы психодинамики часто говорят, что никакие открытия не имеют ценности, если не исследовано бессознательное. Это изречение мы обнаруживаем в ценной книге Кардинера и Овеси «Знак угнетения»¹⁷¹, касающейся серьезно расстроенных и конфликтных мотивационных систем негров в городах Севера США. Однако, если я не ошибаюсь, с помощью психоаналитического исследования авторы не обнаружили почти ничего, что не было бы очевидным. Барьеры для негров в нашем обществе осознаваемы: нищета, ухудшение отношений в семье, горечь и отчаяние составляют болезненную психодинамическую ситуацию в человеческой жизни, которая при использовании глубинного анализа в большинстве случаев не получает дополнительного освещения.

Значительная часть психодинамических свидетельств, приведенных Кардинером и Овеси, фактически привлечена из прямых автобиографических отчетов. Использование ими этого метода приемлемо, а результаты – очень поучительны. Однако их теория, как мне кажется, не соответствует ни фактически использованному методу, ни полученным результатам. Психодинамика не обязательно является скрытой динамикой.

Это положение хорошо разработано психиатром Дж. Л. Уайтхорном¹⁷², который считает, что психодинамика – это общая наука о мотивации. Ее широким принципам соответствует специфический вклад и находки психоанализа, но сам психоанализ отнюдь не является сутью психодинамики. Уайтхорн настаивает, что правильный подход к психотическим пациентам, особенно к тем, кто страдает шизофреническими и депрессивными расстройствами, осуществляется через такие каналы системы их нормальных интересов, которые остаются открытыми. Основного внимания требует не область их расстройств, а психодинамические системы, все еще служащие прочной и здоровой адаптации к реальности. По словам Уайтхорна, терапевт должен искать, как «активизировать и использовать ресурсы пациента и таким образом помочь ему выработать более удовлетворительный образ жизни с меньшей фиксацией внимания на этих специальных проблемах»¹⁷³.

Иногда мы слышим, что психоаналитическая теория не отдает должного психоаналитической практике. Имеется в виду, что в ходе терапевтического вмешательства психоаналитик посвящает много времени обсуждению с пациентом его очевидных интересов и ценностей. Аналитик с уважением слушает, соглашается, консультирует и советует, заботясь об этих важных и *не* скрытых психодинамических системах. Во многих случаях, как в примерах, приведенных Кардинером и Оверси, мотивы и конфликты принимаются буквально. Таким образом, метод психоанализа в его практическом применении не полностью опирается на формулируемую теорию.

особенно заслуживает внимания утверждение Розенцвейга, что значимость проективных методов (таких как его собственный рисуночный фрустрационный метод) не может быть определена, пока проективные реакции обследуемого не оценены в свете его субъективных и объективных реакций.

¹⁷¹ Kardiner A., Ovesey L. The mark of oppression. N. Y.: Norton, 1951.

¹⁷² Whitehorn J. C. Psychodynamic considerations in the treatment of psychotic patients // University of Western Ontario Medical Journal. 1950. Vol. 20. P. 27–41.

¹⁷³ Ibidem. P. 40.

Ничто из того, что я сказал, не отрицает существования инфантильных систем, тревожащего вытеснения или невротических структур. Не отрицает оно и возможностей самообмана, рационализации и эго-защиты. Моя точка зрения заключается просто в том, что методы и теории, имеющие дело с этими отклоняющимися от нормы состояниями, должны быть помещены в широкий контекст психодинамики. Необходимо допустить, что пациент способен к самопознанию, пока не доказано иное. Если вы спросите у сотни людей, которые направляются к холодильнику за закуской, почему они так поступают, вероятно все ответят: «Потому что я голоден». В девяноста девяти таких случаях мы можем – как бы глубоко ни исследовали – убедиться, что этот простой сознательный ответ является полной правдой. Однако в одном случае наше исследование покажет, что мы имеем дело с компульсивным обжорой, с тучным искателем инфантильной безопасности, который, в отличие от большинства случаев, не знает, что он пытается сделать. Он ищет мира и комфорта, – возможно, грудь своей матери, – а не остаток ростбифа. В этом случае – и в небольшом количестве других случаев – мы не можем принимать за чистую монету ни свидетельства его явного поведения, ни его сообщения об этом.

Фрейд был специалистом именно по тем мотивам, которые не могут быть приняты за чистую монету. Для него мотивация принадлежала сфере *ид*. Сознательную, доступную часть личности, которая занимается прямым взаимодействием с миром, то есть *эго*, он рассматривал как лишенную динамической силы.

К сожалению, Фрейд умер, не успев исправить эту односторонность своей теории. Даже наиболее верные его последователи говорят теперь о том, что он оставил свою психологию эго незаконченной. В последние годы многие из них трудились над тем, чтобы поправить это. Без сомнения, сегодня основное течение в психоаналитической теории движется к более динамичному эго. Эта теоретическая тенденция очевидна в работах Анны Фрейд, Хартмана, Френча, Хорни, Фромма, Криса и многих других. В сообщении Американской психоаналитической ассоциации Крис разъяснил, что попытки ограничить интерпретации мотивации одним лишь *ид* «...отражают существовавшую в прошлом процедуру». Современное отношение к эго не ограничивается только анализом механизмов защиты, а уделяет больше внимания тому, что он называет «психической поверхностью». Современные психоаналитические техники, по его словам, связывают «поверхность» и «глубину»¹⁷⁴. В похожем стиле Рапопорт доказывает, что эго теперь нужно приписать определенную степень подлинной автономии¹⁷⁵.

Чтобы проиллюстрировать эту точку зрения, возьмем любой зрелый психогенный интерес – скажем, религиозное чувство. Трактовка этого предмета Фрейдом хорошо известна. Для него религия по существу является неврозом, формулой персонального бегства. В корне проблемы лежит образ отца. Поэтому нельзя принимать религиозное чувство, существующее у человека, за чистую монету. Более сбалансированный взгляд на проблему мог бы быть таким: *иногда* нельзя принимать это чувство за чистую монету, а *иногда* – можно. Определить может только тщательное исследование индивидуального случая. Если у человека религиозный фактор служит явной эгоцентрической цели – как талисман, объект фанатизма, средство самооправдания, – мы можем заключить, что у него невротический или по крайней мере незрелый склад личности. Этот инфантильный или эскапистский характер не распознается субъектом. С другой стороны, если человек постепенно выработал основополагающую философию жизни, в которой религиозное чувство оказывает общее нормативное воздействие на поведение и делает возможным осмысление жизни как целого, мы заключаем, что эта особая структура эго и является доминирующим мотивом, и это должно быть принято за чистую монету. Это главный

¹⁷⁴ Kris E. Ego psychology and interpretation in psychoanalytic therapy // Psychoanalytic Quarterly. 1951. Vol. 20. P. 15–30.

¹⁷⁵ Rapaport D. The autonomy of the ego // Bulletin of Menninger Clinic. 1951. Vol. 15. P. 113–123.

мотив и эго-идеал, форма и содержание которых по существу есть то, что проявляется в сознании¹⁷⁶.

Рассмотрим заключительный пример. Хорошо известно, что большинство мальчиков в возрасте приблизительно от четырех до семи лет идентифицируют себя со своими отцами. Они имитируют отцов многими способами. Среди прочего они могут воспроизводить профессиональные устремления к отцовской работе. Многие мальчики, вырастая, реально идут по стопам своих отцов.

Возьмем политиков. Отец и сын были политиками во многих семьях, упомянем хотя бы Тафтов, Лоджей, Кеннеди, Ла Фоллетов и Рузвельтов. Когда сын достигает зрелого возраста, скажем, в пятьдесят или в шестьдесят лет, какова его мотивация? Проработал ли он свою раннюю идентификацию с отцом или нет? Принятый за чистую монету интерес сына к политике теперь кажется поглощающим и законченным, важным фактором в его эго-структуре. Короче, он выглядит зрелым и нормальным мотивом. Но сторонник прямолинейного генетизма мог бы сказать: «Нет, он сейчас стал политиком из-за фиксации на отце». Если он при этом имеет в виду то, что ранняя идентификация с отцом возбудила интерес сына к политике, то с ним полностью можно согласиться. Все мотивы где-то имеют свое начало. Или он имеет в виду, что эта ранняя фиксация и сейчас лежит в основе его политического поведения? Тогда скорее всего с ним согласиться нельзя. Интерес к политической деятельности сегодня является заметной частью эго-структуры, а эго является источником энергии здорового человека. Конечно, бывают случаи, когда человек зрелого возраста стремится заслужить благоволение отца, занять его место, вытеснить его в отношениях с матерью. Клиническое исследование политика второго поколения, возможно, показало бы, что его поведение основано на навязчивой идентификации с отцом. Если это так, его повседневное поведение является, по всей вероятности, настолько компульсивным, настолько оторванным от реальных ситуативных потребностей, настолько чрезмерным, что любой умелый наблюдатель-клиницист может предположить диагноз. Но такие примеры относительно редки.

Обобщим: в нашей мотивационной теории нам требуется установить четкое различие между инфантилизмом и мотивацией, соответствующей настоящему моменту и возрасту индивида.

Я полностью осознаю еретичность моего предположения о том, что в некотором ограниченном смысле существует разрыв между нормальной и аномальной мотивацией, и что нам требуется теория, которая бы признавала этот факт. Разрывы определенно непопулярны в психологической науке. Одна из теорий аномальности утверждает, что нам просто нравится рассматривать крайние точки нашего линейного континуума как аномальные. Некоторые теоретики культуры настаивают на том, что аномальность является относительным понятием, меняющимся от культуры к культуре и от одного исторического периода к другому. Есть также пограничные случаи, которые даже наиболее опытные клиницисты не могут с уверенностью классифицировать как нормальные или аномальные. Наконец – и это самое важное – можно, достаточно глубоко порывшись, обнаружить *некоторый* инфантилизм в мотивации многих нормальных людей.

Учитывая все эти хорошо знакомые аргументы, все же можно выделить область различий, если не между нормальными и отклоняющимися от нормы людьми, то между здоровыми и нездоровыми механизмами, включенными в развитие мотивации. То, что мы называем интегративным действием нервной системы, является, по существу, целостным механизмом, который поддерживает мотивацию в состоянии, соответствующем требованиям времени. Он направлен на то, чтобы осуществлять внутреннее согласование и оценку соответствия реаль-

¹⁷⁶ Allport G. W. The individual and his religion. N. Y.: Macmillan, 1950.

ности элементов, входящих в мотивационные паттерны. Эффективное подавление является другим здоровым механизмом, безвредным для индивида и делающим возможным расположение мотивов в упорядоченной иерархии¹⁷⁷. С помощью эффективного подавления индивид прекращает играть инфантильные драмы. В числе механизмов балансировки можно назвать самопознание, ясный образ себя и малопонятный фактор гомеостазиса.

Как показал эксперимент Гетцеля, прямые и проективные проявления здоровых людей едины. Будущий тест на нормальность – к несчастью, психологи еще не разработали его, – может основываться на гармонии экспрессивного поведения (выражение лица, жесты, почерк) с фундаментальной мотивационной структурой индивида. Есть свидетельства того, что дискоординация между сознательными мотивами и экспрессивными движениями – зловещий признак¹⁷⁸. Это указывает на направление необходимых исследований.

При нездоровой мотивации верх одерживают механизмы разбалансировки. Всегда существует некий вид разбалансированности. Вытеснение неэффективно, вытесненные мотивы прорываются в аутичных жестах, в приступах раздражения, в ночных кошмарах, в навязчивых идеях, возможно, в параноидальном мышлении. Сверх всего, в широких сферах жизни нарушено самопознание. Но в норме механизмы баланса берут верх. Иногда у людей с сильными расстройствами механизмы разбалансировки захватывают контроль. Порой мы обнаруживаем эти механизмы действующими у людей, в других отношениях являющихся здоровыми. Когда в работе этих механизмов отмечается дисгармония, для диагностики полезно использование проективных техник. Но когда в системе личности в целом налицо гармония, проективные методы могут очень мало (или не могут ничего) сообщить нам о мотивации.

Из всего сказанного ясно, что удовлетворительная концепция психодинамики должна обладать следующими характеристиками.

1. Она никогда не будет использовать проективные методы или глубинный анализ, не уделяя также внимания для полного диагноза мотивов прямым методам.

2. Она будет исходить из того, что у здоровой личности основная часть мотивации может быть «принята за чистую монету».

3. Она будет опираться на предположение, что нормальная мотивация этого рода соотносится с настоящим и будущим для индивида, и не может быть адекватно представлена путем изучения его прошлой жизни. Другими словами, она должна признать, что психодинамика жизни в настоящем может быть большей частью функционально автономной, хоть и вытекающей из ранней истории формирования мотивации¹⁷⁹.

4. В то же время в этой концепции сохранятся эпохальные догадки Фрейда и других о том, что инфантильные фиксации иногда имеют место, и что стоит проверять сознательный самоотчет и дополнять прямые методы непрямыми.

Пока такая адекватная концептуализация не достигнута, необходимо пересмотреть одну современную догму мотивационной теории. Я имею в виду часто встречающееся положение о том, что все мотивы нацелены на «снижение напряжения». Эта доктрина, обнаруживаемая в инстинктивизме, психоанализе и психологии стимула – реакции, удерживает нас на примитивном уровне теоретизирования.

Мы, конечно, не можем отрицать, что базовые влечения стремятся к «снижению напряжения». Отчетливые примеры – потребность в кислороде, голод, жажда и выделение. Но эти влечения не являются надежной моделью всей нормальной мотивации взрослых. Гольдштейн

¹⁷⁷ Belmont L., Birch H. G. Re-individualizing the repression hypothesis // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1951. Vol. 46. P. 226–235; McGranahan D. V. A critical and experimental Study of repression // *Ibidem*. 1940. Vol. 35. P. 212–225.

¹⁷⁸ Allport G. W., Vernon P. E. *Studies in expressive movement*. N. Y.: Macmillan, 1933.

¹⁷⁹ Allport G. W. *The nature of personality: selected papers*. Cambridge: Addison-Wesley, 1950.

отмечает, что пациенты, которые ищут только снижения напряжения, явно страдают патологией. Они озабочены локальными раздражениями, которые пытаются облегчить. В их интересах нет ничего творческого. Они не могут принимать страдание, отсрочку или фрустрацию как простой эпизод в своем поиске ценностей. Нормальными людьми, напротив, управляют «предпочтительные паттерны» самоактуализации. Их психогенные интересы являются способом поддержания и направления напряжений, а не избегания их¹⁸⁰.

Я думаю, мы должны согласиться, что снижение напряжения не является адекватной формулой функционирования зрелых психогенных мотивов. Во время своей инаугурации в качестве президента Гарвардского университета Джеймс Брайант Конант заметил, что он принимает свои обязанности «...с тяжелым сердцем, но с радостью». Он знал, что не снизит напряжения, связывая себя обязательствами по новой работе. Напряжения будут возрастать и возрастать, временами становясь почти невыносимыми. Хотя в ходе своей ежедневной работы он должен будет справляться со многими делами и ощущать облегчение, его общие обязательства – его общие вложения энергии – никогда не будут иметь своим результатом некое равновесие. Психогенные интересы устроены именно так: они ведут нас к осложнениям и беспрельдно напрягают нашу жизнь. «Стремление к равновесию», «снижение напряжения» и «желание смерти» выглядят тривиальным и ошибочным отображением мотивации нормальных взрослых.

Как я говорил, послевоенные годы принесли благотворный поворот в теоретизировании. Например, немногие специалисты по военным неврозам рассуждали в терминах снижения напряжения, они скорее говорили о «твердой эго-структуре» или о «слабой эго-структуре». Гринкер и Шпигель пишут: «С усилением эго терапевт требует от пациента растущей независимости и активности»¹⁸¹. После осуществления успешной терапии эти и другие авторы иногда замечают: «Теперь эго приобрело, похоже, полный контроль». В выражениях, подобных этому, – а они встречаются все чаще, – мы вновь сталкиваемся с пост-фрейдовской психологией эго. Конечно, аромат этих теоретических положений изменчив. Иногда они по-прежнему близки концепции эго как рационализатора, всадника и рулевого. Но часто, как в цитированных выше работах, они значительно выходят за эти рамки, подразумевая, что эго в норме не только способно избегать злокачественного вытеснения, хронизации и ригидности, но также представляет собой дифференцированную динамическую силу – сплав здоровых психогенных мотивов, которые можно «принимать за чистую монету».

Нет нужды пугаться концепции «активного эго». Как мне видится, термин *эго* не отсылает к модели гомункулуса, но лишь является кратким выражением того, что Гольдштейн называет «предпочитаемыми паттернами». Этот термин означает, что здоровые личности в норме обладают различными системами психогенных мотивов. Их число не безгранично; в самом деле, у хорошо интегрированного взрослого их можно пересчитать по пальцам обеих рук, а возможно, – и одной. То, что человек пытается делать настойчиво и постоянно, исходя из своей внутренней природы, часто на удивление хорошо сфокусировано и структурировано. Называть ли эти ведущие мотивы желаниями, интересами, ценностями, чертами или чувствами, – не так уж важно. Важно то, что мотивационная теория, которой будут руководствоваться диагностика, терапия и исследования, должна в полной мере принять эти структуры во внимание.

¹⁸⁰ Goldstein K. Human nature in the light of psychopathology. Cambridge: Harvard University Press, 1940.

¹⁸¹ Grinker R. R., Spiegel J. P. War neuroses. Philadelphia: Blakiston, 1945.

Воображение в психологии: некоторые необходимые шаги¹⁸²

Некоторые содрогнутся при одной мысли о том, что психология может проявлять больше воображения, чем сейчас. Они скажут: «Посмотрите, что вы, психологи, уже сделали. Вы заморочили нас обучающими машинами, компьютерами и имитирующими устройствами и измерили все наши коэффициенты (*IQ*, *EQ*, *AQ* и даже *PQ* – коэффициент личности). Вы подвергли нас воздействию сыворотки правды и детекторов лжи, замучили опросами и опросниками, лабиринтами и другими сумасшедшими изобретениями и, что хуже всего, вы приняли нас за это странное и неуравновешенное венское эдипово семейство. Нам больше не нужно вашего воображения. Что нам нужно, так это стратегия, с помощью которой мы могли бы сопротивляться вашему нахальству. Мы восхищаемся бедным парнем, обратившимся в поисках работы в британскую Интеллидженс Сервис. У него была репутация любителя приложиться к бутылке, поэтому психолога попросили выяснить, в самом ли деле у него есть такое пристрастие. Психолог дал ему тест словесных ассоциаций. “Говорите мне первое, что приходит вам в голову, когда я говорю *Хейг*¹⁸³!” – “О, – ответил кандидат, – Хейг, вы знаете, знаменитый генерал, первая мировая война, Северная Африка и так далее” – “*Гордон*!” – “О да, другой генерал: Китайский Гордон, боксерское восстание” – “*Бут*!” – “О да, еще один генерал. На этот раз Армия спасения” – “*Вам 69*!” – “Так... Может быть, телефон папы Римского?”».

Такого типа сопротивление мне тоже симпатично. Но нынешнюю «наглость» психологии лучше лечить, не лишая ее воображения, а прибавляя его.

Переходный период

Сейчас психология напоминает молодого человека, возможно, неловкого и высокомерного, но откровенно цветущего и многообещающего. Состояние это можно лучше понять в контексте интеллектуальной истории нынешнего столетия.

Первые монументальные фигуры в психологии – думаю, что могу назвать Вильгельма Вундта, Уильяма Джеймса, Уильяма Мак-Дугалла и Джона Дьюи – уводят нас от чисто спекулятивной философии к широким эмпирическим взглядам на человеческую природу. Отдавая предпочтение лабораторным или клиническим эмпирическим данным (хотя в их распоряжении было не слишком много таковых), они не хотели утрачивать и свое обзорное видение предмета психологии, а именно, общего устройства человеческой природы.

Однако их бунт против философии зашел не настолько далеко, чтобы доставить удовольствие некоторым энтузиастам, по существу говорившим: «Мы можем дать вам простую формулу человеческой природы». Фрейд, например, предложил удобную концептуальную треногу: ид, эго и суперэго; Уотсон и бихевиористская школа утверждали, что суть всего в реакции на стимулы; был разработан ряд хорошо усваиваемых редукционистских понятий, в том числе бессознательное, обусловливание, подкрепление, иерархия привычек. Редукционизм – это доктрина, утверждающая, что все сложности человеческой природы в принципе могут быть объяснены с помощью одного механизма или их группы, предпочитаемых конкретным теоретиком.

¹⁸² Впервые опубликовано в 1964 г. Печатается по изданию: Allport G. The Person in psychology. Boston: Beacon, 1968. P. 103–120.

¹⁸³ В качестве стимулов в ассоциативном эксперименте фигурируют марки спиртных напитков.

Но *Zeitgeist*¹⁸⁴ этого столетия завел психологию еще дальше; она попала в ту же паутину, что и другие науки, включая философию, искусство и литературную критику. Началась эра крайнего позитивистского редукционизма. Все теории стали подозрительны из-за их словесной соблазнительности и слабой эмпирической поддержки. Вундт и Джеймс, Мак-Дугалл и даже Фрейд предлагали, по существу, точку зрения одного человека, личную интерпретацию. Это не наука, – говорили нам их оппоненты, – ибо она базируется на личностных смыслах, а все смыслы субъективны.

Они призывали стать объективными, уйти от интроспекции, сторониться личностных смыслов. Вычистите все лишнее, определите термины операционально. Затем подгоните все данные к математическим или компьютерным моделям, используйте статистику, определите вероятности. Сведите к минимуму промежуточные переменные, а еще лучше, размышляйте в терминах «пустого организма», так, чтобы все измерения и понятия можно было бы публично верифицировать.

Важно подчеркнуть, что тенденция к крайнему позитивизму не ограничивалась психологией. У нее была точная параллель в философии, которая отказывалась от метафизики и теории ценностей в пользу лингвистического анализа и методологии. У нее была параллель в литературном позитивизме, который лишал стихотворение содержания, отделял от личности автора и анализировал его как ряд изолированных слов, причем использовались лишь текстуальные данные. В искусстве реализм и изобразительность, обусловленные значением и традицией, попали в опалу. Модными были абстракции, отражающие только сиюминутные переживания художника.

Все области человеческого творчества по существу говорили: давайте забудем наш традиционный багаж слов, слов, слов... Ничто не заслуживает доверия, если оно несводимо к физическим, измеримым операциям. Ничто не является истинным, если лингвистический анализ не может определить понятие истины. В литературном и художественном творчестве также давайте придерживаться поддающихся определению фрагментов опыта и текстовых данных.

Этот период недавнего прошлого, который мы могли бы назвать «эпохой чистки», отнюдь не завершился. В психологии мы везде замечаем последствия редукционизма. Современное теоретизирование, в противоположность прежнему обзорному теоретизированию, сильно упрощено. Иногда это возвращение к биологизму – тенденция, которую мы встречаем уже у Фрейда; иногда – к физиологизму (как в психологии стимула – реакции); иногда к операционализму, к кибернетическим аналогиям, к компьютерным аналогиям, к математическим формулам, включая конечно факторный анализ и другие формы твердолобого эмпиризма. Продукты такого редукционизма рассматривались, а зачастую и сейчас рассматриваются как последнее слово психологии.

Эта эра, повторяю, еще не закончилась, и мы надеемся, что она не исчезнет полностью, так как ее уроки слишком ценны, чтобы потерять их. Никто, за исключением, быть может, нескольких глубокомысленных философов, не захотел бы вернуться к прежним системам психологической теории, не имевшим никакого или почти никакого эмпирического контроля.

В то же время уже налицо заметная реакция. В течение последних двух десятилетий происходит возрождение понятия «Я». Обращает на себя внимание экзистенциальное течение, особенно тонко рефлектирующее фрагментацию жизни и распыление ценностей, и в то же время стремящееся с помощью своих понятий «трансцендентность», «включенность» и «стремление к смыслу» противодействовать атомизации мышления и дезинтеграции цели. Можно заметить повышение интереса к целям терапии, а также к целям нации. Видно оживление феноменологии как психологического метода. С этим общим широким движением связан поворот психоанализа к так называемой «эго-психологии». Можно отметить быстрый рост

¹⁸⁴ Дух времени (нем.).

числа новых журналов, посвященных индивидуальной психологии, экзистенциальной психологии, гуманистической психологии. Это направление в современной психологии столь заметно, что получило название «третьей силы».

И вот мы подошли к эре, лежащей впереди. Сможет ли она сохранить главные достижения последних десятилетий и избежать при этом тривиальности взглядов, присущих крайнему редукционизму? Возможно ли вновь достичь уровня общей теории с ее уважением к целостности души человека, не жертвуя выгодами критического метода, так недавно обретенного? Мой ответ – осторожное «да». Чтобы это сделать, прежде всего требуется выделить те черты человеческой природы, что были потеряны из виду в массовом движении редукционистов. Естественно, второе требование – помнить недавно полученные методологические уроки.

Морфогенез и личность

Мы можем проиллюстрировать единство этих двух требований на примере рассмотрения конкретной проблемы из области человеческой личности.

Все знают, что нейропсихическая система каждого человека уникальна. При уникальном наследуемом генотипе и никогда не повторяющихся особенностях окружающей личность среды иначе и быть не может. Каждый знает, что хотя в системе данной личности нет окончательного единства, каждая система, тем не менее, высоко организована и последовательно структурирована. Адекватно ли психологическая наука относилась до сих пор к этой ситуации? Я думаю, нет. Картина, предлагаемая психологией, – это главным образом картина параметров, а не человека.

Хотя легко допускается существование индивидуальных различий (или параметров), личность – это нечто большее, чем пересечение параметров. Другими словами, ваша личность – это не просто совокупность ваших баллов по параметрам достижения, доминирования, интроверсии, интеллекта, невротизма или по факторам *A*, *B* и *C*. В действительности эти общие, или номотетические, измерения, входящие в нынешний «торговый ассортимент» психолога, могут даже не соответствовать вашей личной структуре. Даже если некоторые из них соответствуют (приблизительно), вопрос не в том, как ваши баллы по этим переменным отличаются от баллов других людей, а скорее в том, как эти качества влияют друг на друга в вашей собственной функционирующей системе.

Необходимо воображение, чтобы дать нам методы, соответствующие структуре и развитию отдельного человека. Надо пройти длинный путь, прежде чем улучшится наша оценка и понимание индивида, а также предсказание его поведения и контроль за ним. Для меня неприемлемо утверждение, что проблема уникальности лежит вне сферы науки, так как наука, как говорят, имеет дело только с общими знаниями и никогда – с уникальными случаями. Независимо от того, что может быть догмой в естественных науках, я настаиваю, что психологии предначертано заниматься проблемой человеческой личности, и для того, чтобы с этим адекватно справляться, она должна сосредоточивать свое внимание на морфогенезе отдельных паттернов. В официальном этическом кодексе Американской психологической ассоциации (АРА) 1959 года психолог определяется как специалист, «обязанный увеличивать понимание человека человеком». А человек, заявляю я, существует только в конкретных, специфических, уникальных формах. Если вы ответите, что каждый объект природы уникален – каждый камень, каждое дерево, каждая птица, – я останусь непреклонным. Дело в том, что индивидуальная человеческая система настолько сложна, настолько поразительно изменчива в своих взаимодействиях с миром, и настолько изощрена ее саморегуляция, что нельзя сбросить со счетов вопрос уникальности, прибегнув к аналогиям с неживой природой или низшими формами жизни.

Стоящий перед нами вопрос не нов. Он обсуждался много раз, например, Мелом¹⁸⁵, Сарбином, Тэфтом и Бентли¹⁸⁶, а позже Холтом¹⁸⁷. Если не ошибаюсь, большинство дискуссий кончалось тщательной защитой параметрического анализа. Разными словами нам говорят, что наука не может иметь дела с уникальными структурами, или уверяют, что в конечном счете нет разницы между молекулярным (то есть параметрическим) и морфогенетическим исследованием. Каждый биолог знает разницу между молекулярной и морфогенетической биологией, но психологи не спешат увидеть аналогичное различие в своей собственной науке.

Как указал Мел, в этом споре есть два отдельных вопроса. Один касается *процесса* понимания. Как психолог собирает в единый образ все те фрагменты информации, которые он получает, наблюдая за человеком? Этот вопрос поднимает трудную проблему сравнения роли логического (или ассоциативного) и интуитивного (или конфигурального) знания. Здесь возникают нерешенные эпистемологические проблемы. Для психологии вопрос сформулирован в терминах относительной предсказуемости, вытекающей из следования методу статистического (или актуарного) прогноза, который базируется на поведении среднего представителя данного класса, по сравнению с успешностью предсказания на основе клинического (индивидуального) понимания. Так как мы далеки от приемлемого решения этого спора, я призываю к воображению для разработки более подходящих методов эмпирического решения этой проблемы.

Второй вопрос в дискуссии параметры – морфогенез касается типа *данных*, необходимых для оценки индивидуального поведения. Являются ли баллы, полученные по измерительным шкалам, по проективным тестам или по опросникам, единственными нужными нам данными? В общем-то, сейчас мы работаем именно с этим типом данных.

Очевидны теоретические ограничения этого распространенного подхода. Когда мы оцениваем индивида в измерениях опросников, или баллов по тесту Роршаха или чего-то подобного, то мы предполагаем, что строение данной личности в его основе качественно подобно строению всех других людей. Одни и те же измерения прилагаются ко всем людям. Им позволено иметь количественные различия, но только в рамках измерений, применяемых экспериментатором. Однако что, если границы, проходящие в нашей собственной жизни, наши «личные диспозиции» не соответствуют границам, проводимым на основе «общих черт»?¹⁸⁸ Не понадобится ли нам тогда новая точка отсчета, новое средство для раскрытия природы этих уникальных личных диспозиций?

Рассмотрим пример. Предположим, мы хотим выделить основные интересы и ценности человека. В настоящее время у нас есть несколько заранее кодифицированных шкал, которые мы можем применить (Kuder, Strong, Allport – Vernon – Lindzey). Естественно, мы обнаруживаем именно то, что ожидаем: количественные различия по категориям, заданным экспериментатором, но совсем не обязательно заданным изучаемой нами жизнью.

Более непосредственно морфогеничным является старомодное средство – прямо спросить испытуемого о том, чего он хочет в жизни. Можно привести много аргументов в пользу этой простой процедуры. Возражения против нее возникают потому, что Фрейд заставил нас осознать самообман, который может вмешиваться. Также верно и то, что некоторые люди оказываются не в состоянии сформулировать собственные ценности, а некоторые могут даже не знать, каковы они.

Недавно Кэнтрил и Фри¹⁸⁹ подошли к этой проблеме с тем воображением, которое я считаю необходимым. Испытуемых в нескольких странах (в том числе – помимо Соединен-

¹⁸⁵ Meehl P. E. Clinical versus Statistical Prediction. University of Minnesota Press, 1954.

¹⁸⁶ Sarbin T. R., Taft R., Bailey D. E. Clinical Inference and Cognitive Theory. N. Y.: Holt, Rinehart & Winston, 1960.

¹⁸⁷ Holt R. R. Individuality and Generalization in the Psychology of Personality // Journal of Personality. 1962. Vol. 30. P. 377–404.

¹⁸⁸ Allport G. W. Pattern and Growth in Personality. N. Y.: Holt, Rinehart & Winston. 1961. Ch. 14, 15.

¹⁸⁹ Cantril H., Free L. A. Hopes and Fears for Self and Country // American Behavioral Scientist. 1962. Vol. 6, Supplement.

ных Штатов – в Индии, Нигерии, Бразилии и Польше) просили дать определение наилучшего (насколько они могут представить) образа жизни для себя. Затем испытуемому показывают рисунок лестницы и говорят, что верхняя ступенька представляет этот образ жизни. Далее его спрашивают, на какой из этих десяти ступеней он бы поместил себя сегодня, в процессе движения к желаемому. Где он находился пять лет назад? Где он рассчитывает быть через пять лет? Таким образом получают интересное изображение морали и мировоззрения на самостоятельно установленной шкале. Испытуемого также просят описать наихудший возможный образ жизни, который он может для себя вообразить. Эта пугающая возможность размещается внизу лестницы. Довольно интересно, что самый ужасный образ жизни редко является логической противоположностью наилучшего возможного образа жизни, даже если лестница в сознании субъекта образует некоторую разновидность психологического континуума. Это ясный пример того, что логические измерения экспериментатора могут терпеть неудачу в отображении феноменологических измерений изучаемого человека.

Итак, мы можем спросить – при условии, что этот метод устанавливает уникальную линию отсчета для индивида, посредством которой мы можем обнаружить и измерить его прогресс, – что нам делать с такой массой солипсистских данных? Не доказывает ли это просто того, что каждый человек безнадежно индивидуален?

Однако анализируя тысячи случаев, Кэнтрил обнаружил, что можно сконструировать подробный список, состоящий примерно из 145 пунктов, в разных пропорциях включающий большинство аспектов желаемого образа жизни, упомянутых во всех исследованных странах. Вы можете заметить, что таким образом мы возвращаемся к схеме измерений. Да, это делается в целях сравнения, но с двумя существенными отличиями от нашей обычной схемы измерений. Во-первых, никого из индивидов не подгоняют к общим категориям, если его стремления действительно своеобразны; и, во-вторых, используемые измерения *индуктивно* извлечены из реально переживаемых стремлений, а не придуманы экспериментатором в лаборатории.

Я упомянул этот пример воображаемого шага, предпринятого, чтобы приблизить научную психологию к изучению морфогенетического структурирования. Этот пример связан с областью личных ценностей. Однако можно указать и другие области для исследования образования паттернов. Подобным образом Шапиро¹⁹⁰ продемонстрировал свое воображение при работе с психиатрическими пациентами. На основе 5-часового интенсивного интервью с поступающим пациентом он конструирует опросник, который служит с течением времени стандартом для этого конкретного пациента, хотя он не будет прямо релевантным для любого другого пациента. Используемый с интервалами в месяцы и годы, этот метод позволяет отслеживать ход улучшения или ухудшения здоровья, а также изменения установок и взглядов.

В другом месте¹⁹¹ я собрал ряд других разработанных в последнее время методов, которые, по-моему, служат примером морфогенетического подхода к изучению личности, которым сейчас пренебрегают. Я не буду здесь повторять этот перечень, скажу только, что хотя такие методы отнюдь не являются общими, они показывают, что в принципе воображение возможно. Некоторые техники оказываются смесью измерительных и морфогенетических процедур, например, *Q*-сортировка и репертуарный тест, и они дают частичные преимущества. Но нам еще предстоит долго идти в описываемом мной направлении. Выскажусь ясно: наши привычные измерительные методы обладают определенными достоинствами. Я просто считаю, что они односторонни и нуждаются в дополнении воображением.

¹⁹⁰ Shapiro M. B. The Single Case in Fundamental Clinical Psychological Research // British Journal of Medical Psychology. 1961. Vol. 34. P. 255–262.

¹⁹¹ Allport G. W. The Unique and the General in Psychological Science // Journal of Personality. 1962. Vol. 30. P. 405–422.

Другие необходимые шаги

Помимо диагностики личности требуется активизировать воображение и в других областях психологии. Я, конечно, не могу составить научную повестку дня на будущее, но отважусь вкратце привлечь внимание к некоторым особо нуждающимся в этом областям.

Редукционизм оставил нам изрядные прорехи в сведениях о человеческом обучении. Я утверждаю это несмотря на то, что научение, возможно, самая исхоженная область нашей науки. Понятия «обусловливание» и «подкрепление» лишь немного продвигают нас к пониманию тайн приобретения знаний, навыков и мотивов. Но до сих пор обусловливание и подкрепление остаются понятиями чрезвычайно популярными. С рвением истинных редукционистов их часто предлагают в качестве универсальной формулы. Я думаю, что сегодня все больше и больше психологов сознают, что прогнозировать обучение взрослых в зависимости от их прошлых подкреплений является неоправданной экстраполяцией изолированных и неадекватных экспериментов. Фактически само понятие «научения» оказывается неадекватным. Человек (по крайней мере, после завершения младенчества), поглощает, впитывает, овладевает тем, что соответствует его концепции себя. И я утверждаю, что он делает это не для снижения напряжения, как считала бы господствующая теория научения, а для поддержания напряжения, соответствующего его чувству самоидентичности. Ясно, что это очень сложный вопрос, и в будущем потребуется воображение для его переформулирования.

Возьмем более специфическую тему совести. Важное озарение Фрейда состоит в том, что в детстве интериоризируется родительский наказ в форме суперэго. Возникает вопрос, обладает ли эта «совесть-долженствование» детства вообще какой-либо функциональной связью с чувством морального обязательства зрелого взрослого человека. Не может ли быть так, что «совесть-обязательство» взрослых в нормальной жизни функционально автономна от «совести-долженствования» детства?¹⁹²

Мы с благодарностью признаем, что Фрейд подарил нам способность самоанализа, включая искусство взгляда назад, на детство. Но теперь, когда мы в состоянии «встать Фрейду на плечи», мы можем видеть дальше, чем он, – вперед так же, как и назад. Мы обнаруживаем, что совесть имеет более широкие горизонты, чем были известны Фрейду. То же и религия. Согласно Фрейду, религиозное чувство – это развитие наших детских представлений о земном отце. Может быть, в ограниченных пределах, так и есть. Но более подробное изучение роли религиозного чувства у нормальных взрослых несомненно покажет, насколько скудной оказывается редукционистская формула Фрейда. Можно сказать и о заслуге Фрейда в достижении свободы отношения к сексу. Но является ли секс всей целостностью сложного чувства любви? Заслуга Фромма и других в том, что этот вопрос сейчас поднимается в новом психологическом контексте.

Странно, что психологи предпочитают проведение множества исследований агрессии любым исследованиям нежности и любви. Они изучают стресс, а не релаксацию; боль, а не радость; депривацию, а не реализацию; предубеждение, а не дружбу. Я не знаю, почему до сегодняшнего дня психологов главным образом привлекали именно наиболее темные стороны жизни. Быть может, это происходит по той же самой причине, по которой молодым людям нравятся «ужастики».

Краткое перечисление дополнительных областей, которые могли бы извлечь пользу из воображения, было бы отрывочным и лишенным целостности. Вместо такого перечня-стакката позвольте, наконец, вернуться к проблеме построения теории.

¹⁹² Обсуждение этих двух форм совести см. в: *Allport G. W. Becoming: Basic Considerations for a Psychology of Personality*. New Haven: Yale University Press, 1955. <Наст. изд. С. 166–216.>

Построение теории

Мы говорили о *редукционистских* теориях. Теории противоположного типа можно было бы назвать *плюралистичными*. Плюралист в психологии – это мыслитель, который не станет исключать никаких качеств человеческой природы, которые сами по себе представляются важными. Подобно плюралисту в философии, он благоволит многообразию и различиям интерпретаций. Естественно, результатом этого является любопытная смесь теорий.

Здесь уместна аналогия с понятием «культурного плюрализма»: всякий раз, защищая культурный плюрализм, мы в сущности выступаем в пользу такой нации, в которой каждое этническое племя сохраняет свою идентичность. Конечно, в то же самое время мы надеемся на некоторую форму всеобщего национального единства, но возможное единство оказывается довольно расплывчатым и неполным, а в некотором отношении и противоречивым. Те, кто считает, что нации лучше стремиться к полной ассимиляции, подобны редукционистам. Лучше, говорят они, работа ради органического единства, чем чреватый слабостью и несвязностью плюрализм.

В построении психологической теории существует та же самая дилемма. Все постижимое в отношении человеческой природы постигается конкретными человеческими умами, а конкретные человеческие умы – ограничены. Ни один тип интеллекта не в состоянии понять истину целиком. На этом простом факте Уильям Джеймс сконструировал свою разновидность плюрализма. Ни одна отдельная формула, полагал он, не может охватить всю мыслимую истину. Достоверное знание столь многообразно, что ни один теоретик не может объять все.

В то же время наша рациональность побуждает к созданию концептуальных систем, и чем более закрытой и жесткой является система, тем более она кажется рациональной и тем более удовлетворительной. Следовательно, мы оказываемся перед дилеммой: стремясь к связным системам, мы не в состоянии включить в нашу ограниченную логическую связность все разнообразие психического функционирования, с которым встречаемся. Редукционист – это человек, который разрешает дилемму, предпочтя связность адекватности. Он готов закрыть глаза (совсем или временно) на сложность своего объекта ради получения плодов рационализма. Плюралист, напротив, готов пожертвовать рациональной связностью, чтобы сохранить многообразие и тонкие оттенки.

Наиболее очевидный способ быть плюралистом – это быть эклектиком. Эклектик выбирает доктрины и принципы из разных систем мышления и как-то их склеивает в соответствии с собственным темпераментом. Если его темперамент может выносить противоречия, в одни моменты он будет придерживаться одной теории, в другие – противоположной. При обвинении в нелогичности он может ответить вместе с Эмерсоном, что «последовательность – это страшилище маленьких умов». Ничто, кажущееся истиной в каком-либо контексте, нельзя отрицать, даже если эти частные истины не согласуются между собой.

В психологии Уильяма Джеймса мы встречаем много парадоксов такого типа¹⁹³. Его открытый ум был способен в разных контекстах принимать детерминацию и свободу, ментализм и физикализм, параллелизм и интеракционизм. Он и утверждал и отрицал бессознательное; он выражал и надежду и разочарование в отношении будущего психологии как науки.

Конечно, Джеймс претендовал на оправдание своих парадоксов в рамках широкой доктрины прагматизма. Прагматизм утверждает, что цель мышления – создавать понятия, которые будут руководить нами в практических действиях. Если последствия такого действия плодотворны, то мы считаем, что успешно установили какой-то аспект истины.

¹⁹³ Allport G. W. The Productive Paradoxes of William James // Psychological Review. 1943. Vol. 50. P. 95–120. <Рус. пер.: Олпорт Г. Личность в психологии. М.: КСП+, СПб.: Ювента, 1998. С. 238–260.>

Джеймс знал, что его позиция «несистематична и расплывчата». Но он предпочитал ее тому, что он называл «ужасным привкусом обмана», отличающим работу любого психолога, претендующего на совершенную последовательность и адекватность своей теории. Таким образом, он бы не одобрил современного редукционизма с его претензиями на достаточность психоаналитических, стимульно-реактивных, операциональных или любых других логически удовлетворительных, но частичных позиций. Плюрализм обладает тем достоинством, что он приветствует воображение. Ничто не должно исключаться из рассмотрения лишь потому, что основано на еретической гипотезе (например, телепатия) или на немодном методе (например, изучение отдельных случаев). Допускаются новые перспективы и поощряются новые исследования.

Позвольте мне повторить: плюрализм не станет отрицать полученное редукционизмом понимание. Он примет свидетельства в пользу подкрепления наряду со свидетельствами в пользу когнитивной и эго-релевантной теорий научения. Он сохранит заслуги параметрического анализа, в то же время выискивая морфогенетические процедуры анализа формирования индивидуальных паттернов. Он примет истину, содержащуюся в теориях защиты эго, одновременно предоставляя простор бесконфликтной проприативной структуре «Я». Он допустит наличие младенческих следов в суперэго, и вместе с этим взрослое чувство морального обязательства. Он признает роль стимула, но также и роль вызова, который значительно больше, чем стимул.

Мы еще не ответили на вопрос, обречен ли плюрализм на нелогичность импульсивного эклектизма, и является ли прагматизм единственно доступным концептуальным цементом. Мой собственный ответ состоит в том, что, с учетом воображения, психология будущего может сформировать более сильную теоретическую позицию, которую можно было бы назвать *систематическим плюрализмом*.

Систематический плюрализм

Цель систематического плюрализма – сформировать концепцию человеческой личности, которая не будет исключать ничего действительно важного и в то же время сохранит идеал логической последовательности. Он будет допускать нервное и ментальное, сознательное и бессознательное, стабильное и изменчивое, нормальное и аномальное, общее и уникальное. Все эти и многие другие парадоксы действительно присутствуют в человеческой природе. Все они представляют собой поддающиеся проверке способности, и ни один не может быть исключен из рассмотрения при построении теории.

Сейчас, конечно, невозможно сформулировать всеохватывающую теорию человеческой личности в понятиях систематического плюрализма. Такое формулирование требует воображения и, следовательно, относится к нашей программе на будущее. В другом месте¹⁹⁴ я предложил возможный подход.

Думаю, исходной точкой должно быть допущение, что человек сам является первичной системой (да, уникальной, но все же системой); и это система удивительно разнообразных возможностей. Мы уже знакомы со многими видами естественных систем в диапазоне от атома до Солнечной системы, от амебы до человека, от идиота до Аристотеля. Но системы, как мы знаем, различаются по степени открытости. Неживая система (камень или мост) подчиняется главным образом второму закону термодинамики. Живая система (дерево или птица) поддерживает себя в соответствии с принципом гомеостаза. Человеческая система еще более открыта. Поддерживая себя, подобно низшим формам жизни, на основе гомеостаза, она в то же время обладает способностью к значительно большей дифференциации и неуклонно старается стать

¹⁹⁴ Allport G. W. The Open System in Personality Theory. <Наст. изд. С. 62–74 >

чем-то большим, чем она есть, через свое предвидение, воображение и идеалы. Человеческая система вступает в бесконечно более сложные контакты с окружающей средой и с другими человеческими системами.

Ингредиенты *персональной* системы включают автоматизмы, рефлексы и привычки, операции бессознательного, биологические импульсы, а также вклады культуры и социального происхождения. Исключительное внимание к этим частным аспектам человеческой природы привело к редукционистскому образу человека как простого реагирующего механизма. Хотя его система в самом деле включает все эти реактивные черты, она также содержит проактивные, продуктивные, проприативные характеристики, которые не вписываются в большинство современных редукционистских точек зрения.

Таким образом, в определение каждого человека как системы мы должны включить все (а не просто несколько) черты, присущие этой системе. Поступая так, мы не будем ни довольствоваться редукционистской теорией, ни отрицать лежащую в ней истину. Мы не обязуемся довольствоваться произвольным эклектизмом или прагматическим плюрализмом, ибо *нам придется так определить свой предмет, чтобы включить все и любые достоверные данные и процессы в нашу центральную концепцию человека как открытой системы*. И хотя ни один отдельный психолог не сможет разглядеть все, он будет вписывать свою специализацию в большее и более гостеприимное теоретическое строение. Таким образом, я надеюсь, мы реконструируем психологию так, что она станет более свободомыслящей и одновременно более связной наукой, чем сейчас.

Следствия для общества

Я предложил эти различные воображаемые шаги не просто в интересах формирования более адекватной науки психологии, но и для повышения ее полезности.

Обычно говорят, что Свободный Мир прежде всего нуждается в прояснении своих целей. Мы сталкиваемся с диктаторами, которые знают, чего хотят, и так как они хотят поработить свободный дух человека, мы справедливо сопротивляемся их желаниям. Но знают ли граждане нашего открытого общества, чего хотят *они*? Знают ли это наши коллеги и университеты? Оказывается, что их больше интересует научное «знаю-как» (ноу-хау), чем философское «знаю-зачем» нашего существования. Они больше обсуждают «*что*», чем «*для чего*».

Как я представляю, концепция человека как открытой системы могла бы привести в психологии к более ясному определению коренных, основополагающих мотивов человечества. Она могла бы это осуществить через усовершенствованные кросс-культурные и кросс-национальные исследования. До сих пор такие исследования не фокусировали внимания на центральной проблеме универсальных желаний и целей человечества; они охотнее сравнивали отдельные культуры в аспекте практик воспитания детей, восприятия других людей, реакций на современные технологии. Все эти исследования хороши. Но они берут свое начало в ограниченном видении человеческой природы, а иногда в отсутствии такового вообще.

Я могу вообразить исследование, которое поставит своей целью раскрытие коренных мотивов и универсальных способов мышления, позволяющих тем, кто делает международную политику, улучшить свое нынешнее искусство управления и, возможно, открыть новые формулы мирной жизни. Существенным для такого исследования было бы изображение различия между *запросами* людей (которые есть не больше чем предвзятые решения проблем) и основными *желаниями*, которые лежат за этими запросами. Вероятно, нужды человечества универсальны: решения, предлагавшиеся до сих пор, ограничены. Пока еще у нас недостаточно знаний о человечестве, чтобы компенсировать приверженность локальным политическим запросам. Такие знания необходимы в качестве базы для новых решений нынешнего

конфликта. Общеизвестно, что будет сложно изменить привычки политиков, но если бы психология предложила воображаемые ориентиры, это могло бы быть сделано.

Вы можете возразить, что нам уже известно, что человечество хочет мира, но несмотря на это мы мало продвинулись к осуществлению этого желания. Я полагаю, что причина задержки лежит в неспособности политиков до сих пор рассматривать весь паттерн действующих одновременно желаний, включая потребность в самоуважении, свободе от страха, повышении уровня жизни даже при разоружении и в посвящении себя чему-то, помимо величия нации. Нужно учитывать именно всю систему личности, а не отдельный ее сегмент. И знания личностной системы, естественно, должны дополняться знаниями социальной системы.

Систематический плюрализм, помимо его важности для социальной политики, даст студентам будущего более широкую базу для исследования и проверки своих собственных индивидуальных ценностей. Будучи преподавателем, я заметил, что студенты склонны рассматривать собственную жизнь в понятиях любой модной редукционистской системы, которую они только что прошли. О Фрейте было сказано, что по сравнению с большинством психологов он погрузился в бессознательное глубже, оставался там дольше и поднялся оттуда грязнее. Я надеюсь, что психология будущего будет погружаться еще глубже, оставаться еще дольше, исследовать шире, и всплывать с более правдивым образом человеческой природы в целом.

Эта природа имеет значительные ограничения, но и богатые возможности. Если она таит зло, она также таит и добро. Мое видение – это психология, которая будет знать лучшее наряду с худшим, что позволит нам лучше делать хорошее, а при необходимости делать лучшее из худшего.

Понятно, что до сих пор наша юная наука находила удовольствие в борьбе с традициями, доказывала свою рациональность, изобретая всевозможные привлекательные редукционистские модели, и восхищалась своими стерильными методами. Но она за это заплатила. Она ушла далеко от своего предмета и часто обнаруживает навязчивое следование собственным ритуалам. Однако молодежь перерастает свой подростковый возраст и наконец наступает интеллектуальная зрелость.

Базовая психология любви и ненависти¹⁹⁵

Хотя неизбежно, что любовь к себе в каждом человеке должна быть позитивной и активной, отнюдь не неизбежно и совершенно не нужно, чтобы она правила им.

Теофилус Парсонс

Стабильный недостаток современной психологии состоит в том, что ей не удастся провести серьезное исследование аффилиативных желаний и способностей человека. Если не ошибаюсь, было только две последовательных теории их природы. На мой взгляд, обе неудовлетворительны. Одна из них – это подход авторов, постулирующих *стадный инстинкт*. Это тусклое понятие не дало нам почти ничего, кроме самого термина, и в руках Мак-Дугалла и Троттера не привело никуда, кроме своеобразной разновидности британского шовинизма. Второй подход – подход Фрейда, который со странно ограниченной точки зрения ухитряется свести аффилиативные мотивы к сексуальности – оплошность, избежать которой смогли даже древние греки, разведа *эрос* и *аганэ*.

«Бегство от нежности»

Почему психологи в целом обходят проблемы человеческих привязанностей – это интересный вопрос. Ян Сутти называет это «бегством от нежности». Он считает, что, отказываясь от теологии, современная наука о психике излишне болезненно отнеслась к нежности в жизни, столь сильно подчеркивавшейся христианством, и умышленно закрыла на нее глаза¹⁹⁶. Так или иначе, психология чувствует себя более уверенно, изучая разногласия. Ученый боится, что изучая аффилиативные чувства, он может показаться сентиментальным, говоря о любви – излишне эмоциональным, а если он изучает личные привязанности, то может показаться личностно пристрастным. Лучше все это оставить поэтам, святым или теологам.

Помимо чрезмерной реакции на теологию у психолога есть, конечно, вполне обоснованные опасения встретиться с проявлениями лицемерия или рационализации. Он знает, что торжественные заявления о дружелюбии не всегда означают дружелюбие, очень часто они маскируют глубинные состояния горечи и ненависти. Опасения психолога показаться набожным – не всегда дань модным ныне научным табу. Психологу известна ошибка, лежащая за рационализированными описаниями человеческой мотивации.

Но есть еще одна, более фундаментальная причина подобного «бегства от нежности». Аффилиативные желания – как я попытаюсь показать – являются непрямым фундаментом человеческой жизни. В этом качестве их вполне естественно не замечают, ибо обычно мы вообще не замечаем фундамент, обращая внимание только на водруженные на нем фигуры. Мне не интересна белая бумага книги, которую я читаю, она – просто необходимый фон для черного шрифта, который я воспринимаю. И разве спокойная поверхность моря больше привлекает наше внимание, чем водяной смерч? Альфред Норт Уайтхед отметил, что у нас даже нет слов для описания того, что всегда с нами; мы склонны считать само собой разумеющейся нашу повседневность и никогда не испытываем потребность обсуждать ее. Я думаю, что именно по этой причине мы так мало уделяем внимания состоянию согласия, которое одно придает смысл несогласию. Даже выражения человеческого лица подтверждают предложенный

¹⁹⁵ Впервые опубликовано в 1950 г. Печатается по изданию: Allport G. Personality and Social Encounter: Selected essays. Chicago: University of Chicago Press, 1960. P. 199–216.

¹⁹⁶ Suttie I. The origins of love and hate. London, 1935. P. 23.

мной тезис – эмоция любви полностью расслабляет мускулатуру лица, придает чертам «нейтральное» выражение. Напротив, гнев, ревность и ненависть – хорошо очерченные выражения. В человеческом лице, как и в самой жизни, намного легче идентифицировать и определить для исследования проявления нетерпимости и ненависти, чем проявления любви и терпимости, которые принимаются как само собой разумеющиеся.

В своих теориях мотивации психологи были введены в заблуждение отношениями фигура – фон. Поэтому они воспринимают антагонизм как нечто более характерное и возбуждающее, чем добрая воля – и, конечно, это так. Враждебные эмоции – воинственные эмоции, возбуждающие их обладателя и легко заметные наблюдателю; психолога интересуют фрустрация и агрессия, а не дружба и доверие. Однако неоспоримая истина заключена в том, что враждебность пробуждается к жизни из первичного фундамента аффилиативного желания, с которым она так резко контрастирует. Пока человек впервые не полюбит, он не может ненавидеть. Ибо ненависть – эмоция протеста, всегда направленная на реальные или воображаемые препятствия, которые мешают человеку достичь позитивно окрашенных целей, то есть любви.

Тенденция в результатах исследований

Хотя психологи отстают в концептуализации аффилиативных потребностей человечества, тем не менее в последнее время собран значительный эмпирический материал, проливающий свет на природу этих потребностей. Современные методики изучения человеческих отношений с успехом применяются при исследовании различных групп: в школе, в общине, на производстве. Приятно наблюдать, что результаты исследований сходятся в одной точке – представляется, что через все открытия проходит некая общая нить. Можно надеяться, что вскоре эта нить приведет к созданию единой теории.

Исследования в области психологии труда были особенно плодотворны. Они ясно выявили катастрофические ошибки, допускавшиеся в управлении персоналом. Прежде всего, менеджеры раньше предполагали, что лучше всего людей мотивируют страх и наказание. Если работники опаздывали на работу, то платили штраф, при порче материала или нарушении правил – тоже. Боясь потерять работу, они «ходили по струнке» под руководством мастеров, которые, с большой вероятностью, находились во власти авторитарных взглядов на свой собственный статус. Эта система работала настолько плохо, что в промышленности пришлось прибегать к вознаграждениям, идти на уступки. Но подобное стимулирование носило оттенок покровительства и повышало ожидания рабочих, но не улучшало их нравы. С точки зрения психологии ошибка состояла в том, что поощрение не вытекало непосредственно из собственной активности рабочих, носило произвольный характер, поскольку даровалось работодателем, а не порождалось трудовым процессом. Периоды отдыха, премии и знаки отличия являлись чем-то внешним по отношению к рабочей ситуации. Руководители производства пытались улучшить положение дел с помощью изучения временных затрат и хронометража движений рабочих, но такое «управление производительностью» обходило человеческие проблемы. Наконец, в отчаянии, руководство часто увеличивало штат отделов кадров и производительности труда, пока завод не превращался в такого бюрократического Голиафа, – все напрасно. Производственные отношения не улучшались.

Затем настал современный период исследований. Немного времени потребовалось, чтобы обнаружить источник неприятностей. Оказалось, что людям нравятся условия работы, в которых они свободны от высокомерия и чрезмерного надзора вышестоящих; условия, которые дают простор их талантам; условия, позволяющие им участвовать в принятии касающихся их решений; условия, позволяющие объединяться в небольшие команды близких сотрудников и предоставляющие возможности для личного роста и продвижения.

Проводились ли исследования на фабриках, в офисах, школах, молодежных лагерях или армейских подразделениях, – всегда обнаруживался один и тот же паттерн полученных данных. Люди хотели оставаться интегрированными личностями и в рабочей ситуации, и дома. Именно целостный индивид идет в школу, на работу или на войну. Он стремится к близким неформальным взаимоотношениям со своими товарищами и хочет участвовать в построении своей собственной судьбы. И он не хочет долго терпеть покровительство.

Появляющаяся общая нить, оказывается, состоит из двух переплетающихся волокон. Люди в любых формах человеческих связей хотят сохранить свою самооценку – любовь к себе, если угодно, – и одновременно поддерживать теплые, аффилиативные отношения со своими товарищами. Никто, наверное, изначально не хочет ненавидеть. Но тем не менее ненависть появляется во многих жизнях – как следствие блокированной самооценки и блокированной аффилиации.

Обратимся снова к исследованиям. Обширное изучение Стоуффером мотивации солдат в бою (во время второй мировой войны) обнаружило, что аффилиативный мотив даже в условиях экстремального стресса удерживает в выполнении задачи вдвое больше людей, чем мотив ненависти. Единственным, что превосходило по силе желание поддержать других, была религиозная мотивация. Три четверти солдат сообщали, что молитва «сильно помогала», а молитва явно отражает некоторое глубокое аффилиативное (во всяком случае, не деструктивное) желание¹⁹⁷.

Сейчас нашим целям могут служить эти несколько примеров, взятых из современных исследований¹⁹⁸. Они свидетельствуют, что люди в основном стремятся к дружеским и аффилиативным отношениям с другими, при условии, что эти отношения поддерживают их собственное чувство целостности и самоуважения. Таким образом, в нашем теоретизировании мы должны учитывать двойные данные: люди хотят близких, теплых, дружеских взаимоотношений со своими товарищами, но в то же время они крайне чувствительны к проявлениям неуважения к их *самолюбию*. Оскорбленное самоуважение легко может породить ненависть.

Здесь заключена некая дилемма: ни наша экономическая, ни наша политическая жизнь не приспособлены к тому, чтобы соответствовать этому двойственному паттерну потребностей. За исключением ограниченных способов, главным образом в рамках семьи, нигде не предоставляются возможности для выражения любви – стремления ее давать и получать. Сохранение самоуважения тоже не является серьезной заботой наших экономических и политических институтов. Так как аффилиативные потребности удовлетворяются плохо, мы не должны удивляться, обнаружив в качестве наиболее общих побочных продуктов наших социальных взаимоотношений реактивность, враждебность и тревогу. Хотя люди больше всего хотят любви, управляют их жизнью предубеждение и ненависть. В одном из наших исследований установлено, что групповые предубеждения значительно влияют на душевную жизнь примерно четырех пятых американского населения¹⁹⁹. Однако так или иначе в основе всего лежат аффилиативные потребности.

Будучи в таком затруднительном положении, мы должны исследовать гораздо тщательнее, чем раньше, место любви и ненависти в личности человека, обратив особое внимание на быстроту и легкость, с которой враждебность захватывает командные высоты нашей жизни.

¹⁹⁷ Stouffer S. A. et al. The American soldier: I, combat and its aftermath. Princeton: Princeton University Press, 1949. Ch.II. P. 627.

¹⁹⁸ Дополнительные подтверждения можно найти в: Allport G. W. Personality and Social Encounter. Chicago, 1960. P. 181–198; Lewin K. Resolving social conflicts. N. Y., 1948 <Рус. пер.: Левин К. Разрешение социальных конфликтов. СПб.: Речь, 2000.>; Roethlisberger F. J., Dickson W. J. Management and the worker. Cambridge: Harvard University Press, 1939.

¹⁹⁹ Allport G. W., Kramer B. M. Some roots of prejudice // Journal of Social Psychology. 1946. Vol. 22. P. 9–29.

Природа любви и ненависти

До сих пор именно философы формулировали основные теории любви и ненависти. Прежде всего мы, конечно, имеем в виду Эмпедокла, который еще до Сократа говорил нам, что любовь и ненависть – космические силы, причем единственно существующие космические силы. Из материальных элементов земли они формируют гармоничные и негармоничные создания. Со времен Эмпедокла и далее мы обнаруживаем, что история философии наполнена диалектикой любви и ненависти. Ненависть всегда рассматривалась как менее желательная эмоция, чем любовь, как разрушительная и опасная эмоция, если ею не овладеть. Христианская религия, возникнув, высказала полное одобрение любви и абсолютное отвержение ненависти. Как предположил Сатти, именно безусловность этого одобрения привела науку к избеганию темы любви.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.